

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

34 2026
ЧАСТЬ II

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 34 (637) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Петр Федорович Каптерев* (1849–1922), российский и советский педагог и психолог.

Родился Петр Каптерев в селе Клёново Подольского уезда Московской губернии в семье сельского священника. Вместе со старшим братом Николаем обучался в Вифанской духовной семинарии, а в 1872 году оба брата окончили Московскую духовную академию. После чего Петр был утвержден преподавателем психологии, обзора философских учений и педагогики в Санкт-Петербургской духовной семинарии. Благодаря уважению студентов и профессорско-преподавательской корпорации, ему доверили заведование воскресной школой и избрали членом распорядительного совета правления семинарии.

Также он читал лекции на Фрёбелевских курсах и преподавал в женских гимназиях Ведомства учреждений императрицы Марии. Каптерев принимал активное участие в деятельности Родительского кружка — просветительского учреждения в области воспитания и обучения и в деятельности педагогического музея военно-учебных заведений.

Петр Федорович был одним из организаторов в начале XX века Всероссийских съездов по педагогической психологии, экспериментальной педагогике и семейному воспитанию.

С 1921 года он был назначен профессором Воронежского университета и первым деканом его педагогического факультета. Под его руководством был также организован педагогический техникум в Воронеже.

Каптерев изучал проблемы дошкольной педагогики и семейного воспитания, дидактики, педагогической психологии. Он придавал большое значение семейному воспитанию и издавал «Энциклопедию семейного воспитания и обучения» (1898–1910, 59 выпусков; сам был автором 10 выпусков). Педагог считал, что воспитание ребенка должно начинаться с момента его рождения. Систематическое упражнение и развитие органов внешних чувств ребенка — важнейшая задача первоначального воспитания. Рекомендовал использовать «дары Фрёбеля»: цветные мячики, шар, цилиндр, различные треугольники и палочки. Говорил о педагогическом и общественном значении детских садов и ратовал за их распространение. В развитии ребенка исследователь большое значение отводил играм, особенно совместным. Он считал, что детский сад не снимает с родителей ответственности за воспитание детей, и необходима живая связь семьи с общественными организациями. Родителей и воспитателей следует просвещать в вопросах психологии, педагогики и гигиены.

Ученый обосновал необходимость вариативности общеобразовательных школ, дифференциации учебных курсов и всей структуры учебного процесса, а также целесообразность деления школ на классы, исходя из положения о существовании различных «типов ума» (продуктивный, непродуктивный, смешанный) и, соответственно, жизненных призваний юношества. Выступал он также

и за автономность педагогического процесса, свободного от давления государства и церкви — чтобы учитель приобрел независимость в своей деятельности, а учащиеся обрели возможность свободно вырабатывать убеждения и взгляды на религию, государство и общество.

Каптереву принадлежит большая роль в разработке проблем трудового воспитания и обучения в средней школе. Он выступал категорически против какой бы то ни было профессионализации общеобразовательной школы. Трудовое начало в школе, по его мнению, должно способствовать развитию прежде всего мыслительных способностей учащихся. Физический же труд, взятый сам по себе, теряет значительную часть своей ценности, фактически является простой физической нагрузкой, которая может иметь воспитательное значение у маленьких детей, но совершенно бесполезна в юношеском возрасте. Вместе с тем Каптерев полагал, что ручной труд учащихся, как один из элементов общего образования, совершенно необходим в школе потому, что он развивает физические силы человека, позволяет выработать точность действий, правильно использовать различные материалы, учит преодолению трудностей.

Петр Федорович завершил начатую еще Николаем Пироговым и Константином Ушинским переориентацию отечественной педагогики на человека и представил в книге «Дидактических очерках. Теория образования» (1915) русскую педагогику как стройную научную систему (за первое издание «Дидактических очерков» Петербургский комитет грамотности присудил автору золотую медаль). В этом труде были сформулированы цели образования (внешние и внутренние), теория образования получила свой предмет исследования — педагогический процесс, были уточнены законы и принципы педагогики, открытые Дистервегом, уточнены и дополнены ее понятийный аппарат, ее методы, формы и средства.

Педагогика в России стала наукой. Каптерев одним из первых дал систематическое изложение развития российской педагогики за весь период существования. Он разработал свою периодизацию ее развития: от принятия христианства до Петра I — церковная педагогика; от Петра I до 60-х годов XIX века — государственная педагогика; с 60 годов XIX века — общественная педагогика. Анализируя школьный опыт и педагогические идеи прошлого, прежде всего, ученый выделял то, что помогает решать проблемы воспитания и обучения своего времени, удовлетворяет потребности народного образования. Каптерев связывал историю педагогики с общей историей, понимая педагогику как область знания, тесно связанную с общественными интересами.

Петр Федорович умер 7 сентября 1922 года от воспаления лёгких в Воронеже.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Бабушкин И. А.

Отступное как способ прекращения обязательства: соглашение, предоставление и пределы судебного толкования89

Будайчиев Б. Э.

Уголовный проступок и проблема его юридических последствий.....91

Демченко Т. В.

Незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов: уголовно-правовые и криминалистические аспекты93

Жилыева Н. А.

Правовой режим имущественных прав в системе объектов гражданского оборота98

Кашигина И. А.

Наследование по завещанию в современном российском праве: проблемы теории и практики 100

Коновалов Д. А.

Договор ренты как алеаторная конструкция в системе обязательственного права России: критерии разграничения видов и пределы судебного усмотрения 104

Кудряшов К. Н.

Проблемы применения самозащиты в гражданском праве 106

Кудряшов К. Н.

Удержание как средство самозащиты гражданских прав 110

Кумыкова В. А.

Завещание на цифровые активы в России: правовая неопределённость и пути её преодоления 113

Лавринович А. А.

Проблемы размывания товарного знака в современном праве..... 115

Лазарева Н. Ю.

Судебная защита прав отдельных категорий граждан в сфере здравоохранения: проблемы правоприменения 118

Малишава А. Е.

Совершенствование правового регулирования трансплантации роговицы в Российской Федерации: проблемы защиты прав врачей и пациентов 122

Нуруллин Э. Р.

Установление признаков неправомерного завладения автомобильным транспортом без цели хищения 127

Пирназаров А. А.

Перспективы повышения справедливости и устойчивости судебного решения путём внедрения института народных представителей: опыт Республики Узбекистан..... 129

Пирназаров А. А.

Роль и правовое значение судебного приговора в законодательстве отдельных государств 132

Ризванова Д. Д.

Особенности реализации права на участие в управлении акционерным обществом..... 136

Сацкевич Н. А.

Контроль и надзор в системе государственного управления: теоретико-правовой анализ..... 139

Соколова А. А.

Правовой статус банка — эскроу-агента и пределы его ответственности по договору счета эскроу..... 141

Стрелков В. П.

Вопросы обеспечения допустимости и достоверности доказательств в уголовном судопроизводстве 142

Стрелков В. П.

Аспекты формирования и оценки доказательственной базы в уголовном процессе..... 145

Татарникова М. Р.

Утверждение изменений в положение о порядке, условиях и о сроках реализации имущества гражданина-банкрота 147

Шавырин И. Б.

Направления совершенствования правового регулирования и практики прохождения государственной службы в органах Федеральной службы судебных приставов (на примере УФССП России по Калужской области) 151

Шишмаков А. Е.

Договор бытового подряда и его основные особенности 153

Шищенко П. С.

К вопросу о конституционном праве на благоприятную окружающую среду в условиях техногенной деградации Арктики (на примере пос. Амдерма) 155

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Отступное как способ прекращения обязательства: соглашение, предоставление и пределы судебного толкования

Бабушкин Иван Анатольевич, студент
Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье исследуется последовательность правовых последствий соглашения об отступном: возникновение права должника на замену исполнения, реализация этого права и прекращение первоначального обязательства. Показано, что соглашение и предоставление отступного являются различными юридическими фактами, а при передаче недвижимости завершение предоставления связано с государственной регистрацией перехода права. На основе актов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации предложен последовательный порядок квалификации соглашения, ограничивающий судебное толкование действительной волей сторон и фактически совершенными действиями.

Ключевые слова: отступное, прекращение обязательства, факультативное обязательство.

Статья 409 Гражданского кодекса Российской Федерации определяет отступное через результат: обязательство прекращается предоставлением денежных средств или иного имущества взамен первоначального исполнения. Однако между заключением соглашения и достижением этого результата может пройти значительное время. В течение данного периода первоначальный долг продолжает существовать, а стороны по-разному оценивают объем возникших у них прав. Кредитор нередко воспринимает соглашение как основание требовать согласованный предмет, тогда как должник считает его лишь дополнительным способом освобождения от долга. Поэтому последовательная квалификация отступного должна начинаться не с оценки желаемого результата, а с определения юридического значения каждого совершенного сторонами действия.

Различие соглашения и последующего предоставления традиционно является центральным. О. Ю. Шиловский обосновывал необходимость разделять обязательственный эффект договоренности и прекращение первоначального требования [1]. В. В. Бациев рассматривал соглашение об отступном как условие, которое способно осложнить существующее обязательство и предоставить должнику возможность заменить исполнение [2]. С. В. Сарбаш, анализируя постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2020 г. № 6, связывает практическое значение факультативной конструкции с сохранением первоначального требования до момента предоставления замены [3]. Общим для этих подходов является вывод о том, что само наименование документа не предпрещает момент прекращения долга.

Цель исследования состоит в определении последовательности, в которой суд должен устанавливать содержание соглашения об отступном и последствия его исполнения. Научная новизна заключается в рассмотрении отступного как последовательности трех юридических фактов: согласования замены, выбора факультативного предоставления и его завершения. Смешение этих фактов расширяет судебное толкование за пределы воли сторон.

Исходное правило закреплено в информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2005 г. № 102: первоначальное обязательство прекращается не заключением соглашения, а предоставлением отступного (его исполнением). Пункт 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2020 г. № 6 уточняет эту модель. Если моменты заключения соглашения и предоставления замены не совпадают, между сторонами возникает факультативное обязательство. Должник вправе исполнить первоначальную обязанность либо предоставить отступное, а кредитор обязан принять надлежащим образом выбранную замену.

Факультативность определяет распределение инициативы. Выбор принадлежит должнику, поскольку именно он решает, каким из двух предусмотренных способов освободиться от первоначального долга. До совершения выбора кредитор сохраняет требование из первоначального обязательства, но не приобретает права понуждать должника к передаче предмета отступного. Если согласованный срок истек, а замена не предоставлена, кредитор вправе требовать первоначальное исполнение, проценты, неустойку и применение иных мер ответственности. Тем

самым соглашение не ослабляет первоначальное требование, но и не превращает ожидание кредитора получить новый предмет в самостоятельное притязание.

Данное правило не препятствует сторонам иначе распределить право выбора. В том же пункте 3 постановления Пленума № 6 указано, что соглашение может предоставить кредитору право потребовать первоначальное или иное исполнение. Тогда к отношениям применяются правила об альтернативном обязательстве. Различие имеет практическое значение: при факультативной модели кредитор требует только первоначальный предмет, а при альтернативной может выбрать одно из предусмотренных исполнений, если право выбора закреплено за ним. Следовательно, презумпция факультативности действует при отсутствии ясного соглашения об ином, а не запрещает сторонам создать другую договорную конструкцию.

Отступное необходимо также отличать от новации. Новация прекращает первоначальное обязательство в момент заключения соглашения и заменяет его новым обязательством. При отступном первоначальный долг сохраняется до предоставления согласованной замены. Поэтому условие о немедленном прекращении старого долга и возникновении обязанности передать другой предмет должно оцениваться по его содержанию, даже если стороны назвали документ соглашением об отступном. Суд вправе дать отношениям надлежащую правовую квалификацию, но не вправе конструировать новую обязанность лишь потому, что она лучше соответствует экономическим ожиданиям одной из сторон.

Для определения выбранной сторонами модели недостаточно сопоставить отдельные слова «вправе» и «обязуется». Соглашение следует толковать в совокупности с первоначальным договором и последующим поведением сторон. Необходимо установить, сохранил ли должник возможность исполнить первоначальную обязанность, предоставлено ли кредитору право требовать замену и с каким фактом стороны связали прекращение долга. Указание предмета, стоимости и срока отступного необходимо для определенности исполнения, но само по себе не переносит право выбора к кредитору. Предел судебного толкования проходит там, где выяснение общей воли превращается в добавление отсутствующего договорного условия.

Эта проблема проявилась в определении СК по гражданским делам ВС РФ от 10 февраля 2026 г. № 18-КГ25-481-К4. Заимодавец передал заемщику 3 млн руб., а стороны одновременно заключили соглашение, предусматривавшее передачу заложенной квартиры стоимостью 5 млн руб. в качестве отступного при нарушении срока возврата займа. В соглашении были определены дата предоставления отступного и обязанность сторон обратиться за государственной регистрацией. После просрочки заимодавец потребовал признать передачу квартиры состоявшейся и зарегистрировать переход права собственности. Заемщик возражал, указывая, что квар-

тира фактически не передавалась и соглашение не было исполнено.

Суд первой инстанции отказал заимодавцу, однако апелляция и кассация посчитали передачу состоявшейся, сославшись на текст соглашения и передачу ключей. Верховный Суд Российской Федерации отменил эти акты. Судебная коллегия указала, что соглашение предусматривало предоставление отступного в будущем и потому породило факультативное обязательство. До фактического предоставления квартиры кредитор сохранял право требовать возврат займа, но не мог требовать недвижимости. Условие договора о предполагаемой дате передачи не заменяло действий должника, которые свидетельствовали бы о реализации предоставленного ему выбора.

Значение этого определения выходит за пределы конкретного спора. Оно показывает, что договорная формула о том, что имущество «считается предоставленным» с определенной даты, не тождественна самому предоставлению. Иное толкование позволило бы прекратить первоначальный долг юридической фикцией, хотя статья 409 ГК РФ связывает такое последствие с реальным предоставлением. Для вывода о выборе отступного суд должен установить действия, однозначно направленные на замену исполнения: передачу владения, оформление предусмотренных документов, обращение за регистрацией и иные обстоятельства, соответствующие природе предмета. Совокупность доказательств важнее формального указания календарной даты.

Если предметом отступного является недвижимость, выбор должника и завершение предоставления также не должны смешиваться. Фактическая передача объекта подтверждает, что должник воспользовался правом на замену исполнения. Однако в силу статей 8.1, 131 и 223 ГК РФ предоставление недвижимости завершается государственной регистрацией права приобретателя. До внесения записи в Единый государственный реестр недвижимости первоначальное обязательство не считается прекращенным. Именно с момента регистрации кредитор становится собственником недвижимости, а первоначальный долг прекращается. До регистрации должник остается собственником объекта, а кредитор сохраняет требование по первоначальному обязательству.

Вместе с тем фактическая передача не лишена юридического значения. Если должник уже передал недвижимость именно в качестве отступного, но затем уклоняется от регистрации, кредитор вправе потребовать ее осуществления. В такой ситуации суд не выбирает факультативное предоставление вместо должника. Выбор уже совершен самим должником, а судебное решение обеспечивает завершение начатого исполнения. Напротив, если имелось лишь обещание передать объект в будущем, требование о регистрации означало бы понуждение к выбору, которого должник не совершал. Именно разграничение обещания и фактической передачи устраняет кажущееся противоречие между запретом требовать отступное и возможностью требовать регистрацию.

Такой же подход ранее был выражен Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в постановлении от 17 июня 2014 г. № 2826/14 по делу № А57–2430/2011. Стороны предусмотрели передачу объектов недвижимости в качестве отступного, но должник не предоставил их в установленный срок и переход права не был зарегистрирован. После открытия конкурсного производства кредитор потребовал признать за ним право на объекты. Президиум ВАС РФ отказал в удовлетворении требования: неисполненное соглашение не прекратило первоначальный долг и не позволяло получить имущество вне общего порядка расчетов. Кредитор сохранил требование из первоначального обязательства наравне с другими кредиторами должника.

Сопоставление постановления № 2826/14 и определения № 18-КГ25–481-К4 обнаруживает устойчивую линию практики. Ни наступление указанной в договоре даты, ни подробное описание недвижимости, ни наличие намерения прекратить долг не заменяют предоставления. Судебное вмешательство допустимо после того, как должник реализовал право выбора и фактически передал объект, но не завершил регистрационную стадию. До этого момента суд защищает кредитора средствами, относящимися к первоначальному обязательству. Тем самым предел судебного толкования определяется не формальной строгостью, а запретом подменять отсутствующий выбор должника.

Из рассмотренных положений следует последовательный порядок разрешения спора. Сначала суд устанавливает первоначальное обязательство, его предмет

и объем. Затем выясняет, когда должно быть предоставлено отступное и кому принадлежит право выбора. На следующем этапе определяется, был ли выбор реализован фактическими действиями, а не только текстом соглашения. После этого проверяется завершенность предоставления с учетом природы предмета, включая государственную регистрацию недвижимости. Только при положительном ответе на все вопросы определяется объем прекращенных требований.

Объем прекращения долга требует отдельной фиксации. Пункт 2 постановления Пленума № 6 допускает прекращение обязательства отступным полностью или в части, включая основное и дополнительные требования. Если содержание соглашения не позволяет установить иное, толкование осуществляется в пользу прекращения первоначального обязательства полностью вместе с дополнительными требованиями, в том числе неустойкой. Однако эта презумпция применяется после надлежащего предоставления. До него сохраняются первоначальный долг и связанные с его неисполнением меры ответственности. Поэтому вопрос об объеме прекращения логически следует за установлением самого факта предоставления, а не предшествует ему.

Предотвратить спор позволяет точная договорная техника. В соглашении следует указать первоначальный долг, предмет замены, срок ее предоставления и сторону, которой принадлежит право выбора. Необходимо прямо определить действия, подтверждающие передачу предмета, момент прекращения обязательства и судьбу процентов, неустойки и обеспечения.

Литература:

1. Шилов О. Ю. Отступное в гражданском праве России. М.: Статут, 1999. 251 с.
2. Бациев В. В. Обязательство, осложненное условием об отступном (замене исполнения). М.: Статут, 2003. 109 с.
3. Сарбаш С. В. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к № 3. 2021. 264 с.

Уголовный проступок и проблема его юридических последствий

Будайчиев Будайчи Эмирулахович, студент магистратуры

Научный руководитель: Лопашенко Наталья Александровна, доктор юридических наук, профессор
Саратовская государственная юридическая академия

В статье анализируются юридические последствия уголовного проступка как ключевой элемент проектируемой уголовно-правовой категории. Автор выявляет внутреннее противоречие модели, предложенной Верховным Судом Российской Федерации, при которой освобождение от уголовной ответственности фактически сопровождается мерами, содер­жательно тождественными наказанию. На основе сопоставления с институтом судебного штрафа и правовыми последствиями судимости обосновывается вывод о необходимости закрепления уголовного проступка в качестве самостоятельного вида уголовного правонарушения, единственным последствием которого выступает освобождение от ответственности без применения карательного принуждения.

Ключевые слова: уголовный проступок, дифференциация уголовной ответственности, общественная опасность, освобождение от уголовной ответственности, судебный штраф, судимость.

Обсуждение путей модернизации системы дифференциации уголовной ответственности ведётся в отечественной науке не первое десятилетие, однако действующий закон по-прежнему предлагает правоприменителю лишь два полярных варианта реагирования на общественно опасное деяние — назначение наказания либо освобождение от ответственности. Промежуточное звено, позволяющее гибко отвечать на посягательства минимальной тяжести, в законодательстве отсутствует. Заполнить этот пробел призвана конструкция уголовного проступка, к которой Верховный Суд Российской Федерации дважды обращался в законопроектах 2017 и 2020 годов [1]. При этом наиболее уязвимой частью предложенной модели остаётся вопрос о юридических последствиях проступка: именно их содержание определяет, приобретает ли новая категория самостоятельное значение или растворяется в уже действующих институтах.

Под юридическими последствиями в уголовном праве принято понимать совокупность закреплённых законом мер государственного реагирования на факт совершения запрещённого деяния, а также производных от привлечения к ответственности правовых состояний [2, с. 128]. Разработчики законопроектов связали последствия проступка с освобождением от уголовной ответственности, обусловленным возмещением причинённого вреда и исполнением ряда обязанностей — уплатой судебного штрафа либо выполнением общественных или ограниченно оплачиваемых работ. Дополнительно предусматривались сокращённые сроки давности, льготный порядок условно-досрочного освобождения и особые правила для несовершеннолетних.

Нетрудно увидеть, что перечисленные меры по своему содержанию почти не отличаются от наказания. Судебный штраф воспроизводит штраф как вид наказания, а общественные работы — обязательные работы. На это обращает внимание А. М. Герасимов, отмечая, что за внешней формой освобождения скрываются меры, тождественные уголовно-правовому принуждению [3, с. 184]. Возникает противоречие: лицо формально признаётся освобождённым от ответственности, но претерпевает лишения, которые по природе, процедуре исполнения и объёму правоограничений совпадают с наказанием. Н. А. Лопашенко справедливо указывает, что такая конструкция стирает границу между наказанием и освобождением от него, лишая последнее собственного правового содержания [4, с. 211].

Показательно сопоставление проектируемой конструкции с институтом освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ), действующим с 2016 года [5]. Внешне механизмы близки, однако основания их применения принципиально расходятся. Для освобождения по ст. 76.2 УК РФ суд обязан в каждом деле оценить характер и степень причинённого вреда и установить, что общественная опасность деяния

снизилась вследствие заглаживания вреда [6]. Проступок же, по замыслу авторов реформы, изначально характеризуется пониженной опасностью, а потому требование доказывать её снижение к нему неприменимо. Отсюда следует, что механическое перенесение на проступок правил ст. 76.2 УК РФ теоретически необоснованно и лишь усиливает смешение разнородных институтов.

Самостоятельного рассмотрения заслуживают последствия, сходные с судимостью. А. Г. Кибальник предлагал ввести категорию уголовно-правовой преюдиции, при которой повторное совершение проступка в течение года после вступления приговора в силу влекло бы усиление ответственности [7, с. 67]. По сути это означало бы установление за лицом, совершившим проступок, режима контроля, аналогичного судимости. Между тем судимость, как подчёркивал Конституционный Суд Российской Федерации, служит средством достижения целей уголовной ответственности и оправдана лишь в отношении лиц, осуждённых за преступления [8]. Если проступок не обладает общественной опасностью, установление за виновным сопоставимого с судимостью контроля утрачивает правовое основание.

В доктрине не сложилось единства в понимании природы проступка: одни авторы видят в нём разновидность преступления с облегчённым режимом ответственности, другие настаивают на его обособлении. Первый подход как раз и порождает описанные противоречия, поскольку сохраняет за проступком карательный шлейф преступления. Второй, напротив, позволяет выстроить непротиворечивую модель последствий, отталкиваясь от материального признака деяния.

Изложенное подводит к выводу, что жизнеспособность категории уголовного проступка прямо зависит от последовательного определения его последствий. Наиболее обоснованным представляется закрепление проступка как самостоятельного вида уголовного правонарушения, отграниченного от преступления по отсутствию общественной опасности [9, с. 131; 10, с. 46]. При таком подходе единственным юридическим последствием проступка должно выступать освобождение от уголовной ответственности, не сопровождаемое мерами, содержательно тождественными наказанию: отсутствие общественной опасности исключает основания для карательного принуждения. Одновременно достигается чёткое разграничение проступка, с одной стороны, с малозначительным деянием (ч. 2 ст. 14 УК РФ [5]), которое вовсе не порождает уголовно-правовых последствий, а с другой — с преступлением, влекущим наказание и судимость.

Предложенное решение устраняет отмеченное противоречие модели Верховного Суда и придаёт проступку собственное место в системе публично-правовой ответственности. Его реализация требует не точечных по-

правов, а согласованной ревизии норм, расположенных на стыке уголовного и административного законодательства, что образует перспективное направление дальнейших исследований.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2017 г. № 42 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Пудовочкин Ю. Е. Понятие и система уголовно-правовых последствий совершения преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1 (89). С. 126–136.
3. Герасимов А. М. Юридические последствия уголовного проступка // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 1 (144). С. 182–189.
4. Лопашенко Н. А. Размышления об уголовном праве. Принципы уголовного законодательства. Уголовный закон. Преступление, проступок и состав преступления. Авторский курс: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 437 с.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
6. Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 июля 2019 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 12.
7. Кибальник А. Г. Уголовный проступок и его правовые последствия // Уголовное право. 2017. № 4. С. 65–68.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г. № 3-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2003. № 3.
9. Рогова Е. В. О введении категории уголовного проступка в российское законодательство // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2 (46). С. 129–135.
10. Герасимов А. М. Уголовное правонарушение и его элементы: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. 173 с.

Незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов: уголовно-правовые и криминалистические аспекты

Демченко Татьяна Владимировна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В настоящей работе предпринята попытка комплексного осмысления уголовно-правовых и криминалистических аспектов незаконного производства, сбыта и пересылки наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Автор, опираясь на анализ современной судебной практики и статистических данных, рассматривает проблемы квалификации соответствующих деяний в условиях, когда на рынке безраздельно господствуют синтетические наркотики и новые психоактивные вещества. Отдельное внимание уделено сдвигу фокуса наркопреступности с контрабандных схем на локальное подпольное производство, а также специфике криминалистического обеспечения расследования цифрового сбыта. По результатам проведенного исследования автором сформулирован ряд предложений, направленных на приведение уголовного законодательства в соответствие с технологической эволюцией наркопреступности.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, сбыт наркотических средств, производство наркотиков, пересылка наркотиков, новые психоактивные вещества, даркнет-маркетплейсы, криптовалюты, криминалистическая методика, цифровая криминалистика, судебная практика.

Illegal production, distribution or mailing of narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues: criminal law and forensic aspects

Demchenko Tatiana Vladimirovna, master's student
Moscow University «Synergy»

This paper attempts to provide a comprehensive analysis of the criminal law and forensic aspects of the illegal production, distribution, and shipment of narcotic drugs, psychotropic substances, and their analogues. Drawing on an analysis of current judicial prac-

tice and statistical data, the author examines the problems of qualifying the relevant acts in conditions where synthetic drugs and new psychoactive substances dominate the market. Special attention is paid to the shift in the focus of drug-related crime from smuggling schemes to local clandestine production, as well as to the specifics of forensic support for the investigation of digital distribution. Based on the results of the study, the author formulates a number of proposals aimed at bringing criminal legislation in line with the technological evolution of drug-related crime.

Keywords: *illicit drug trafficking, distribution of narcotic drugs, drug production, drug shipment, new psychoactive substances, darknet marketplaces, cryptocurrencies, forensic methodology, digital forensics, judicial practice.*

Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ по-прежнему остаётся одним из наиболее опасных видов преступности, создающих реальную угрозу основам национальной безопасности Российской Федерации. Если обратиться к официальной статистике, то, по сведениям Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2024 году по преступлениям, предусмотренным главой 25 Уголовного кодекса РФ, было осуждено 71,4 тысячи человек, причём подавляющее большинство приговоров (более 50 тысяч лиц, или свыше 70 %) вынесено по статье 228.1 УК РФ, то есть за незаконный сбыт [1]. Эти цифры наглядно свидетельствуют о том, что основной удар правоохранительной системы направлен именно на пресечение каналов распространения запрещённых веществ. Не случайно наркопреступность прочно занимает второе место в структуре зарегистрированной преступности в стране, уступая лишь имущественным преступлениям [2].

Нельзя не отметить, что стремительное развитие цифровых технологий буквально на глазах трансформирует наркобизнес, а закрытие крупнейших даркнет-площадок ставит перед правоохранительными органами всё новые вызовы. Всё это делает крайне актуальным пересмотр устоявшихся научных подходов к противодействию рассматриваемым преступлениям. Стоит подчеркнуть, что проблематика борьбы с незаконным производством, сбытом и пересылкой наркотиков имеет в отечественной юридической науке глубокие и прочные традиции. Уголовно-правовые аспекты данной проблемы подробно рассматривались в трудах А. И. Чучаева [3], Э. Ф. Побегайло; криминалистические методики расследования основательно разработаны в работах Р. С. Белкина [4], А. В. Шеслера [5], Т. А. Седовой [6].

Опираясь на существующие научные результаты, объектом исследования выступает сфера противодействия незаконному производству, сбыту и пересылке наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Предметом же исследования являются нормы российского уголовного и уголовно-процессуального законодательства, регулирующие ответственность за соответствующие деяния, актуальная судебная практика, статистические данные, а также криминалистические методики выявления, расследования и предупреждения наркопреступлений.

Цель исследования заключается в проведении комплексного анализа современного состояния незаконного оборота наркотиков в России, выявлении ключевых

тенденций, проблем правоохранительной деятельности и формулировании мер по совершенствованию борьбы с наркопреступностью. Для достижения этой цели в работе применялись нормативно-логический метод, статистический анализ, а также сравнительно-правовой метод, позволивший сопоставить подходы к квалификации сбыта в бесконтактной форме и ответственности за оборот прекурсоров в российской и зарубежной судебной практике, что помогло выявить отдельные пробелы в отечественном регулировании.

Рассмотрим статистические данные. Анализ сведений, представленных МВД России и Генеральной прокуратурой РФ за 2023–2025 годы, даёт возможность выделить ряд устойчивых тенденций, формирующих облик современной наркопреступности [2, 7]. Прежде всего, обращает на себя внимание структурная трансформация наркорынка. Если ещё в 2015–2019 годах основу российского рынка составляли наркотики растительного происхождения, то, по сведениям Государственного антинаркотического комитета, к 2025 году доля синтетических наркотиков стабильно превышает 60–65 % (а в некоторых регионах и до 70–80 %), полностью вытесняя растительные наркотики с лидирующих позиций [8]. На смену традиционным веществам пришли синтетические психоактивные соединения: синтетические опиоиды (производные фентанила, нитазены), синтетические катиноны (мефедрон, альфа-ПВП) и синтетические каннабиноиды. Как показывает проведённый анализ, их доминирование обусловлено рядом факторов: относительной дешевизной синтеза, высокой концентрацией активных веществ, что заметно упрощает транспортировку, а также возможностью оперативно модифицировать молекулярную формулу для обхода законодательных ограничений.

Нельзя не отметить существенные изменения также в географии и логистике наркопоставок. Наиболее уязвимыми являются транзитные города и регионы, расположенные вдоль федеральных трасс. Например, города в Поволжье или на Урале, через которые идут наркотики, часто страдают от «внутреннего оседания» части товара. Чем хуже экономическая ситуация и чем слабее инфраструктура досуга, тем выше соблазн у молодежи искать лёгкие деньги или способ уйти от реальности. Как свидетельствуют данные МВД России, ежегодно из незаконного оборота изымается порядка 2–3 тонн наркотических и психотропных веществ, а правоохранительными органами пресекается деятельность десятков подпольных лабораторий [7]. При этом, как мы видим, произошла за-

метная трансформация логистических схем: пересылка, подпадающая под действие статьи 229.1 УК РФ, всё чаще касается уже не готовых партий наркотиков, а химических прекурсоров и специализированного оборудования для синтеза, которые злоумышленники искусно маскируют под легальные товары.

Обратимся к уголовно-правовой характеристике сбыта наркотических средств. Известно, что сбыт охватывает широкий спектр действий, направленных на введение этих веществ в незаконный оборот: продажа, дарение, передача в долг, обмен на товары или услуги, а равно иное их введение в оборот. Правовое толкование понятия «сбыт» последовательно формируется в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами [9]. Поэтому мы понимаем, что именно судебная практика позволяет наиболее полно раскрыть содержание данного состава преступления, особенно в условиях появления бесконтактных схем распространения запрещённых веществ.

Очень большое значение имеет чёткое разграничение понятий «изготовление» и «производство» наркотических средств. Изготовление (ст. 228 УК РФ) — это получение готовых к употреблению наркотических средств из исходного сырья без признака серийности, как правило, для личного потребления. Производство же (ст. 228.4 УК РФ) предполагает серийное, регулярное получение наркотических средств или психотропных веществ партиями с целью последующего сбыта [9].

На практике, что также следует учитывать, сложность вызывает доказывание серийности при обнаружении подпольной лаборатории. Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, серийность может подтверждаться наличием значительного количества прекурсоров, использованием специального лабораторного оборудования, приспособлением отдельного помещения под лабораторию, а также записями технологических процессов [9]. Дополнительными доказательствами, по нашему мнению, служат остатки реакционных смесей, многократные партии сырья и признаки масштабирования процесса. В судебной практике одного лишь наличия оборудования или прекурсоров, как показывает анализ, недостаточно для вывода о серийности; требуется установление умысла на регулярное получение запрещённых веществ [4, 6].

На наш взгляд, наиболее значимым событием в сфере борьбы с цифровым наркобизнесом стала международная операция по закрытию маркетплейса Hydra в апреле 2022 года, в которой участвовали и российские правоохранительные органы [10]. В ходе расследования были арестованы серверы, конфисковано 23 млн евро в криптовалюте Bitcoin и задержаны ключевые операторы. До ликвидации через Hydra, как отмечают эксперты, осуществлялось до 80 % всего цифрового наркобизнеса в РФ [10]. Анализ блокчейна в сочетании с оперативно-розыскными мероприятиями позволил идентифицировать участников

преступной инфраструктуры [6]. Закрытие площадки, как нам представляется, привело к фрагментации рынка и росту числа мелких «одноразовых» сайтов и чатов в мессенджерах.

Правоохранительные органы продолжили системную работу по пресечению деятельности подобных ресурсов. Так, маркетплейс «Феникс» был закрыт в конце 2022 года в ходе операции ФСБ России [11], а в 2024 году проведены операции против маркетплейсов RAMP и Blow, также специализировавшихся на наркобизнесе с использованием криптовалют [12]. Судебная практика по этим делам, как мы видим, сформировала важные прецеденты: суды признавали Telegram-каналы и боты полноценными инструментами организованной группы [9], а действия администраторов площадок квалифицировались как организация сбыта в совокупности с легализацией денежных средств (ст. 174.1 УК РФ).

Параллельно была усилена работа по пресечению физического производства наркотиков. В 2023–2024 годах был ликвидирован ряд крупных подпольных лабораторий: в Московской области изъято более 50 кг готовой продукции и около 200 кг прекурсоров [13], в Краснодарском крае пресечена деятельность лаборатории по синтезу синтетических каннабиноидов [13]. Эти дела, как показывает анализ, выявили ряд типичных проблем: сложность доказывания умысла на производство наркотических средств, необходимость комплексных судебно-химических и товароведческих экспертиз, а также риски для жизни и здоровья сотрудников при изъятии химических реактивов [6].

Одной из наиболее острых проблем, как мне представляется, остаётся квалификация деяний, связанных с новыми психоактивными веществами. Согласно Федеральному закону от 8 января 1998 года № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», аналогами наркотических средств являются вещества, сходные по химической структуре и действию на организм человека [14]. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ подчёркивают, что оба эти признака должны подтверждаться заключением эксперта [9]. На практике это, к сожалению, порождает серьёзные трудности: преступники оперативно модифицируют молекулярные формулы, изменяя один-два атома, что формально выводит вещество из-под действия Перечня, утверждённого Постановлением Правительства РФ от 30 июня 1998 года № 681 [15]. Экспертиза аналогов требует дорогостоящего оборудования и длительного времени, а до момента внесения вещества в Перечень его оборот не подпадает под действие статей 228–229.1 УК РФ, создавая так называемые «окна безнаказанности». В 2024–2025 годах в России было зарегистрировано более 120 новых химических модификаций синтетических каннабиноидов, катинонов и опиоидов [8, 20].

Правоприменительная практика показывает, что сложность доказывания по делам о новых психоактивных веществах усугубляется дефицитом квалифицированных экспертов и отсутствием единых методических рекомен-

даций, что приводит к вариативности выводов [6]. В качестве решения, по нашему убеждению, следует внедрить механизм временного правового регулирования — наделить МВД России совместно с Минздравом России полномочиями оперативно вводить временный запрет на оборот потенциально опасных веществ. Перспективным, является также создание единой федеральной базы данных молекулярных структур и фармакологических профилей психоактивных веществ [3].

Перейдём к криминалистическим аспектам. Расследование цифрового наркосбыта требует специфических приёмов, учитывающих сочетание традиционных следов и цифровых артефактов [4, 5, 19]. Осмотр тайника-кладки проводится с обязательным участием специалиста-криминалиста: изымаются QR-коды, геолокационные метки, мобильный телефон задержанного «кладмена». При этом устройство помещается в экранирующий контейнер (Faraday bag) для предотвращения удалённой очистки памяти, а копирование данных осуществляется с помощью аппаратных блокираторов записи и криминалистических программ [6]. Допрос задержанных, на наш взгляд, требует учёта их психологического состояния (возможное опьянение или абстиненция) и тактических приёмов, направленных на изобличение лжи о «случайной» находке наркотика [4].

При назначении судебных экспертиз, как показывает практика, используется комплекс исследований: судебно-химическая, судебно-биологическая, судебно-трасологическая, компьютерно-техническая, финансово-экономическая для трассирования криптовалютных транзакций [4–6]. Всё чаще, по нашему мнению, назначается молекулярно-генетическая экспертиза следов на упаковке и оборудовании.

Криптовалюты (Bitcoin, Monero, Tether), как видно из материалов дел, стали основным средством расчётов в цифровом наркосбыте. Криминалистическое противодействие, по нашему убеждению, включает анализ блокчейна с использованием специализированного программного обеспечения, деанонимизацию кошельков через анализ IP-адресов и метаданных транзакций, привлечение специалистов в области IT-форензики [6, 21]. Как нам представляется, создание в 2024 году специализированных подразделений СК РФ и МВД России по расследованию преступлений в сфере криптовалют существенно повысило эффективность трассировки [16].

Обыск мест подпольного производства синтетических наркотиков, как показывает анализ, относится к числу наиболее сложных следственных действий [4]. Типичные риски включают химические ожоги и отравления токсичными парами, взрывы и пожары, сопротивление вооружённых участников. Криминалистическая методика, как нам видится, требует обязательного привлечения специалистов-химиков, взрывотехников и сотрудников Росгвардии; использования средств индивидуальной защиты; специфического порядка изъятия, при котором химические реактивы помещаются в стеклянную тару с герме-

тичной укупоркой, соблюдается температурный режим. Дополнительно, по нашему убеждению, проводится отбор проб воздуха и смывов с поверхностей для токсикологического анализа [6].

При расследовании пересылки наркотиков, как показывает практика, ключевое значение имеет взаимодействие с операторами почтовой связи, таможенными органами и курьерскими службами [5]. Применяются контролируемая поставка, проверочная закупка в отношении почтовых отправлений, техническое обследование почтовых каналов. Сложность, к сожалению, представляет установление лица, отправившего посылку, особенно при использовании подложных документов. В таких случаях, по нашему убеждению, применяются методы почерковедческой и технико-криминалистической экспертизы упаковки, а также анализ видеозаписей с камер наблюдения.

Важным дополнением к традиционным методам, как нам представляется, стала интеграция цифровых доказательств в единую следственную модель [4, 6]. Геолокационные данные с мобильных устройств сопоставляются с записями камер видеонаблюдения и данными операторов связи для построения «цифровой карты перемещений» фигурантов. Анализ метаданных файлов позволяет установить время и место создания контента. Кроме того, активно применяются методы OSINT для установления связей в теневых сообществах.

Отдельного внимания, как нам видится, заслуживает вопрос развития межведомственного взаимодействия. В настоящее время координацию антинаркотической деятельности осуществляет Государственный антинаркотический комитет (ГАК), возглавляемый Министром внутренних дел РФ [17], в состав которого входят руководители ФСБ России, МВД России, Следственного комитета РФ, ФТС России и других ключевых ведомств. Практика показывает, что наиболее успешные операции проводились именно при тесном взаимодействии этих структур [7]. Однако до настоящего времени, к сожалению, отсутствует единый информационный центр, аккумулирующий данные о цифровых наркоплощадках, криптовалютных транзакциях и новых психоактивных веществах. Создание такого центра на базе Главного управления по контролю за оборотом наркотиков МВД России с интеграцией в систему межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), полагаю, позволило бы существенно повысить скорость реагирования на новые вызовы [3].

Особого внимания заслуживает вопрос совершенствования экспертного обеспечения. В настоящее время судебно-химические экспертизы проводятся в экспертно-криминалистических центрах МВД России и учреждениях Минюста России [6]. Однако нагрузка на экспертов в условиях появления более 120 новых химических модификаций ежегодно, к сожалению, приводит к значительным срокам производства экспертиз (до 30 суток и более) [8]. Выходом из ситуации, на мой взгляд, является развитие сети экспресс-лабораторий в территориальных органах

МВД, оснащённых портативными анализаторами, а также создание единой федеральной базы спектральных характеристик новых психоактивных веществ.

Подводя итоги исследования, опираясь на полученные результаты, можно предложить ряд мер, направленных на согласование уголовного законодательства с технологической эволюцией наркопреступности. В сфере уголовного законодательства, как мне представляется, стоит ввести механизм временного запрета новых психоактивных веществ, предусматривающий упрощённую процедуру включения новых химических формул в Перечень наркотических средств по решению Межведомственной комиссии при Правительстве РФ на срок до одного года [3, 8]. Полагаю необходимым также усовершенствовать ответственность за администрирование цифровых наркоплощадок, введя специальную норму о создании и техническом обеспечении информационных систем, предназначенных для сбыта наркотиков. Стоит, также расширить основания конфискации имущества, предусмотрев возможность изъятия помещений, транспортных средств и серверного оборудования, использованных для совершения преступления [3]. Необходимо, ужесточить ответственность за незаконный оборот прекурсоров, подняв санкции по статье 228.3 УК РФ [18].

В сфере криминалистики и правоприменения, на мой взгляд, стоит организовать при Следственном комитете РФ единый межведомственный центр цифровой криминалистики [4, 6]. Полагаю необходимым подготовить методические рекомендации по тактике осмотра

места происшествия и обыска подпольных лабораторий с учётом актуальных химических рисков [6]. Целесообразно, как мне представляется, внедрить системы предиктивной аналитики в работу почтовых операторов, а в программы обучения следователей включить обязательные курсы по цифровой криминалистике и блокчейн-технологиям [5].

Подводя итоги, можно констатировать следующее. В период 2022–2026 годов незаконное производство, сбыт и пересылка наркотиков претерпели серьёзные изменения. Вместо классических схем появились технологически опосредованные модели, опирающиеся на даркнет-маркетплейсы, криптовалюты и децентрализованные сети. Наркорынок сместился от трансграничной контрабанды к локальному подпольному производству синтетики [7, 8]. Квалификация деяний, как нам видится, осложняется появлением новых психоактивных веществ, формулы которых меняются быстрее, чем законодатель успевает их криминализировать [8]. Принятие разъяснений Пленума Верховного Суда РФ во многом прояснило подходы к квалификации, но ряд вопросов по-прежнему требует научной проработки [9]. Криминалистическое обеспечение борьбы с наркопреступностью, по моему убеждению, теперь невозможно без сочетания классических методик и современных цифровых инструментов [4–6]. Предложенные меры, как мне представляется, позволят согласовать правовые нормы с технологической эволюцией наркопреступности и повысить эффективность противодействия ей на территории России.

Литература:

1. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики о деятельности судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за 2024 год. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 15.07.2026).
2. О состоянии преступности в России за 2024 год: статистический сборник. М.: Генеральная прокуратура РФ, МВД России, 2025. 248 с.
3. Чучаев А. И. Уголовно-правовая охрана здоровья населения и общественной нравственности в России: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. 412 с.
4. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике. М.: Юрист, 2019. 384 с.
5. Шеслер А. В. Криминалистика: учебник для вузов. 3-е изд. М.: Юрайт, 2023. 568 с.
6. Седова Т. А. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков: монография. М.: Юрлитинформ, 2021. 296 с.
7. Информационно-аналитический обзор состояния наркомагии и незаконного оборота наркотиков в Российской Федерации за 2024 год. М.: МВД России, ГУНК МВД России, 2025. 156 с.
8. Национальный доклад о состоянии наркоситуации в Российской Федерации за 2024 год. М.: Государственный антинаркотический комитет, 2025. 198 с.
9. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (в ред. от 16.05.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 9.
10. В России возбуждены уголовные дела по фактам сбыта наркотиков через даркнет-маркетплейс Hydra. Официальный сайт МВД России, 2022. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 15.07.2026).
11. ФСБ России пресекла деятельность даркнет-маркетплейса «Феникс». Пресс-служба ФСБ России, 2022. URL: <https://fsb.ru> (дата обращения: 15.07.2026).
12. Правоохранительные органы России ликвидировали ряд цифровых площадок по сбыту наркотиков. ТАСС, 2024. URL: <https://tass.ru> (дата обращения: 15.07.2026).

13. В Московской области пресечена деятельность подпольной лаборатории по производству синтетических наркотиков. Официальный сайт МВД России, 2024. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 15.07.2026).
14. О наркотических средствах и психотропных веществах: Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ (ред. от 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 2. Ст. 219.
15. Об утверждении Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 (ред. от 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 27. Ст. 3198.
16. В России созданы специализированные подразделения по расследованию преступлений в сфере криптовалют. ТАСС, 2024. URL: <https://tass.ru> (дата обращения: 15.07.2026).
17. О Государственном антинаркотическом комитете: Указ Президента РФ от 19.05.2020 № 331 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 21. Ст. 3277.
18. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
19. Смирнов А. В. Цифровая криминалистика в расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Российский следователь. 2024. № 3. С. 12–16.
20. Кузнецова О. Н. Проблемы квалификации оборота новых психоактивных веществ в современной судебной практике // Уголовное право. 2023. № 4. С. 30–35.
21. Волков Д. С. Особенности трассировки криптовалютных транзакций при расследовании наркопреступлений // Законность. 2024. № 1. С. 40–44.

Правовой режим имущественных прав в системе объектов гражданского оборота

Жиляева Нелли Александровна, студент магистратуры
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

В статье исследуется правовой режим имущественных прав как объектов гражданских прав в современном обороте. Анализируются подходы к определению их правового режима, критерии оборотоспособности и особенности сделок с ними. Обосновывается необходимость дифференцированного подхода к правовому режиму в зависимости от вида имущественных прав и их связи с личностью правообладателя. Особое внимание уделено проблемам оборота таких прав — моменту возникновения и перехода, а также государственной регистрации как условию сделок.

Ключевые слова: имущественные права, правовой режим, объекты гражданских прав, оборотоспособность, гражданский оборот, уступка права требования, залог имущественных прав, государственная регистрация.

Правовой режим имущественных прав представляет собой совокупность правовых средств и способов регулирования, определяющих порядок возникновения, осуществления, перехода и прекращения соответствующих правомочий. В системе объектов гражданских прав имущественные права занимают особое место, поскольку обладают специфическими свойствами, отличающими их от вещей, иных материальных благ и результатов интеллектуальной деятельности. Законодательное закрепление имущественных прав в качестве объектов гражданских прав в ст. 128 ГК РФ создает необходимую правовую основу для их вовлечения в гражданский оборот, однако детальное содержание их правового режима раскрывается через совокупность иных правовых норм, судебную практику и доктринальные положения [1].

Критерием, определяющим правовой режим имущественных прав, выступает их оборотоспособность. В соответствии со ст. 129 ГК РФ объекты гражданских прав могут свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому в порядке универсального правопреем-

ства, если они не изъяты из оборота или не ограничены в обороте [1]. Применительно к имущественным правам данное положение имеет свои особенности. Не все имущественные права являются оборотоспособными в равной степени. Права, неразрывно связанные с личностью кредитора, например, права на алименты, на возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью, не могут быть предметом сделок и переходить к иным лицам. Напротив, права требования, вытекающие из обязательств, а также корпоративные права, как правило, обладают оборотоспособностью и могут быть отчуждены в установленном законом порядке.

Правовой режим имущественных прав раскрывается через возможность совершения с ними различных сделок. Действующее гражданское законодательство предусматривает, что имущественные права могут быть предметом купли-продажи, дарения, мены, залога, а также вноситься в качестве вклада в уставный капитал хозяйственных обществ. Однако природа каждой из перечисленных сделок имеет свои особенности, обусловленные нематериальным

характером имущественных прав [3, с. 164]. Так, при продаже имущественного права передается не вещь в материальном смысле, а совокупность правомочий, которая переходит от продавца к покупателю. Момент перехода права определяется либо моментом заключения договора, либо моментом государственной регистрации, если такая регистрация предусмотрена законом.

Особого внимания заслуживает правовой режим залога имущественных прав. Ст. 336 ГК РФ прямо допускает передачу в залог имущественных прав, если они не связаны неразрывно с личностью кредитора [1]. Залог имущественных прав имеет свои особенности, выражающиеся в том, что предмет залога представляет собой право требования, а не материальную вещь. При неисполнении обеспеченного залогом обязательства залогодержатель вправе обратиться с иском к залогодателю. При этом возникает вопрос о порядке реализации такого права, который разрешается через уступку права требования третьему лицу в части распространения на безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги. Согласно позиции законодателя, закрепленной в ст. 128 ГК РФ, данные объекты отнесены к числу имущественных прав, однако их правовой режим существенно отличается от традиционных обязательствных прав ввиду отсутствия материального носителя и особого порядка учета [1]. В 2023 году к числу безналичных денежных средств отнесен цифровой рубль, что потребует дальнейшего развития теории имущественных прав и выработки новых подходов к их правовому режиму.

Важным элементом правового режима имущественных прав является институт уступки права требования (цессии), регулируемый главой 24 ГК РФ [1]. Уступка права требования представляет собой соглашение между первоначальным кредитором и новым кредитором, направленное на переход принадлежащего первоначальному кредитору права требования к должнику. Для такого перехода не требуется согласия должника, если иное не предусмотрено законом или договором. Однако законодатель устанавливает исключение для случаев, когда личность кредитора имеет существенное значение для должника. Это правило находит отражение в п. 2 ст. 388 ГК РФ, согласно которому уступка требования по обязательству, в котором личность кредитора имеет существенное значение для должника, не допускается без согласия должника [1].

На практике споры об обороте имущественных прав чаще всего касаются момента их перехода, объема передаваемых правомочий и допустимости уступки. Это особенно актуально для договоров участия в долевом строительстве, залога прав по госконтрактам и оборота прав на безналичные средства. Судебная практика (в частности, Постановление Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 54) подчеркивает необходимость учитывать содержание и характер обязательства при оценке допустимости уступки [2].

К числу имущественных прав, правовой режим которых имеет свои особенности, относятся права участ-

ников хозяйственных обществ. Права акционеров и участников обществ с ограниченной ответственностью включают как имущественные права на получение дивидендов, так и управленческие права. При этом имущественные права корпоративного характера могут быть предметом самостоятельного оборота лишь в той мере, в какой это допускается законом. Например, право на получение дивидендов может быть уступлено, однако уступка права голоса на общем собрании не допускается в силу неразрывной связи с личностью участника.

Государственная регистрация как элемент правового режима имущественных прав имеет значение для тех видов имущественных прав, для которых законом предусмотрена регистрация перехода. К числу таких прав относятся права на недвижимое имущество, а также некоторые иные права, например, права по именным ценным бумагам. В отношении большинства обязательствных прав государственная регистрация не требуется, за исключением случаев, специально установленных законом. Это различие порождает неодинаковый правовой режим для разных видов имущественных прав, что необходимо учитывать участникам гражданского оборота.

Особую проблему представляет определение момента перехода имущественного права от одного лица к другому в случаях, когда закон не устанавливает требований к форме сделки и не предусматривает государственной регистрации. Как указывается в доктрине, переход права происходит в момент заключения договора между сторонами, если иное не вытекает из содержания договора или закона. В то же время момент перехода прав по ордерным ценным бумагам определяется моментом совершения передаточной надписи, а по именным ценным бумагам — моментом внесения записи по счету в реестре владельцев ценных бумаг.

Значимым аспектом правового режима имущественных прав является вопрос о соотношении прав на имущество и обязательствных прав. Традиционное различие между ними состоит в том, что вещные права имеют абсолютный характер и действуют в отношении всех третьих лиц, тогда как обязательстваные права носят относительный характер и действуют в отношении конкретных обязанных лиц. Однако это различие не является абсолютным, поскольку в отдельных случаях обязательстваные права могут приобретать черты вещных, например, при залоге прав или при ипотеке, когда право залогодержателя на предмет ипотеки действует против всех третьих лиц [4, с. 87].

Таким образом, правовой режим имущественных прав — многоаспектная категория, зависящая от природы права, связи с личностью, формы сделки, необходимости регистрации и иных обстоятельств. Понимание этого режима — ключевое условие юридической безопасности сделок. Дальнейшее развитие законодательства должно быть направлено на систематизацию правил оборота имущественных прав и устранение пробелов, выявленных в практике.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ ((ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025))// Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки».
3. Анисимов А. П., Козлова М. Ю., Рыженков А. Я. Гражданское право. Особенная часть. Обязательства. М.: Юрайт, 2023. 377 с.
4. Егоров А. В. Залог и титульное обеспечение: теоретико-практическое сравнение конструкций // Вестник гражданского права. — 2014. — № 4 (14). — С. 56–127.

Наследование по завещанию в современном российском праве: проблемы теории и практики

Кашигина Ирина Анатольевна, студент

Челябинский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье анализируются теоретические и практические аспекты наследования по завещанию в Российской Федерации. Рассматриваются понятие и принципы наследования по завещанию, субъектный состав наследственных правоотношений, формы и виды завещаний, содержание завещательных распоряжений, включая распоряжения правами на денежные средства в банках и наследование цифровых активов. Особое внимание уделяется проблемам правоприменения, в том числе толкованию завещания, институту обязательной доли, ответственности по долгам наследодателя и признанию завещания недействительным. На основе анализа законодательства и судебной практики формулируются предложения по совершенствованию гражданского законодательства.

Ключевые слова: наследование по завещанию, завещание, наследственный договор, обязательная доля, завещательные распоряжения, цифровое наследство, исполнитель завещания, недействительность завещания.

Введение

Актуальность исследования предопределена конституционно-правовой значимостью института наследования, который признаётся государством в качестве охраняемой ценности. В статье 35 Конституции Российской Федерации зафиксировано, что право частной собственности находится под охраной закона, а право наследования обеспечивается государственными гарантиями. Наиболее надёжным инструментом реализации посмертной воли собственника выступает завещание. В условиях рыночной экономики институт наследования по завещанию выполняет важную социально-экономическую функцию — стимулирует развитие частной собственности и создаёт предпосылки для её эффективного использования как при жизни собственника, так и после его смерти — в интересах наследников.

Особую актуальность вопросам завещательного наследования придаёт рост числа граждан, составляющих завещания, а также стремительная цифровизация, ставящая вопрос о переходе по наследству криптовалют, аккаунтов в социальных сетях и иных цифровых активов. Российское законодательство не сформировало комплексного

механизма их наследования, что создаёт правовую неопределённость.

Цель работы — исследование правовых аспектов наследования по завещанию, выявление проблем и разработка предложений по совершенствованию законодательства. Объект исследования — общественные отношения, складывающиеся в процессе наследования по завещанию. Предмет — совокупность правовых норм и практика их применения.

1. Понятие и принципы наследования по завещанию в Российской Федерации

В цивилистической доктрине под наследованием традиционно понимается универсальное правопреемство, в силу которого имущество умершего гражданина переходит к иным лицам. Наследственная масса включает вещи, имущественные права и обязанности, отдельные личные неимущественные права. Переход имущества может осуществляться по нескольким основаниям: наследование по закону, по завещанию либо по наследственному договору.

Статья 1118 Гражданского кодекса Российской Федерации закрепляет за каждым гражданином право распо-

рядиться имуществом на случай смерти посредством завещания либо наследственного договора. Наследственный договор — относительно новый институт, сочетающий элементы завещания и договора. Он позволяет наследодателю возложить на наследников дополнительные обязанности, может содержать отлагательные условия, но не может быть закрытым и требует видеофиксации у нотариуса. В отличие от завещания, наследственный договор является многосторонней сделкой, его отмена влечёт возмещение убытков. При коллизии преимущество имеет наследственный договор.

Анализ главы 62 Гражданского кодекса Российской Федерации позволяет выделить ключевые принципы наследования по завещанию:

Принцип универсальности наследственного правопреемства — наследство переходит как единое целое, наследник не вправе принять лишь часть активов. Данный принцип раскрывается через положение о переходе наследства как единого, неделимого комплекса, что означает юридическую невозможность для наследника принять лишь отдельные элементы наследственной массы, отказавшись при этом от иных. При этом по наследству переходят не только активы, но и все сопутствующие обременения, включая долги, в пределах стоимости перешедшего имущества.

Принцип приоритета завещания перед наследованием по закону — завещание имеет определяющее значение, наследование по закону применяется лишь при отсутствии, недействительности или недостаточности завещания.

Принцип свободы завещания — завещатель вправе по своему усмотрению завещать имущество любым лицам, определять доли наследников, лишать наследства наследников по закону без указания причин. Однако свобода завещания ограничена правилами об обязательной доле в наследстве.

Принцип обеспечения прав необходимых наследников (обязательной доли) — несовершеннолетние или нетрудоспособные дети, нетрудоспособные супруг и родители, а также нетрудоспособные иждивенцы наследуют не менее половины доли, которая причиталась бы им при наследовании по закону.

Принцип свободы выбора наследников — каждый наследник вправе принять наследство или отказаться от него. Отказ от наследства не может быть частичным и не может быть совершён под условием.

Принцип охраны основ правопорядка и нравственности — проявляется в институте отстранения от наследования недостойных наследников (статья 1117 ГК РФ). Наследник признаётся недостойным при условии, что обстоятельства подтверждены в судебном порядке — приговором суда по уголовному делу или решением суда по гражданскому делу.

Правоприменительная практика подтверждает важность данных принципов. Суды внимательно подходят к спорам об обязательной доле: в деле Ростовского областного суда отказано в признании права на обязательную

долю гражданке, проживавшей в фактическом браке, поскольку фактические брачные отношения порождают не общую совместную, а общую долевую собственность. В деле Свердловского областного суда отказано в уменьшении обязательной доли, поскольку ограничение права на обязательную долю не может быть произвольным.

Проявление принципа учёта воли наследодателя обнаруживается в правилах о приращении наследственных долей и подназначении наследника (субститута). Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что приращение наследственных долей представляет собой механизм перераспределения имущества при отпадении наследника.

Гражданский кодекс Российской Федерации не содержит легального определения завещания. В связи с этим предлагается следующее определение: **«Завещание — односторонняя сделка, совершаемая лично полностью дееспособным гражданином в установленной законом письменной форме с последующим нотариальным удостоверением, направленная на определение юридической судьбы имущества завещателя на случай его смерти, которая порождает права и обязанности у назначенных наследников после открытия наследства и подчиняется принципу свободы завещания, ограниченному лишь правилами об обязательной доле в наследстве».**

2. Субъектный состав наследования по завещанию

Субъектов наследственных правоотношений принято подразделять на основные и факультативные.

Завещатель — физическое лицо, обладающее полной дееспособностью. Несовершеннолетние, вступившие в брак или эмансипированные, вправе составлять завещание. Лица с частичной дееспособностью завещательной дееспособностью не наделены.

Наследники — физические и юридические лица, лично-правовые образования, международные организации. Завещатель вправе указать подназначенного наследника (субститута) на случай, если основной наследник умрёт, не примет наследство или будет отстранён.

Обязательные наследники — несовершеннолетние/нетрудоспособные дети, нетрудоспособные супруг и родители, иждивенцы, находившиеся на иждивении не менее одного года.

Недостойные наследники — лица, умышленно способствовавшие призыванию себя к наследованию (подтверждается в судебном порядке), родители, лишённые родительских прав, лица, злостно уклонявшиеся от содержания наследодателя.

К факультативным субъектам относятся: **нотариус** (удостоверяет завещание), **рукоприкладчик** (подписывает за завещателя при физических недостатках), **свидетели** (не могут быть заинтересованными лицами, недееспособными, неграмотными), **исполнитель завещания (душеприказчик)** — назначается завещателем, может быть юридическим лицом.

Судебная практика подтверждает сложность признания института недостойных наследников. В деле Баля М. И. к Чащихиной Р. Л. суд отказал в признании ответчика недостойным наследником, поскольку сторона истца не представила приговор суда о признании ответчика виновным в причинении наследодателю телесных повреждений или смерти.

3. Форма и виды завещания

Завещание должно быть составлено в письменной форме и удостоверено нотариусом. Исключения: завещания, приравненные к нотариально удостоверенным (в больницах, на судах, в экспедициях, в воинских частях, в местах лишения свободы); завещания при чрезвычайных обстоятельствах (в простой письменной форме с двумя свидетелями, требуется судебное подтверждение); закрытое завещание (передается нотариусу в заклеенном конверте, вскрывается после смерти в присутствии свидетелей).

Закрытое завещание обеспечивает абсолютную тайну, но повышает риск ошибок из-за отсутствия юридической помощи. Нотариус обязан разъяснить завещателю требования к закрытому завещанию и правила об обязательной доле. После вскрытия конверта нотариус составляет протокол, содержащий полный текст завещания.

4. Завещательные распоряжения: виды и особенности

Законодательство предусматривает следующие виды завещательных распоряжений: назначение и подназначение наследников, лишение наследства, определение долей, завещательный отказ, завещательное возложение, назначение исполнителя.

Завещательный отказ (легат) — возложение на наследника обязанности имущественного характера в пользу отказополучателя. Срок принятия отказа — три года (пресекательный), он не может быть восстановлен. Исполняется за счёт наследства, не создаёт солидарности должников. Прекращение обязательства наступает в случае смерти отказополучателя, отказа от получения, истечения трёхлетнего срока или признания отказополучателя недостойным.

Завещательное возложение — обязанность совершить действие имущественного или неимущественного характера для общепользующей цели. Отличие от отказа: может быть неимущественным, цель — общепользующая, правом требования обладают заинтересованные лица. Срок действия права требования — три года со дня открытия наследства.

Судебная практика иллюстрирует разграничение этих институтов. Белгородский областной суд удовлетворил иск об исполнении завещательного возложения, указав, что принятие наследства по закону не освобождает от исполнения обязательства. Алтайский краевой суд отметил, что отсутствие общепользующей цели свидетельствует о завещательном отказе, а не возложении. Отраденский го-

родской суд признал обоснованным возложение на организацию похорон.

5. Завещательные распоряжения правами на денежные средства в банках

Статья 1128 Гражданского кодекса Российской Федерации допускает завещание денежных средств в общем порядке или путём специального распоряжения в банке. Распоряжение имеет силу нотариально удостоверенного завещания, совершается бесплатно, подписывается завещателем с указанием даты, удостоверяется сотрудником банка.

Завещатель может определить доли и условия выдачи. При наследовании вклада учитывается режим общей совместной собственности супругов: половина вклада принадлежит пережившему супругу, остальное распределяется между наследниками. Обязательная доля также учитывается. Наличие завещательного распоряжения не освобождает наследников от обязанности получить свидетельство о праве на наследство у нотариуса.

6. Наследование цифровых активов и интеллектуальной собственности

В законодательстве отсутствует понятие «цифровое наследство». Криптовалюта признаётся имуществом судебной практикой с 2021 года, но механизм наследования не проработан. Решающий фактор — наличие приватного ключа; при его утрате доступ невозможен. В апреле 2026 года внесён законопроект о создании централизованных цифровых депозитариев для учёта и хранения криптовалютных активов, что может существенно упростить наследование криптовалют.

Аккаунты в социальных сетях не наследуются как имущество, но контент (фотографии, видео) — как объекты авторского права. Пользовательские соглашения запрещают передачу аккаунтов, что создаёт коллизию с наследственным правом. Некоторые сервисы (Apple — «Цифровой наследник», Google — «План на случай неактивности») предоставляют функции передачи данных. Нотариат развивает проект «Цифровое наследство» совместно со Сбербанком и Министерством цифрового развития, позволяющий наследникам получать свидетельство о праве на наследство в цифровом виде.

Интеллектуальная собственность наследуется по части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации: исключительные права переходят к наследникам на 70 лет после смерти автора; патенты и товарные знаки — с оформлением в Роспатенте. Право следования также переходит к наследникам на срок действия исключительного права.

7. Исполнение завещания

Исполнение завещания — юридическая процедура, направленная на реализацию воли наследодателя. Субъекты:

наследник или душеприказчик. Душеприказчик назначается завещателем, должен выразить согласие (подписью, заявлением, фактическим приступлением к исполнению). Полномочия душеприказчика: обеспечить переход имущества к наследникам, охранять наследство, получать причитающиеся средства, требовать исполнения отказа или возложения. Полномочия подтверждаются свидетельством нотариуса.

Нотариус также обязан принимать меры по охране наследства в соответствии со статьёй 64 Основ законодательства о нотариате. Проблема — неразграничение ответственности между душеприказчиком и нотариусом. Вопрос о пределах и видах ответственности исполнителя завещания требует законодательного решения.

8. Основания и порядок признания завещания недействительным

Завещание может быть признано недействительным по общим основаниям (несоответствие закону, недееспособность, обман, насилие, нарушение формы) и специальным (отсутствие подписи, свидетелей, подписание рукоприкладчиком закрытого или чрезвычайного завещания). Описки не являются основанием, если не влияют на понимание воли.

Ничтожное завещание не требует решения суда; оспоримое — признаётся недействительным в судебном порядке. Сроки исковой давности: один год для оспоримых, три года для ничтожных (не более десяти лет). Недействительность завещания не лишает права наследовать по закону или по другому завещанию.

Толкование завещания осуществляется по правилам статьи 1132 Гражданского кодекса Российской Федерации — принимается во внимание буквальное значение слов и выражений. Расширительное и ограничительное толкование не допускаются.

Судебная практика: Саратовский областной суд удовлетворил иск о признании завещания недействительным из-за состояния здоровья завещателя; Краснодарский краевой суд отказал в иске при отсутствии доказательств недееспособности.

Заключение

Институт наследования по завещанию достаточно подробно урегулирован, однако правовое регулирование не успевает за динамикой общественных отношений. Выявлены следующие системные проблемы:

1. Проблема толкования завещания. Статья 1132 ГК РФ допускает лишь буквальное и грамматическое толкование, запрещая привлекать свидетельские показания

и иные доказательства для выяснения действительной воли завещателя. Это может привести к тому, что формальные неточности делают завещание неисполнимым. **Решение:** дополнить статью 1132 ГК РФ положением, допускающим при толковании завещания использование письменных доказательств, а в исключительных случаях — свидетельских показаний, если иные способы не позволяют установить волю завещателя.

2. Проблема совместных завещаний и наследственных договоров. Правовая природа совместных завещаний не определена, обязательная видеофиксация создаёт неудобства. **Решение:** в статье 1118 ГК РФ закрепить, что совместное завещание супругов является двусторонней сделкой особого рода; видеофиксацию сделать факультативной.

3. Проблема ответственности по долгам наследодателя. Статья 1175 ГК РФ устанавливает ответственность в пределах стоимости перешедшего имущества, но возникают споры об оценке. **Решение:** императивно закрепить, что требования кредиторов удовлетворяются только за счёт наследственного имущества, а не личного имущества наследника.

4. Проблема института обязательной доли. Правила не учитывают, что обязательный наследник может не нуждаться в поддержке. **Решение:** предусмотреть возможность для суда уменьшить размер обязательной доли или отказать в её присуждении при отсутствии нужды и существенном нарушении воли завещателя.

5. Проблема признания наследников недостойными. Закрытый перечень оснований не охватывает случаи совершения действий в состоянии невменяемости. **Решение:** дополнить статью 1117 ГК РФ указанием, что отсутствие состава преступления не является автоматическим препятствием для признания лица недостойным, если его действия подтверждены иными доказательствами.

6. Проблема наследования цифровых активов и интеллектуальной собственности. Отсутствует легальное понятие «цифровое наследство» и чёткий механизм наследования криптовалют и аккаунтов; коллизия с пользовательскими соглашениями. **Решение:** дополнить статьи 128 и 1112 ГК РФ, закрепить право наследования доступа к аккаунтам, ввести институт «цифрового депозитария», внести норму о ничтожности положений пользовательских соглашений, ограничивающих переход прав к наследникам.

Внесение предложенных изменений направлено на повышение предсказуемости и справедливости наследственных правоотношений, обеспечение баланса между свободой завещания и защитой прав всех участников наследственного процесса.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (в ред. от 21.07.2014 г.) // Российская газета. — 1993. — 25 дек.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (в ред. от 12.04.2019 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 49. — Ст. 4552.
3. Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2018. — № 30. — Ст. 4552.
4. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (в ред. от 1.02.2019 г.) // Российская газета. — 1993. — № 49.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 27 мая 2002 г. № 351 «Об утверждении Правил совершения завещательных распоряжений правами на денежные средства в банках» // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 22. — Ст. 2097.
6. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31. — Ст. 5018.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (в редакции от 24 декабря 2020 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2012. — № 7.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 марта 2025 г. № 14-П/2025 // Российская газета. — 2025. — № 68.
9. Апелляционное определение Ростовского областного суда от 1 декабря 2016 г. по делу № 33–20682/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 25 ноября 2016 г. по делу № 33–21737/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Апелляционное определение Белгородского областного суда от 25 марта 2014 г. по делу № 33–1010/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Крашенинников П. В. Наследственное право. — М.: Статут, 2016. — 630 с.
13. Петров Е. Ю. Цифровое наследство: проблемы теории и практики // Вестник гражданского права. — 2025. — № 3. — С. 45–52.
14. Долинская В. В. О тенденциях развития и проблемах наследственного права России // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2018. — № 10. — С. 3–6.
15. Михалева Т. Н. Как правильно вступить в наследство: Практические рекомендации юриста. — М.: ГроссМедиа, 2017.
16. Интервью члена Экспертного совета по законодательному регулированию криптовалют Государственной Думы Михаила Успенского // РБК. — 2026. — 15 апр.

Договор ренты как алеаторная конструкция в системе обязательственного права России: критерии разграничения видов и пределы судебного усмотрения

Коновалов Денис Александрович, управляющий
Еткульское отделение ООО «Равис» (Челябинская область)

В работе исследуется правовая природа договора ренты как алеаторной конструкции в системе обязательственного права России. Анализируются критерии разграничения трёх видов ренты: постоянной, пожизненной и пожизненного содержания с иждивением. Рассматриваются пределы судебного усмотрения при квалификации рентных договоров и разрешении споров, связанных с объёмом обязанностей плательщика и защитой прав получателя. Выявлены пробелы в законодательном регулировании, порождающие неоднородность судебной практики. Обоснована необходимость корректировки норм главы 33 ГК РФ с учётом демографических изменений и цифровизации гражданского оборота.

Ключевые слова: договор ренты, алеаторная сделка, постоянная рента, пожизненная рента, пожизненное содержание с иждивением, судебское усмотрение, квалификация договора, защита прав получателя ренты.

Annuity contract as an aleatory structure in the Russian law of obligations system: criteria for distinguishing types and the limits of judicial discretion

Konovalov Denis Aleksandrovich, head of the branch
Yetkul branch LLC «Ravis» (Chelyabinsk region)

This paper examines the legal nature of annuity contracts as aleatory structures in the Russian law of obligations system. It analyzes the criteria for distinguishing between three types of annuity: permanent, lifelong, and lifetime maintenance with support. It examines the limits of judicial discretion in qualifying annuity contracts and resolving disputes related to the scope of the payer's ob-

ligations and the protection of the recipient's rights. Gaps in legislative regulation that lead to heterogeneity in judicial practice are identified. The need to adjust the provisions of Chapter 33 of the Civil Code of the Russian Federation is substantiated, taking into account demographic changes and the digitalization of civil transactions.

Keywords: annuity contract, aleatory transaction, permanent annuity, lifelong annuity, lifetime maintenance with support, judicial discretion, contract qualification, protection of the rights of the annuity recipient.

Введение

Среди договорных конструкций Гражданского кодекса рента выделяется своей социальной ролью и необычной правовой природой. Статья 583 ГК РФ описывает рентный договор как передачу собственности одной стороной другой, а та взамен обязуется регулярно платить деньги или предоставлять содержание в другой форме [1]. Это определение очень краткое, что даёт простор для толкования, а его лаконичность как раз и приводит к тому, что практика по 33-й главе складывается неоднородно, где признаки ренты требуют отдельного изучения, поскольку их размытость порождает дополнительные сложности [3, с. 67–69].

Общество стареет, поэтому рента становится востребованным способом поддержки нетрудоспособных, а среди пожилых особенно популярен договор пожизненного содержания с иждивением, где человек передаёт квартиру, но сохраняет право в ней жить. В таких отношениях получатель оказывается слабой стороной, которую нужно защищать, однако нотариальное удостоверение само по себе не гарантирует, что стороны осознают все риски [6, с. 412].

Правовая природа и виды ренты

Ренту относят к алеаторным сделкам, где в момент подписания никто не знает итоговую сумму платежей, которая зависит от того, сколько проживёт получатель, а при постоянной ренте от момента выкупа. Рисковый характер договора порождает коллизии, которые возникают из-за непонимания сторонами природы своих обязательств [7], а именно алеаторность и отличает ренту от других договоров.

Гражданский кодекс выделяет три вида ренты, а именно постоянную, пожизненную и пожизненное содержание с иждивением, причём каждый имеет свой режим, состав участников и способы защиты. Рента занимает особое место среди договоров, ведь ни один другой поименованный договор не содержит трёх настолько разных видов, а это многообразие создаёт трудности с квалификацией на практике [2, с. 58–60].

Постоянная рента не ограничена сроком, а её получателями могут быть не только граждане, но и некоммерческие организации, где платить разрешено не только деньгами, но и вещами, работами или услугами. Нормы о выкупе прописаны нечётко, поэтому возникают споры о сумме выкупа [8, с. 285–291], а бессрочность обязательства порождает особый механизм прекращения, где пла-

тельщик вправе выкупить ренту, хотя договор может ограничить это право сроком до тридцати лет.

Обязательство по пожизненной ренте действует, пока жив получатель или указанный им гражданин, причём получателями могут быть только физические лица, а плательщиками кто угодно. Закон требует корректировки, особенно в части защиты получателя при недобросовестном исполнении [4, с. 1628–1635], а самым слабым местом остаётся неясность того, какое нарушение считать существенным для расторжения [5, с. 371–378].

Пожизненную ренту и пожизненное содержание с иждивением объединяет срок, ограниченный жизнью получателя, но различий между ними гораздо больше, поскольку по второму договору передают только недвижимость, а содержание предоставляют в натуральной форме, то есть жильё, питание, одежда и уход. Именно натуральный характер содержания порождает большинство конфликтов, где стороны не могут договориться об объёме и качестве услуг, поэтому перечень услуг нужно чётко прописывать в договоре, потому что размытые обязанности плательщика ведут к судебным спорам, а неопределённость в положении участников часто становится причиной разбирательств.

Условия договора и обеспечительные механизмы

Размер рентных платежей — это существенное условие, где закон устанавливает минимальные гарантии, поэтому для пожизненной ренты ежемесячная выплата не может быть ниже прожиточного минимума, а для содержания с иждивением ниже двух минимумов. Привязка к прожиточному минимуму стала важным достижением, поскольку обеспечивает автоматическую индексацию выплат.

Ренту часто путают с куплей-продажей, дарением и наследственным договором, хотя купля-продажа отличается определённой ценой, а дарение вообще безвозмездно. При передаче недвижимости под ренту получатель получает право залога, что усиливает его положение, а для движимого имущества плательщик обязан предоставить обеспечение или застраховать риск [1].

В советское время существовал лишь ограниченный аналог, а именно купля-продажа дома с пожизненным содержанием продавца, что допускалось только для нетрудоспособных. Полноценная рента появилась во второй части ГК РФ в 1996 году, а понимание этой эволюции помогает оценить и достоинства, и недостатки регулирования [1].

Заключение

Договор ренты — это самостоятельный тип гражданско-правовых договоров, который отличается неопределённостью встречных предоставлений, реальным характером, длящимся исполнением и особыми механизмами защиты получателя. Закон выделяет три вида ренты: постоянную, пожизненную и пожизненное содержание с иждивением. Они различаются по субъектному составу, предмету пере-

дачи, форме и объёму содержания, а также по основаниям прекращения. Хотя глава 33 ГК РФ достаточно подробно регулирует эти отношения, многие практические проблемы пока не решены. Это касается квалификации договоров, объёма обязанностей плательщика и защиты прав получателя при недобросовестном исполнении. Дальнейшее совершенствование законодательства должно учитывать состояние населения, которое расширяет применение ренты, и вызовы, связанные с цифровизацией оборота.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ: в ред. от 24 июля 2023 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
2. Корнилова Н. В. Договор ренты в системе договоров о передаче имущества в собственность / Н. В. Корнилова // Аграрное и земельное право. — 2022. — № 7 (211). — С. 58–60.
3. Корнилова Н. В. О признаках договора ренты / Н. В. Корнилова // Аграрное и земельное право. — 2022. — № 8 (212). — С. 67–69.
4. Подrezова О. С. К вопросу об определении путей совершенствования договора пожизненной ренты / О. С. Подrezова // Инновации. Наука. Образование. — 2021. — № 34. — С. 1628–1635.
5. Подrezова О. С. К вопросу соответствия законодательных предписаний о договоре ренты современным потребностям общества / О. С. Подrezова // Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов. — 2022. — С. 371–378.
6. Формакидов Д. А. Договорное регулирование жилищных отношений: монография / Д. А. Формакидов. — Москва: СТАТУТ, 2024. — 412 с.
7. Хатова Я. В. Особенности и практические проблемы применения договора ренты как алеаторной сделки / Я. В. Хатова // Цивилист. — 2022. — № 4. — С. 36–39.
8. Черенков А. М. Договор постоянной ренты: проблемы правового регулирования / А. М. Черенков // Вопросы российской юстиции. — 2025. — № 35. — С. 285–291.

Проблемы применения самозащиты в гражданском праве

Кудряшов Константин Николаевич, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье рассматривается такой порядок защиты гражданских прав как самозащита. Рассматриваются вопросы применения самозащиты гражданских прав на практике, возникающие при этом трудности в реализации правовых действий, сложности при принятии решений и другие проблемы применения самозащиты в гражданском праве. Автором был проведён анализ нормативно-правовой базы РФ в рассматриваемом секторе правового регулирования, а также обзор различных научных подходов по рассматриваемому вопросу. Были выявлены определённые закономерности, сделанные выводы изложены в данной статье.

Ключевые слова: самозащита, гражданское право, правоотношение.

Problems of the application of self-defense in civil law

Kudryashov Konstantin Nikolaevich, master's student
Chelyabinsk State University

The article discusses such a procedure for the protection of civil rights as self-defense. The issues of the application of self-defense of civil rights in practice, the difficulties in the implementation of legal actions, difficulties in decision-making and other problems of the application of self-defense in civil law are considered. The author conducted an analysis of the regulatory framework of the Russian Federation in the legal regulation sector under consideration, as well as an overview of various scientific approaches to the issue under consideration. Certain patterns have been identified, and the conclusions drawn are set out in this article.

Keywords: self-defense, civil law, legal relationship.

Самозащита гражданских прав предусмотрена Гражданским кодексом Российской Федерации. Основные положения о самозащите указаны в ст. 14 ГК РФ, где чётко не разъясняется какими мерами при этом можно оперировать и какие при этом имеются границы применения данного вида права. Согласно другому подходу, самозащита гражданских прав прежде всего является осуществлением конституционных прав и свобод [1]. Но Конституция РФ также не даёт подробных разъяснений по данному вопросу, где утверждения носят в большей мере общий правовой характер, не указывая при этом прямо на гражданское право и применение самозащиты¹. Таким образом одной из проблем применения самозащиты в гражданском праве является недостаточно изложенные в законодательных нормах виды разрешённых и запрещённых мер, их правила применения и ограничения.

В связи с изложенным выше при разрешении споров в судебном порядке по делам с применением самозащиты гражданского права часто возникают сложности в оценке совершённых деяний. Так, например, иск по возмещению убытков по сносу постройки в условиях крайней необходимости согласно ст. 1067 ГК РФ, что также является проявлением самозащиты гражданского права, может быть удовлетворён частично [2]. В такой ситуации можно сказать, что суд не может дать однозначный ответ на вопрос был ли снос здания законным или нет.

Ввиду того, что нормы законодательства не устанавливают возможные виды самозащиты гражданских прав, на практике правообладатели затрудняются в применении этого вида защиты своего права и чаще всего прибегают к другим видам защиты или используют какой-то конкретный вид самозащиты гражданского права, применение которого многократно проверено в судебной практике и не вызывает сомнений. К такому действию можно отнести использование видеосъёмки, доказывающей нарушение исключительного авторского права или удержание имущества контрагента, не выполнившего свои обязательства по договору [3; 4]. На основании этого можно заключить, что при отсутствии в законодательстве информации о возможных видах самозащиты гражданских прав применение этого вида защиты в гражданском праве сводится к узкому кругу действий, которые можно использовать в ограниченном количестве разновидностей гражданско-правовых отношений.

В нормах законодательства РФ отсутствует подробное разъяснение по тому, как можно воздействовать в ответ на неправомерные действия, используя право на самозащиту гражданских прав. Поэтому часто участники гражданских правоотношений неправильно оценивают события, ошибочно выбирают меры по самозащите. Например, в решении суда сказано, что физическое лицо ошибочно посчитало возможным совершить присвоение чужого имущества в качестве меры самозащиты своих гражданских прав в ответ на совершенное против него уголовное преступление [5]. В этом случае нужно признать, что ча-

стично в произошедшем виновно государство, так как не разъяснило в законодательных нормах каким образом физические и юридические лица могут использовать самозащиту своих гражданских прав.

Наличие недосказанности в законодательстве по вопросам самозащиты гражданских прав отражается в непонимании гражданами закона, и как следствие проявляется, например, в подаче жалобы в Конституционный суд РФ. В одной из жалоб Гражданин РФ просил отменить ст. 14 ГК РФ, так как из-за непонимания законодательной нормы нарушал этот закон и был наказан [6]. Причина в том, что данная статья не раскрыта таким образом, чтобы можно было её правильно понимать.

Сложностью в осуществлении самозащиты гражданских прав является отсутствие формального юридического оформления выполнения тех или действий по осуществлению самозащиты гражданских прав, так как такое действие законом чаще всего не предусмотрено. Во многих случаях применение самозащиты может быть воспринято в гражданско-правовом отношении не как мера самозащиты, а как умышленное неправомерное воздействие. Так удержание имущества может пониматься как захват имущества, видеосъёмка купли-продажи спорного товара в торговой точке расцениваться как сбор сведений конкурирующей фирмой. Такая неясность событий возникает по причине отсутствия документального оформления проявления самозащиты и, следовательно, может привести к неправомерным действиям, а в дальнейшем потребуются доказывать, что это была именно самозащита гражданских прав. Некоторые авторы приводят в сравнение российскому законодательству Гражданский кодекс Украины, в котором говорится, что способы самозащиты могут избираться самим лицом или устанавливаться договором или актами гражданского законодательства. Тем самым указывая на недостатки в российском законодательстве по вопросам применения самозащиты гражданских прав [10].

Э. Л. Страунинг указывает на принцип свободы договора в гражданском праве, закреплённый ст.1 и 421 ГК РФ, который даёт свободу субъектам гражданского права в выборе условий договора. При этом в его понимании самозащита гражданского права может проявляться во внесении определённых условий в гражданско-правовой договор. Но при этом он указывает на то, что современное законодательство имеет недостаточную глубину проработки отдельных его положений и неоправданное ограничение принципа свободы договора [7, с.77–78]. То есть он признаёт, что на данный момент в российском законодательстве тема оформления правовых отношений с применением самозащиты гражданских прав проработана недостаточно.

Применение самозащиты в гражданском праве являются неюрисдикционным методом осуществления своих прав, то есть обладатель права сам выбирает меру воздействия на противоположную сторону гражданско-правовых отношений без согласования с кем-либо.

Э. Л. Страунинг также выделяет самозащиту как отдельную самостоятельную форму защиты гражданских прав наряду с судебной и административной формой защиты гражданских прав [7, с.45]. В отличие от судебной формы, когда происходит разбирательство дела и ответные меры воздействия на совершенные против лица правонарушения определяет суд, использование формы самозащиты своих гражданских прав требует от участника гражданско-правовых отношений взять под свою личную ответственность возможные последствия в результате дальнейшего развития событий. Исходя из этого следует, что применение самозащиты гражданских прав на сегодняшний день связано с определёнными рисками для правообладателя, что в свою очередь затрудняет применение самозащиты гражданских прав физическими и юридическими лицами. Как пишет Э. Л. Страунинг, в условиях рыночной экономики возрастает роль защиты гражданских прав, обусловленная необходимостью формирования устойчивых отношений в сфере гражданского оборота и предпринимательской деятельности [7, с.133]. При этом он призывает использовать именно форму самозащиты гражданских прав в противовес судебной форме разрешения гражданско-правовых отношений. С его мнением трудно согласиться, так как устойчивость отношений может быть только при принятии надёжных решений, в том числе и при выборе формы защиты гражданских прав. Самозащита гражданских прав сегодня не является надёжным решением для осуществления своих гражданских прав.

Одним из общеправовых принципов самозащиты гражданских прав является равноправие субъектов права на самозащиту [7]. То есть нет ограничений в субъектном составе лиц, на которые распространяется право на самозащиту. В таких условиях события гражданско-правового характера могут развиваться хаотично и привести к тяжёлым последствиям. Классик российской цивилистики В. П. Грибанов писал: «Необходимая оборона как способ самозащиты гражданских прав имеет и свои юридические последствия. Статья 448 ГК предусматривает, что вред, причиненный в состоянии необходимой обороны, не подлежит возмещению. Если же вред причинен при отсутствии условий необходимой обороны, то такой вред должен быть возмещен в полном объеме» [9, с.125]. То есть при наличии определённых условий, о которых субъекту правоотношения сразу не было известно, действия по применению самозащиты гражданских прав в дальнейшем будут признаны противоправными. Гражданско-правовые отношения могут перерасти в иные формы отношений, когда одна сторона гражданско-правовых отношений использует форму самозащиты гражданских прав и другая сторона отвечает тоже в форме самозащиты гражданских прав. При этом отсутствует контроль над правомерностью совершаемых деяний. Если учесть, что при этом число участников правовых отношений неограниченно, то совершение подобных действий используя самозащиту гражданских прав становится со-

мнительным с точки зрения их правомерности. Поэтому применение самозащиты гражданских прав для многих участников гражданско-правовых отношений является менее надёжной формой защиты гражданских прав в сравнении с другими формами.

Э. Л. Страунинг пишет, знание является необходимым условием для самозащиты. И при этом приводятся предположения по повышению правовой грамотности населения [7, с.94]. То есть автор монографии одновременно призывает к применению самозащиты гражданских прав и, с другой стороны, указывает на проблему, что правовая грамотность населения в целом ниже того уровня, чтобы можно было свободно применять самозащиту гражданских прав на практике. Согласно официальной статистике в Российской Федерации уровень образования населения не позволяет каждому гражданину юридически грамотно осуществлять меры по самозащите гражданских прав. Высшее образование среди населения в возрасте 25–64 лет по данным на 2020 год в России имеет 32,4 % населения, среднее профессиональное образование для той же группы населения — 74,7 % [8]. Стоит отметить, что эти данные не учитывают детей и людей пожилого возраста. Таким образом уровень образования в России свидетельствует о недостатке юридических знаний у населения для осуществления своих гражданских прав в форме самозащиты, а каких-либо инструкций для неграмотных людей в юриспруденции не создано.

В ст.14 ГК РФ сказано, что способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения. В случаях крайней необходимости, необходимой обороны, задержании правонарушителя и ряде других случаев действовать приходится оперативно и с определённым риском для собственного здоровья и жизни, а также здоровья и жизни других людей. В таких условиях становится сложно контролировать пределы действий, необходимые для пресечения нарушения.

Необходимая оборона регулируется ст.1066 ГК РФ и подразумевает действия, направленные на противодействие нападению. При этом возникает ряд сложностей в её применении на практике. Прежде всего должна быть обоснована необходимость обороны, то есть должны присутствовать признаки уголовного преступления в отношении правообладателя. Также необходимая оборона является ответным действием и не может применяться в случае противоправного посягательства ещё не наступившего, а только ожидающегося, в противном случае будет признана правонарушением. В. П. Грибанов указывает: «Необходимая оборона допускается лишь тогда, когда есть реальная угроза правам и интересам граждан или организаций. Если же такая угроза еще не возникла либо прекратилась, то действия лица не могут быть признаны совершенными в состоянии необходимой обороны». [9, с.121]. В уголовном праве посягательство — это деяние, которое причиняет вред или создаёт угрозу причинения существенного вреда охраняемым уголовным

законом интересам личности, общества или государства [11]. То есть посягательство создаёт угрозу и ответные действия в форме необходимой обороны можно применить только в ответ на случившееся посягательство, что существенно затрудняет осуществление самозащиты в реальных условиях. Правильно оценить ситуацию и понять есть ли в данный момент реальная угроза, можно ли отнести случившееся событие к уголовному преступлению во многих случаях подобного характера бывает практически невозможно. В ст. 37 УК РФ учитывается фактор неожиданности посягательства и если в случае неожиданного посягательства лицо не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения, то считается, что обороняющееся лицо не превысило пределы необходимой обороны. Тогда возникает сложность в оценке степени неожиданности, так как практически любое посягательство можно назвать неожиданным ввиду наличия внезапности.

Действия в случаях крайней необходимости похожи на случаи действия в условиях необходимой обороны. Правообладателю также необходимо обосновать, что он действовал именно в условиях крайней необходимости, что бывает сделать затруднительно [2]. Понятие крайней необходимости определено ст.39 Уголовного кодекса РФ и подразумевают собой действия необходимые для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами

и при этом не было допущено превышения пределов крайней необходимости. Прежде всего здесь необходимо обосновать, что действия были совершены именно с целью устранения опасности лицу или другим лицам, а также подтвердить, что опасность не могла быть устранена иными средствами. Это сделать непросто, ведь даже если лицо действовало в условиях крайней необходимости, оно могло выбрать иные средства и методы для выполнения необходимых задач по устранению опасности. А была ли на самом деле такая опасность? Правильно оценить ситуацию в реальных жизненных условиях удаётся редко, так как события подобного характера происходят внезапно и лица, прибегающие к мерам крайней необходимости, не являются просвещёнными в той области, в которой им приходится действовать. В монографии Чепурновой Н. М. сказано, что граница пределов крайней необходимости определяется соотношением вреда причинённого и предотвращённого, при этом причинённый вред должен быть меньше предотвращённого [1, с.113]. Очевидно, что при выполнении подобных действий подчитать каким-то образом вред бывает затруднительно, если только это не касается жизни и здоровья граждан.

Таким образом можно сказать, что на практике применение самозащиты гражданских прав сталкивается с определённым кругом проблем и не всегда удаётся принять правильное решение. Безусловно необходимо вносить изменения, прорабатывать более подробно российское законодательство в области самозащиты гражданских прав, повышать уровень юридической грамотности населения.

Литература:

1. Чепурнова, Н. М. Самозащита гражданских прав и свобод человека и гражданина. Конституционно-правовой аспект: монография / Н. М. Чепурнова, Е. И. Гончаров. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2017. — 159 с.
2. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Амурского областного суда от 18 января 2019 года по делу № 33АП-112/2019 // Справочно-правовая система АО «Кодекс».
3. Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 10 августа 2011 г. по делу N А43–20402/2010 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
4. Постановление арбитражного суда центрального округа от 19 июня 2020 г. по делу N А48–3212/2019 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
5. Приговор Тобольского городского суда Тюменской области от 30 марта 2012 года по делу № 1–128/2012 // Справочно-правовая система АО «Кодекс».
6. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 года по делу № 2943-О // Справочно-правовая система АО «Кодекс».
7. Страунинг, Э. Л. Теория самозащиты гражданских прав: монография / Э. Л. Страунинг. — М.: Типография ООО «Документ системы», 2007. — 146с.
8. Образование в цифрах: 2024: краткий статистический сборник / Т. А. Варламова, Л. М. Гохберг, О. А. Зорина и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. — 132 с.
9. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. — М.: «Статут», 2000. -411 с.
10. Беляйкина, Л. В. Самозащита гражданских прав. / Л. В. Беляйкина // Вестник магистратуры Современной Гуманитарной Академии. — 2017. — № 12–4(75). — URL: <https://cyberleninka.ru/>.
11. Баранов А. М. Словарь уголовно-процессуальных понятий и терминов / А. М. Баранов, П. Г. Марфицин // Электронный юридический журнал «Правовые технологии». — URL: <https://academic.ru/>.
12. Свободный, Т. Д., Шушина, Е. В. Самозащита гражданских прав/ Т. Д. Свободный, Е. В. Шушина // Цивилист. — 2024.-№ 3. — URL: <https://www.consultant.ru/>.
13. Аксюк, И. В. Самозащита гражданских прав. / И. В. Аксюк // Вестник юридического факультета ЮФУ. — 2020.

Удержание как средство самозащиты гражданских прав

Кудряшов Константин Николаевич, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

Detention as a means of self-defense of civil rights

Kudryashov Konstantin Nikolaevich, master's student
Chelyabinsk State University

Удержание является одним из методов обеспечения обязательств в договорных отношениях. Право на удержание установлено законом, в общем случае регулируется ст. 359, 360 ГК РФ, а при решении некоторых узких вопросов и другими нормативно-правовыми актами.

Является ли удержание средством самозащиты гражданских прав? Этот вопрос не имеет однозначного ответа. Как в научной литературе, так и в судебной практике можно встретить разное толкование законодательства РФ.

В современной доктрине большинство мнений всё же склоняется к тому, что удержание не относится к самозащите гражданских прав. При этом основной упор делается на то, что удержание не соответствует основным принципам института самозащиты гражданских прав. Сарбаш С. В. пишет, что институт самозащиты и удержание имеют много общего, в какой-то степени самозащита является «прародительницей» удержания, но при этом он всё же их разграничивает [1]. По мнению Сарбаша удержание применяется как самостоятельный правовой шаг, а самозащиту можно использовать только в том случае, когда другие способы защиты недоступны на тот момент; самозащита применяется в случае неправомерного посягательства на право, а при использовании удержания неправомерность действий отсутствует; самозащита может применяться в случае, когда вред ещё не нанесён, но есть вероятность нанесения вреда, а удержание осуществляется только при наличии обязательства. Мнение Сарбаша является спорным, так как, например, согласно законодательству РФ, самозащита является самостоятельной формой защиты гражданских прав и поэтому не обязательно применяется в том случае, когда другие формы защиты недоступны. Кроме того, выделенные отличия между удержанием и самозащитой возможны только в определённых случаях гражданских правоотношений, то есть их можно назвать исключением из правил. Если рассматривать мнения других авторов, которые занимались изучением соотношения правовых институтов самозащиты и удержания, то наблюдается похожая картина. Гумбатова Ю. Н. в своей работе пишет, что удержание не является самозащитой, так как: обращение взыскания на удерживаемое имущество осуществляется в судебном порядке, а самозащита является неюрисдикционной формой защиты гражданских прав; удержание нацелено на получение определённого результата, а самозащита не имеет своей целью получения правовых последствий, являясь лишь фактическим действием в сло-

жившейся ситуации [2, с.29]. Указанные Гумбатовой разграничения правовых институтов можно наблюдать только в каких-то конкретных проявлениях гражданско-правовых отношений. Так, обращение взыскания на удерживаемое имущество происходит не так часто, но, с другой стороны, как верно пишет Гумбатова, в этом случае удержание и самозащита имеют различия.

Таким образом, в некоторых вопросах удержание имущества нельзя назвать одним из способов самозащиты гражданских прав, так как есть определённые пересечения понятий, о которых свидетельствуют научные мнения. Но в широком понимании этих правовых институтов удержание можно отнести к одной из разновидностей средств самозащиты гражданских прав.

В научной среде также существует множество других мнений по поводу того к какому институту права относится удержание. А. И. Пырх пишет, что удержание удовлетворяет всем характерным чертам мер оперативного воздействия [6, с.56]. Но при этом он считает меры оперативного воздействия отдельным видом самозащиты гражданских прав. То есть он считает, что удержание относится к самозащите гражданских прав, но при этом оно не является отдельным средством самозащиты, а включается в состав самозащиты гражданских прав как разновидность мер оперативного воздействия. Его мнение и другие точки зрения по данному вопросу небезосновательны и в целом дополняют картину правового поля РФ, хотя при этом вносят неясность в теорию права.

Предметом удержания является вещь, которая принадлежит должнику и должна на законных основаниях оказаться у ретентора в момент применения удержания. При этом право собственности удерживаемой вещи может перейти к третьим лицам в период удержания, право удержания при этом сохраняется. ГК РФ не конкретизирует, какая именно вещь должна быть предметом удержания, в связи с чем имеется много дискуссий. Так, например, Сарбаш пишет, что удерживать родовые вещи можно только в том случае, если они каким-то образом индивидуализированы, то есть носят индивидуально-определённый характер [1]. Это он связывает с тем, что у кредитора должна находиться именно вещь должника, а никакая другая. Но, с другой стороны, в законе нет таких ограничений, поэтому суд, принимая решение по своему внутреннему убеждению в соответствии с особенностями конкретного дела, может признать удержание родовых вещей законными, а может и не признавать. Так в су-

дебном разбирательстве двух предпринимателей, один из которых применил удержание имущества в качестве меры обеспечения обязательств, удерживалась одежда разных видов и моделей [3]. В судебном акте эта одежда структурирована по половым признакам, назначению и т.п., но в целом всё же относится к родовым вещам, так как каждый вид одежды имеет только обобщённые признаки. В решении суда не исключается возможность удержания именно этих вещей, но, с другой стороны, при отсутствии законодательной точности в этом вопросе, не утверждается и обратное.

Надо сказать, что в той или иной мере, в зависимости от того какая именно вещь удерживается, в законодательстве есть определённые правила и ограничения. Это может быть ограничение в целях безопасности, например, согласно ст. 129 ГК РФ нельзя удерживать вещи, изъятые из оборота, так как они вообще не могут быть в общем случае в гражданском обороте. Также это могут быть нормы, регулирующие особенности удержания вещей в каком-либо небольшом круге правоотношений. Сюда относится ст. 712 ГК РФ, которая устанавливает правила удержания вещей в соответствии с условиями договора подряда, ст. 790 ГК РФ регулирующая право перевозчика-доставщика груза удерживать при несвоевременной оплате перевозимые им вещи. Соответственно существует достаточно большая судебная практика решения вопросов удержания этих вещей. Например, Аржанникова Н. в научной статье приводит анализ судебной практики по случаям удержания имущества подрядчика заказчиком в рамках договора подряда [26, с.2].

С другой стороны, ко многим вещам, которые могут удерживаться в качестве меры обеспечения обязательств и при этом имеют какие-то особенности, нет конкретных указаний в законе, что затрудняет использование удержания правоприменителями. В этом случае вещи и так обладают какими-то особенностями, и при этом само удержание имущества является неюрисдикционной формой защиты, требующей от применителя права отличного знания законодательства, необходимого для принятия решения без права на ошибку. К этой группе вещей можно отнести эластичные товары, ограниченные в обороте вещи и др. По поводу удержания эластичных товаров пишет Бевзенко Р. С., отмечая, что в отношении удержания таких товаров близким является залоговое право и поэтому предлагается использовать принцип аналогии закона [25, с.8]. Но при этом автор указывает, что в случаях экономической эластичности товаров применение аналогии закона окажется несправедливым по отношению к ретентору.

В связи со сказанным очень сложным является вопрос об удержании недвижимого имущества. Григорьева А. Г. в своей научной статье анализирует различные научные мнения по поводу удержания недвижимого имущества, в том числе мнения Сарбаша С. В., Гонгало Б.М, Витрянского В. В. и приходит к выводу, что удержание недвижимого имущества является сложным вопросом, что

прежде всего связано с недоработкой законодательных норм в этой области [4, с.221]. Наибольшую сложность, по её мнению, в удержании недвижимости представляет собой требование обязательной государственной регистрации, что значительно тормозит гражданский оборот в целом и с отелльной точки зрения вообще запрещает использовать удержание имущества, так как удержание не входит в состав возможных видов обременений недвижимости согласно ст.131 ГК РФ, которые также подлежат регистрации.

Таким образом, по общему правилу ГК РФ разрешает выполнить удержание практически всех видов вещей, за исключением денег, изъятых из оборота вещей и в других редких случаях, но фактически, при отсутствии достаточно чёткой позиции со стороны законодательства, возникают сложности применения этого вида права относительно некоторых вещей. Покровский И. А. писал по этому поводу, что правоприменители не знают каким образом суд будет оценивать по своему усмотрению и своему внутреннему убеждению те или иные их юридические действия и поэтому для надёжности, страхуясь, стараются ориентироваться на императивные нормы, то есть, когда в законе чётко прописано что им можно, а что нельзя [5, с.152–171]. Другими словами, участники гражданских правоотношений перед совершением тех или иных действий хотят точно знать какие правовые последствия их ждут, поэтому не выбирают сомнительный путь. Эти утверждения Покровского о психологии участников сделок актуальны и сегодня, так как природа человека не зависит от времени. Удержание имущества не является сомнительным путем только в тех областях, где законом установлены чёткие правила его применения.

Главным признаком правомерности применения удержания имущества является наличие обязательства. Кредитор имеет право удерживать вещь только при наличии неисполненного должником обязательства. Также важно, чтобы кредитор уведомил должника об удержании, обеспечил сохранность удерживаемого имущества, удерживаемое имущество должно быть соразмерно по стоимости долгу и может оказаться у кредитора только на законных основаниях, удержание является временной мерой. При несоблюдении перечисленных общих правил удержания имущества удержание признаётся самоуправством, уголовным деянием. Примером может быть уже рассмотренное в данной статье судебное разбирательство двух предпринимателей [3]. В судебном решении указано, что ИП Матросов С. А., удерживая имущество, совершил самовольный захват, так как завладел удерживаемым имуществом незаконно, но при этом суд не квалифицировал действия ИП уголовным преступлением, что остаётся вопросом, так как в судебном акте нет соответствующего пояснения.

Горбачёва А. А. в научной статье попыталась разграничить самоуправство, как уголовное деяние и законное удержание вещи [7]. По её мнению, самоуправство обладает составом преступления и не удовлетворяет хотя бы

одному из условий законного удержания имущества. То есть для привлечения к уголовной ответственности за неправомерное удержание имущества необходимо наличие всех элементов состава преступления. Также стоит отметить, что самоуправство регулируется ст. 330 УПК РФ и в соответствии с ней правомерность действий должна оспариваться потерпевшим, то есть потерпевшая сторона должна заявить о нарушении своего права и бороться за него. Таким образом, нарушение порядка удержания имущества не обязательно будет квалифицироваться как уго-

ловное преступление, так как для этого требуются определённые доказательства.

Удержание имущества, как одно из средств самозащиты гражданских прав имеет для правоприменителей как положительные, так и отрицательные стороны, что зависит от конкретной ситуации. При этом участникам гражданско-правовых отношений необходимо соблюдать все условия законного удержания имущества и учитывать какими нормативно-правовыми актами регулируется конкретный вид удержания.

Литература:

1. Сарбаш, С. В. Право удержания как способ обеспечения исполнения обязательств: монография / С. В. Сарбаш. — М.: Статут, 2003. — 251 с.
2. Гумбатова, Ю. Н. Субъективное право подрядчика на удержание результата строительных работ: диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук / Ю. Н. Гумбатова; РГАИС. — Москва, 2018. — 140 с.
3. Решение арбитражного суда Свердловской области от 12 февраля 2025 года по делу № А60-49534/2024 // Справочно-правовая система АО «Кодекс» — URL: www.kodeks.ru (дата обращения 11.04.2026).
4. Григорьева А. Г. Проблемы правового регулирования удержания недвижимого имущества / А. Г. Григорьева // Теория и практика общественного развития. Право. — 2015. — № 24. — С.219–221.
5. Покровский, И. А. Основные проблемы гражданского права. / И. А. Покровский. — М.: Статут, 2013. — 219 с.
6. Пырх, А. И. Удержание как способ самозащиты прав предпринимателя / А. И. Пырх // Вестник СПбГУ. — 2012. — Сер.14, вып.2 — С.55–61.
7. Горбачёва А. А. Проблема соотношения удержания вещи и самоуправства в отношениях, возникающих из договора подряда / А. А. Горбачёва // Закон.ру. Гражданское право. Разрешение споров. — 2022. — URL: <https://zakon.ru/> (дата обращения: 11.04.2026).
8. Страунинг, Э. Л. Теория самозащиты гражданских прав: монография / Э. Л. Страунинг. — М.: Типография ООО «Документ системы», 2007. — 146с.
9. Чепурнова, Н. М. Самозащита гражданских прав и свобод человека и гражданина. Конституционно-правовой аспект: монография / Н. М. Чепурнова, Е. И. Гончаров. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2017. — 159 с.
10. Барышников, М. Ю. Самозащита гражданских прав в условиях санкций: монография / М. Ю. Барышников. — М.: РУСАЙНС, 2026. — 94с.
11. Брагинский, М.И., Витрянский, В. В. Договорное право: книга 1. Общие положения. / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский — 3-е издание, стереотипное — М.: Статут, 2001. — 476 с.
12. Бычков, А. Самозащита гражданских прав. Разумный баланс интересов / А. Бычков // Финансовая газета. — 2015. — № 1. — URL: <https://www.consultant.ru/>.
13. Никитина, Е. Имущество арендатора в счёт погашения долга / Е.Никитина // Практический бухгалтерский учёт. — 2017.- № 8. — URL: <https://www.consultant.ru/>.
14. Стрыгина, М. Самозащита интересов работников и работодателей. М. Стрыгина // Кадровик. Трудовое право для кадровика. — 2012. — № 8. — URL: <https://www.consultant.ru/>.
15. Вахаев, М. Х. Защита прав на землю. / М. Х. Вахаев// Право и экономика. — 2011. — № 1. — URL: <https://www.consultant.ru/>.
16. Южанин, Н. В. Односторонние правоохранительные меры. / Н. В. Южанин// Налоги. — 2009. — № 27. — URL: <https://www.consultant.ru/>.
17. Борисова, А. Неисполнение договора: самозащита или правонарушение? / А.Борисова // Финансовая газета. — 2009. -№ 23. — URL: <https://www.consultant.ru/>.
18. Кузнецова, В. А. Музыка в заведении общественного питания. Не забываем об авторском праве. / В. А. Кузнецова // Предприятия общественного питания: бухгалтерский учет и налогообложение. — 2013. — № 3. — URL: <https://www.consultant.ru/>.
19. Аксюк, И. В. Самозащита гражданских прав. / И. В. Аксюк // Вестник юридического факультета ЮФУ. — 2020. — Т. 7, № 4. С. 41–43. — URL: <https://cyberleninka.ru/>.
20. Беляйкина, Л. В. Самозащита гражданских прав. / Л. В. Беляйкина // Вестник магистратуры Современной Гуманитарной Академии. — 2017. — № 12–4(75). — URL: <https://cyberleninka.ru/>.
21. Тюрбеёв Б. А. Самозащита гражданских прав. / Б. А. Тюрбеёв // Вестник науки и образования КГУ им. Б. Б. Годовикова. — 2020. — № 21(99). Часть 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/>.

22. Шутилин, Д. В. Удержание как вещное обеспечение / Д. В. Шутилин // Образование и право. — 2024. — № 11 — С.269–274.
23. Куздеубек А. С. Удержание как способ обеспечения исполнения обязательства / А. С. Куздеубек // Вестник науки и образования. — 2020. — № 10(88). Часть 1. — С.59–62.
24. Бойко А. А. Особенности удержания денег и ценных бумаг. / А. А. Бойко // Евразийский научный журнал. Право. — 2017. — С.15–18.
25. Бевзенко Р. С. Отдельные проблемы права удержания. / Р. С. Бевзенко // Книга «Проблемы гражданского права в судебной практике и законодательстве: сборник статей, посвященный юбилею профессора Василия Владимировича Витрянского (отв. ред. Е. А. Суханов)». — 2021.
26. Аржанникова Н. Имеет ли право заказчик удерживать имущество подрядчика в счет уплаты штрафных санкций? Правовой анализ и мнение судов / Н.Аржанникова // Жилищное право. — 2025. — № 4. — С.5–14.

Завещание на цифровые активы в России: правовая неопределённость и пути её преодоления

Кумыкова Виолетта Андреевна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

В статье автор исследует правовые проблемы наследования цифровых активов в России, анализирует коллизии их включения в наследственную массу и нотариальные сложности оформления завещаний, а также предлагает пути решения с учётом зарубежного опыта.

Ключевые слова: наследование, цифровые активы, завещание, нотариальное удостоверение, цифровые права, криптовалюта, аккаунты в социальных сетях, доменные имена, наследственная масса, судебная практика, правовые коллизии, зарубежный опыт.

Вопрос о том, насколько процессы цифровизации актуальны сегодня, уже давно потерял свою дискуссионность. Цифровые активы — от токенов (криптовалюты и NFT) до игровых предметов, доменных имён, аккаунтов в соцсетях и бонусных баллов — прочно вошли в имущественный оборот. Более того, они воспринимаются как вполне привычные объекты, за которыми стоит реальная экономическая ценность [1, с. 101]. По прогнозам Statista, мировой рынок цифровых активов должен был принести к концу 2024 года доход порядка 5,8 трлн долларов США [2, с. 104]. Однако национальные правовые порядки, включая российский, откровенно не поспевают за глобальной цифровой трансформацией. Как следствие — процесс наследования подобных объектов оборачивается целым рядом серьёзных проблем.

Закрепление в Гражданском кодексе РФ (ст. 128, 141.1) категории «цифровые права» логично потребовало от доктрины и судов разъяснений: как именно должно осуществляться правопреемство. Исследователи справедливо замечают, что «в отечественной литературе проблема наследования цифровых активов изучается через призму статей 128 и 141.1 ГК РФ». При этом единообразный подход к тому, что именно следует включать в наследственную массу, до сих пор отсутствует [1, с. 105]. Цель нашей работы — выявить основные правовые коллизии в этой сфере в России и предложить пути их разрешения, опираясь на отечественную судебную практику и зарубежный опыт.

В силу ст. 1112 ГК РФ в состав наследства входят вещи, иное имущество, а также имущественные права и обязанности, принадлежавшие наследодателю. Статья 128 ГК РФ относит к объектам гражданских прав и цифровые права. Но дефиниция, закреплённая в ст. 141.1 ГК РФ, заметно сужает это понятие: к цифровым правам относятся лишь те обязательственные и иные права, которые прямо названы в законе в таком качестве, а условия их осуществления определяются правилами информационной системы [3, с. 57]. Из буквального толкования вытекает, что под эту категорию подпадают только цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права, прямо упомянутые в законе. Парадоксально, но аккаунты в соцсетях, доменные имена или игровое имущество формально не являются «цифровыми правами» по смыслу ст. 141.1 ГК РФ.

Именно поэтому в науке сложилось несколько подходов к квалификации таких объектов. Одни авторы предлагают понимать под цифровыми активами в широком смысле любые объекты, существующие в электронной форме. В узком же смысле — лишь те, что порождены сквозными цифровыми технологиями и требуют создания нового правового режима [4, с. 36]. Другие исследователи, опираясь на Концепцию расширенного толкования «имущества», выработанную Европейским судом по правам человека, трактуют цифровые активы как динамические явления, не привязанные жёстко к фор-

мальной классификации национального права [3, с. 57]. Такой подход позволяет включать в наследственную массу не только прямо поименованные цифровые права, но и любые иные цифровые активы, обладающие экономической ценностью, — разумеется, при условии их оборотоспособности и принадлежности наследодателю.

Наиболее острые дискуссии вызывает наследование аккаунтов в социальных сетях. Изначально учётная запись — это прежде всего средство общения, то есть несёт в себе неимущественный характер. Однако она вполне может приобрести экономическую ценность: при ведении предпринимательской деятельности, наличии массовой аудитории или возможности монетизации контента. Судебная практика показывает, что бизнес-аккаунты нередко признаются частью предприятия как имущественного комплекса, а контент (фото, видео, тексты) — объектом интеллектуальной собственности [5, с. 130]. Но сам аккаунт как учётная запись в большинстве случаев не признаётся объектом гражданских прав. Возникает коллизия с пользовательскими соглашениями, которые либо вообще запрещают доступ третьих лиц, либо ограничивают его удалением или переводом в статус «памятного» (как, например, в соцсетях Meta, признанной экстремистской организацией в РФ) [1, с. 107].

Похожая неопределённость — и с доменными именами. И здесь судебная практика демонстрирует прямо противоположные решения. Так, Хорошевский районный суд г. Москвы в 2022 году отказался признать доменное имя имуществом, указав, что предметом договора с регистратором являются именно услуги [6]. Однако Второй кассационный суд общей юрисдикции в 2023 году признал право администрирования доменного имени имущественным правом, имеющим денежную стоимость и подлежащим включению в наследство [7]. Отсутствие единообразного подхода, увы, не позволяет гарантировать наследникам защиту их прав.

Нотариус, выступая как публичное лицо и гарант бесспорности юридических фактов, сталкивается здесь с фундаментальной проблемой — идентификацией цифровых активов. В отличие от традиционного имущества, цифровой объект зачастую не привязан к персональным данным владельца (вспомним криптокошелёк или игровой аккаунт). Либо доступ к нему регулируется правилами платформы, которые не допускают передачу прав управления после смерти [3, с. 59]. На первый взгляд, ситуация выглядит тупиковой. Обращает на себя внимание позиция А. Г. Деньгина: для включения цифрового актива в завещание необходимо соблюдение трёх критериев. Актив должен быть объектом гражданского права, существовать в информационной системе с уникальным доступом и иметь механизм передачи этого доступа наследникам [3, с. 59].

На практике сложилось два основных сценария наследования криптовалюты. Первый — наследодатель передаёт пароль через зашифрованное хранилище, оставляя нотариальное распоряжение о порядке передачи ин-

формации. Второй — ключ доступа хранится в банковской ячейке, а в завещании указывается лицо, имеющее к нему доступ [8, с. 40]. Но оба варианта работают лишь при одном условии: наследодатель должен заранее позаботиться о сохранении доступа. В противном случае, даже если наследникам известно о существовании криптовалюты, они не смогут реализовать свои права. Что же делать?

Законодательство напрямую не запрещает указывать в завещании данные для доступа к цифровым активам. Однако форма завещания — письменная, нотариально удостоверенная — не допускает использования электронных способов волеизъявления. В ст. 44.3 Основ законодательства о нотариате завещание не значится среди нотариальных действий, которые можно совершать удалённо [9]. Это серьёзно снижает оперативность и удобство для завещателей, особенно когда необходимо оперативно изменить пароли или ключи. Целесообразно, как предлагает Деньгин, предоставить нотариусу право принимать на хранение сертифицированные электронные носители с идентификационными данными вместе с завещанием. Тогда при выдаче свидетельства о праве на наследство наследники получают не только права на актив, но и средства доступа к нему [3, с. 62].

Зарубежные юрисдикции в этом вопросе продвинулись заметно дальше. В США с 2014 года действует Единообразный закон о фидуциарном доступе к цифровым активам (UFADAA). Он предоставляет семье умершего или душеприказчику право на доступ к таким активам и управление ими; практически все 50 штатов приняли соответствующие законы [1, с. 109]. В Германии Федеральный верховный суд в 2020 году обязал оператора социальной сети открыть наследникам доступ к аккаунту умершей. Суд приравнял цифровую переписку к письмам и дневникам, которые традиционно переходят по наследству [1, с. 110]. Особого внимания заслуживают испанский и французский подходы. Каталонский закон 10/2017 ввёл конструкцию «цифрового завещания» (оно регистрируется в электронном реестре) и институт «цифрового душеприказчика». Последний помогает передавать как имущественные цифровые активы, так и нематериальную информацию — переписку, воспоминания [1, с. 108]. Во Франции закон «О цифровой республике» (2016 г.) внёс изменения в закон об информационных технологиях: теперь лицо может оставлять общие или специальные распоряжения о судьбе своих данных после смерти [1, с. 108]. В Эстонии и Нидерландах цифровые активы автоматически включаются в наследственную массу, включая электронные письма и сообщения, если они хранятся на физических носителях [1, с. 109].

Отечественному законодателю есть на что опереться. На национальном уровне необходимо в первую очередь закрепить легальное определение «цифрового актива» — как объекта гражданского права, существующего в информационной системе и имеющего экономическую ценность. Имеет смысл дополнить ст. 141.1 ГК РФ, включив в неё

понятие «цифровые активы» наряду с «цифровыми правами». Кроме того, требуется выработать единый подход к наследованию аккаунтов в социальных сетях. Возможен вариант по аналогии со сложными объектами (мультимедийными продуктами) по ст. 1240 ГК РФ. Либо же, стоит признать их самостоятельными объектами *sui generis*.

Важным шагом могло бы стать создание Реестра цифрового наследства — например, на базе технологии блокчейн и при содействии Федеральной нотариальной палаты (по аналогии с каталонской моделью). В таком реестре наследодатель смог бы фиксировать перечень своих активов и последнюю волю относительно их передачи. Это, в свою очередь, снизило бы риски утраты доступа и минимизировало споры между наследниками. И наконец, необходимо расширить перечень нотариальных действий, совершаемых удалённо, включив в него удостоверение завещаний с возможностью приложения электронных ключей и паролей в зашифрованном виде.

Итак, проблема наследования цифровых активов в России сегодня характеризуется высокой правовой неопределённостью. Отсутствие единого понятийного аппарата, противоречивость судебной практики, коллизии с пользовательскими соглашениями — всё это создаёт

серьёзные препятствия для реализации наследственных прав граждан. С другой стороны, активное развитие цифровой экономики и постоянный рост числа владельцев таких активов требуют незамедлительных законодательных решений. Как добиться баланса между интересами наследников и посмертной конфиденциальностью наследодателя? Скорее всего, только комплексным путём.

На основе проведённого анализа предлагаются следующие направления совершенствования: 1) легальное закрепление самого понятия «цифровой актив» и его критериев; 2) уточнение ст. 141.1 ГК РФ с расширением перечня объектов, включаемых в наследственную массу; 3) создание Реестра цифрового наследства с использованием распределённых реестров; 4) внедрение механизма удалённого нотариального удостоверения завещаний на цифровые активы; 5) выработка единых рекомендаций для нотариусов по идентификации и включению таких активов в наследство.

Только такой подход, учитывающий права наследников и одновременно защищающий волю умершего, позволит адаптировать классический институт наследования к реалиям цифровой эпохи и, наконец, обеспечить правовую определённость в этой сфере.

Литература:

1. Одинцов С. В., Гонсалес Оре А. А. Актуальные проблемы цифрового наследования // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2025. N 11. С. 101–108, N 12. С. 104–112.
2. Digital Assets Worldwide // Statista GmbH. URL: <https://www.statista.com/outlook/fmo/digital-assets/worldwide> (дата обращения: 15.08.2026).
3. Деньгин А. Г. Перспективы и особенности наследования цифровых активов и цифровых прав по завещанию // Нотариальный вестник. 2023. № 6. С. 56–63.
4. Бурханова Ю. И., Новокшенова Н. А. Цифровые права как объект гражданских прав // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 7. Вып. 3. С. 35–40.
5. Гринь Е. С. Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 2. С. 128–134.
6. Решение Хорошевского районного суда г. Москвы от 17 мая 2022 г. по делу № 02–3838/2022. URL: <https://mosgorsud.ru/rs/horoshevskij/services/cases/civil/details/aa039810-af66-11ec-8aeb-c5d38d1dc353> (дата обращения: 15.08.2026).
7. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 23 марта 2023 г. по делу № 88–7164/2023.
8. Гасанов З. У. Процедура перехода криптовалюты в порядке наследования с участием нотариуса // Нотариус. 2025. № 02. С. 36–40.
9. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. Верховным Судом РФ 11.02.1993 № 4462–1) (ред. от 26.12.2024).

Проблемы размывания товарного знака в современном праве

Лавринович Алексей Александрович, студент магистратуры
Московский гуманитарно-экономический университет

Статья посвящена проблеме размывания товарного знака — утрате его уникальности и способности однозначно ассоциироваться с правообладателем из-за использования сходных обозначений другими лицами. Автор анализирует текущее состояние правового регулирования этого явления в России и отмечает ключевой недостаток: в Гражданском кодексе РФ (ГК РФ) отсутствует прямое определение размывания товарного знака и специальные нормы для его регулирования.

В работе подчёркивается, что эффективная защита от размывания в России доступна преимущественно для общеизвестных товарных знаков (п. 3 ст. 1508 ГК РФ), а для остальных действует ограниченная охрана — в рамках однородных товаров и услуг (п. 3 ст. 1484 ГК РФ). Отдельно рассматриваются сложности доказывания размывания в суде, зависимость от судебной практики и пробелы в защите при использовании сходных обозначений для неоднородных товаров.

Автор сопоставляет российскую ситуацию с международным опытом: упоминаются механизмы защиты в США (Закон Лэнхема) и международные нормы (ТРИПС, Парижская конвенция). На примере бренда *Pierre Cardin* иллюстрируются последствия чрезмерного лицензирования и утраты уникальности знака.

В заключительной части статьи приводятся практические рекомендации для правообладателей: контроль за использованием знака, обеспечение качества товаров/услуг при лицензировании, оперативное реагирование на нарушения и регистрация знака как общеизвестного. Делается вывод, что в отсутствие прямого законодательного регулирования защита от размывания в России во многом зависит от судебной практики и способности правообладателя доказать негативные последствия для бренда.

Ключевые слова: размывание товарного знака, товарный знак, различительная способность знака, правовая охрана, ГК РФ, общеизвестный товарный знак, судебная практика, доказывание размывания, неоднородные товары и услуги, однородные товары и услуги, недобросовестная конкуренция, Закон Лэнхема, Lanham Act, ТРИПС, Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности, Парижская конвенция по охране промышленной собственности, репутация бренда, Роспатент.

В условиях растущей конкуренции на рынке защита интеллектуальной собственности становится критически важной для бизнеса. Одной из значительных проблем, которой хотелось бы уделить отдельное внимание в современном праве и современном предпринимательстве, это — размывание (размытие) товарного знака — это утрата его уникальности и способности однозначно ассоциироваться с конкретным правообладателем из-за использования сходных обозначений другими лицами.

Это явление приводит к снижению различительной способности знака, что может негативно сказаться на репутации бренда, финансовых показателях и правовой охране. Разберём этот феномен подробно: его причины, правовые аспекты в России и за рубежом, а также способы защиты.

Основной причиной размывания (размытия) товарного знака является отсутствие чётких критериев в законодательстве, то есть проблемы правового регулирования в России — в ГК РФ нет прямого определения размывания товарного знака и специальных норм, регулирующих этот феномен. Российское законодательство традиционно ориентировано на защиту от смешения в отношении однородных товаров или услуг (п. 3 ст. 1484 ГК РФ) [1]. Для обычного товарного знака сфера действия ограничена теми видами товаров и услуг, в отношении которых товарный знак зарегистрирован.

Ключевое отличие размывания от традиционного нарушения прав на товарный знак — отсутствие прямого смешения товаров или услуг. Потребитель может не путать бренды, но при этом ассоциативная связь с оригинальным знаком ослабевает.

Следующей проблемой является ограниченная защита, то есть эффективная защита от размывания доступна только для общеизвестных товарных знаков. Их правовая охрана может распространяться и на неоднородные товары/услуги, если использование такого знака другим лицом может ассоциироваться с обладателем исключи-

тельного права и ущемить его интересы (п. 3 ст. 1508 ГК РФ) [1]. Чтобы получить статус общеизвестного, правообладатель должен документально доказать широкую популярность знака среди российских потребителей.

Также можно выделить среди причин проблемы размывания (размытия) товарных знаков — зависимость от судебной практики — вопросы размывания рассматриваются судами в отдельных случаях, например, при оспаривании регистрации сходных обозначений (пп. 2 п.2 ст. 1512 ГК РФ) или досрочном прекращении правовой охраны товарного знака (пп. 6 п.1 ст. 1514 ГК РФ) [1]. Суд по интеллектуальным правам иногда использует термин «размытие» при анализе законности действий Роспатента или при оценке заинтересованности в защите прав. Однако применение этой доктрины в российской практике не полностью совпадает с её пониманием в зарубежных юрисдикциях [4, 5].

Стоит отметить, что зачастую причина рассматриваемой проблемы выражается в сложности с доказыванием — правообладателю может быть непросто доказать, что использование сходного обозначения третьим лицом приводит к размыванию его знака, особенно если товары/услуги не являются однородными. В таких случаях суды часто требуют наличия прямого смешения или введения потребителя в заблуждение, что не всегда характерно для размывания.

Немаловажно обратить внимание на факт ограничения в защите от использования для неоднородных товаров — в отсутствие прямого регулирования размывания правообладатель не может запретить использование сходного обозначения для неоднородных товаров, даже если это ослабляет уникальность его знака. В таких случаях рекомендуется обращаться к нормам о недобросовестной конкуренции (ФЗ «О защите конкуренции» № 135-ФЗ) [3].

В ряде стран, например, в США, действуют специальные механизмы защиты от размывания. В Законе

Лэнхема (Lanham Act) предусмотрены два вида размывания [7]:

- Blurring (стирание различительной способности) — ослабление уникальности знака из-за его использования для разнородных товаров/услуг. Например, использование названия известного бренда одежды для продажи бытовой химии.

- Tarnishment (порча репутации) — формирование негативных ассоциаций с брендом из-за связи с низкокачественными или сомнительными товарами. Например, применение популярного логотипа на продукции сомнительного содержания.

На международном уровне положения о защите от размывания содержатся в Соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), в ст. 6-bis Парижской конвенции по охране промышленной собственности, в Директиве Европейского Союза о товарных знаках (Directive (EU) 2015/2436) содержатся положения о защите от размывания для общеизвестных знаков [8, 9, 10].

Также причинами размывания товарных знаков может быть использование знака третьими лицами (лицензиатами, пользователями по договорам коммерческой концессии) без контроля качества продукции или услуг. Чрезмерное лицензирование может привести к тому, что знак начнёт ассоциироваться с товарами разного качества, что подорвёт доверие к бренду. Пример — бренд Pierre Cardin, который изначально использовался в люксовом сегменте, но после активного лицензирования стал применяться и на товарах повседневного спроса, включая сигареты, что снизило его рыночную стоимость. Также регистрация или использование схожих обозначений третьими лицами для индивидуализации товаров и услуг ведёт к размыванию товарных знаков. Совместное существование таких знаков может привести к тому, что потребитель утратит возможность однозначно ассоциировать конкретный товар с конкретным правообладателем. Дополнительной причиной размывания является использование знака для несвязанных или низкокачественных товаров — это может сформировать у потребителей негативные ассоциации с брендом.

Для минимизации рисков и предотвращения размывания правообладателям рекомендуется в качестве способов защиты совершать и предпринимать следующие действия:

- строго контролировать использование знака, разрешая его применение только для конкретных товаров или услуг, определённых классами МКТУ;

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.01.2026) — [Электронный ресурс — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 23.05.2026).
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) — [Электронный ресурс — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 23.05.2026).

- чётко прописывать условия использования в лицензионных договорах и договорах коммерческой концессии;
- устанавливать стандарты качества для лицензиатов и пользователей по договорам коммерческой концессии;
- следить за качеством товаров/услуг, на которых используется знак, особенно при лицензировании или договорах коммерческой концессии;
- проводить регулярные проверки соответствия продукции заявленным требованиям;
- оперативно реагировать на нарушения, включая претензионно-исковую деятельность, то есть направлять претензии нарушителям и обращаться в суд для запрета использования сходных обозначений;
- мониторить рынок и регистрационные базы: отслеживать появление сходных знаков и оспаривать регистрацию знаков, которые могут привести к размыванию;
- рассмотреть возможность регистрации знака в качестве общеизвестного, если он приобрёл широкую известность;
- использовать нормы о недобросовестной конкуренции согласно ФЗ «О защите конкуренции» № 135ФЗ, доказывая, что действия конкурента наносят ущерб репутации бренда;
- проводить работу с потребителями или активную рекламную, маркетинговую политику, поддерживать чёткие ассоциации со своим товарным знаком.

При выявлении размывания правообладатель может:

- оспорить предоставление правовой охраны «размывающему» товарному знаку;
- предъявить иск о запрете использования такого обозначения;
- требовать возмещения убытков, если удалось доказать причинноследственную связь между действиями нарушителя и ущербом для бренда;
- инициировать административное производство по факту недобросовестной конкуренции.

Таким образом, проблема размывания товарных знаков в России остаётся недостаточно урегулированной на законодательном уровне, что создаёт риски для правообладателей. Эффективная защита в таких случаях во многом зависит от судебной практики и возможности доказать негативные последствия для бренда, активной позиции самого правообладателя.

Также совершенствование законодательства с учётом международного опыта могло бы повысить уровень защиты интеллектуальной собственности и стимулировать развитие добросовестной конкуренции на российском рынке.

3. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. N 135-ФЗ «О защите конкуренции» (с изменениями и дополнениями). Принят Государственной Думой 8 июля 2006 года. Одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 года — [Электронный ресурс] — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/ (дата обращения: 23.05.2026).
4. Постановление от 29 января 2021 года по делу № СИП-903/2019 — [Электронный ресурс] — URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/b30843f3-3108-480c-987e-98fc2e498cb0> (дата обращения: 20.05.2026).
5. Постановление президиума СИП от 28 декабря 2022 года по делу № СИП-299/2022 — [Электронный ресурс] — <https://kad.arbitr.ru/Card/b457bdb2-22dd-45a7-bbbd-f25a8b95d3f2> (дата обращения: 20.05.2026).
6. Уиллер А. «Индивидуальность бренда: руководство по созданию, продвижению и поддержке сильных брендов» (перевод с английского, М.: Альпина Бизнес Букс, 2004) — [Электронный ресурс] — URL: — <https://books.yandex.ru/books/hLMSyveg/read-online> дата обращения: 23.05.2026) (дата обращения: 23.05.2026).
7. Закон Лэнхема (Lanham Act, США) — [Электронный ресурс] — URL: <https://www.bitlaw.com/source/15usc/index.html> (дата обращения: 19.05.2026).
8. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) — [Электронный ресурс] — URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/docs/interdocs/trips> (дата обращения: 18.05.2026).
9. Парижская конвенция по охране промышленной собственности — [Электронный ресурс] — URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/documents/parizhskaya-konvenciya-po-ohrane-promyshlennoy-sobstvennosti> (дата обращения: 18.05.2026).
10. Директива Европейского Союза о товарных знаках (Directive (EU) 2015/2436) — [Электронный ресурс] — URL: <https://base.garant.ru/71498294/> (дата обращения: 18.05.2026).

Судебная защита прав отдельных категорий граждан в сфере здравоохранения: проблемы правоприменения

Лазарева Наталья Юрьевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье исследуется судебная защита прав несовершеннолетних, инвалидов и граждан, имеющих право на льготное лекарственное обеспечение. Эмпирическую основу составили акты Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и Первого кассационного суда общей юрисдикции за 2022–2026 годы. В рассмотренных актах определяющее значение придается индивидуальным медицинским показаниям и решению врачебной комиссии; отсутствие препарата в перечне или недостаточность финансирования сами по себе не признаются достаточным основанием для отказа. Вместе с тем эффективность защиты снижают разрыв между назначением лечения и оформлением льготного рецепта, неопределенность надлежащего ответчика, длительность закупочных процедур и запоздалое исполнение судебного акта. Проанализирован действующий с 2026 года дополнительный механизм межбюджетных трансфертов для софинансирования лекарственного обеспечения части пациентов с орфанными заболеваниями. Предложены процессуальные и организационные меры, направленные на предупреждение перерывов в терапии и повышение исполнимости судебных решений.

Ключевые слова: право на охрану здоровья, судебная защита, несовершеннолетние, инвалиды, льготное лекарственное обеспечение, орфанные заболевания, врачебная комиссия, исполнение судебного решения.

Введение

Конституционное право на охрану здоровья и медицинскую помощь приобретает практический смысл лишь при своевременной доступности назначенного лечения. Для ребенка с тяжелым хроническим заболеванием, инвалида или получателя льготных лекарств задержка способна вызвать ухудшение состояния. Поэтому качество судебной защиты определяется не только законностью решения, но и возможностью предотвратить перерыв в лечении.

Конституция Российской Федерации закрепляет социальный характер государства, равенство прав и гарантию медицинской помощи [1]. Эти положения конкретизированы Федеральным законом № 323-ФЗ: к основным принципам охраны здоровья отнесены приоритет интересов пациента, охраны здоровья детей, социальная защищенность при утрате здоровья, ответственность публичных органов, доступность и качество медицинской помощи [2]. Специальные гарантии следуют также из законодательства о правах ребенка, социальной защите инвалидов и государственной социальной помощи [3; 4; 5]. Однако

нормативное признание права не устраняет многоступенчатость его реализации: медицинское назначение, оформление рецепта, формирование заявки, закупка и отпуск препарата относятся к компетенции разных субъектов.

Цель исследования — выявить типичные проблемы правоприменения при судебной защите прав названных категорий граждан и предложить способы их разрешения. Для этого изучены опубликованные судебные акты 2022–2026 годов с приоритетом практики Первого кассационного суда общей юрисдикции (далее — Первый КСОЮ), а также позиции Конституционного и Верховного судов Российской Федерации. Применялись формально-юридический, системный и сравнительный методы. Отбор дел проводился по трем критериям: принадлежность истца к исследуемой категории, спор о доступе к лекарству или медицинскому изделию и наличие в судебном акте вывода, значимого для сходных дел.

Нормативная модель и критерий индивидуальной медицинской потребности

Право инвалида или иного льготополучателя в предусмотренных законом случаях может охватывать препараты вне перечня жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов, если льготный статус и индивидуальная потребность подтверждены надлежащими медицинскими документами. Постановление Правительства Российской Федерации № 890 предусматривает бесплатный отпуск лекарств отдельным группам населения и при определенных заболеваниях [6], а программа государственных гарантий на 2026 год связывает объем помощи с медицинскими показаниями, стандартами и клиническими рекомендациями [7]. Особое доказательственное значение имеет решение врачебной комиссии о назначении препарата по жизненным показаниям или вне стандартного перечня.

Такой подход согласуется с научным пониманием здоровья как ценности, не сводимой к усредненному стандарту лечения. Е. В. Савошкова обращает внимание на риск механического применения стандартизации без учета биологических особенностей конкретного пациента [20, с. 233–235]. Фармацевтические исследования также фиксируют региональные различия в доступности льготных препаратов, несмотря на единую систему гарантий [21, с. 87–98; 22, с. 25–36]. Следовательно, в судебном споре перечень выполняет плановую и финансовую функцию, но не должен подменять установленную врачами индивидуальную потребность.

Защита прав несовершеннолетних

Практика по делам несовершеннолетних показывает сочетание двух механизмов: специальной материальной гарантии и процессуального представительства прокурором. В определении от 30 октября 2023 года № 88–31946/2023 Первый КСОЮ оставил без изменения взы-

скание с регионального министерства здравоохранения расходов, которые законный представитель ребенка-инвалида с сахарным диабетом понес на тест-полоски, инсулиновые иглы и лекарственный препарат. Кассационный суд исходил из того, что непредоставление названных изделий и лекарства в необходимом объеме фактически лишило ребенка гарантированной бесплатной медицинской помощи [14]. В данном случае денежное взыскание компенсировало уже произведенные семейные расходы, но не устраняло риск повторения дефицита.

25 марта 2025 года тот же суд по делу № 88–8850/2025 поддержал возложение на Департамент здравоохранения Орловской области обязанности обеспечить несовершеннолетнего назначенными препаратами и медицинскими изделиями до их отмены лечащим врачом [15]. Существенны два элемента резолютивной части: связь объема обеспечения с медицинскими показаниями и длящийся характер обязанности. Такая формулировка предпочтительнее предписания о разовой закупке, поскольку терапия тяжелого хронического заболевания не прекращается после исполнения одной заявки.

Оба дела подтверждают значение обращения прокурора в интересах ребенка, чья семья находится в неравном положении по отношению к органу власти. В обоих рассмотренных делах судебная защита последовала после непредоставления назначенных средств либо их приобретения семьей за свой счет. Для предупредительной защиты нужны оперативное обеспечение иска и немедленное исполнение решения при доказанном риске ухудшения здоровья. Статьи 139–144 и 212 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации допускают такие меры [11], но устойчивого стандарта в исследованных актах нет.

Защита прав инвалидов и получателей льготных лекарств

В спорах инвалидов центральным становится соотношение официального перечня и индивидуального назначения. Определением от 11 февраля 2025 года № 88–2217/2025 Первый КСОЮ подтвердил обязанность регионального органа здравоохранения обеспечить инвалида препаратом «Воретиген непарвовек» по жизненным показаниям до отмены терапии. Довод об отсутствии препарата в перечне закупок был отклонен, поскольку назначение подтверждалось врачебной комиссией, а специальный статус истца давал право на бесплатное лекарственное обеспечение [16]. Иной барьер выявлен в определении от 25 мая 2026 года № 88–14678/2026: Первый КСОЮ оставил без удовлетворения жалобу регионального отделения Социального фонда России на обязанность включить инвалида II группы, зарегистрированного по месту пребывания в Московской области, в региональный сегмент Федерального регистра без перевода пенсионного дела. Вступившими в силу актами за

гражданином было также признано право на бесплатное обеспечение назначенными препаратами по месту пребывания за счет бюджета Московской области [17].

В рассмотренных делах отсутствие препарата в перечне само по себе не исключило обязанность предоставить его при наличии льготного статуса, жизненных показаний и решения врачебной комиссии. Однако эта позиция не означает, что любое заключение стороннего специалиста автоматически порождает обязанность конкретной поликлиники оформить льготный рецепт. Рассматривая дело № 4-КГ25–91-К1, Верховный Суд Российской Федерации 23 марта 2026 года отменил акты в части требований к медико-санитарной части и региональному министерству здравоохранения и направил дело на новое рассмотрение [19]. Суд указал на необходимость установить, какое именно нормативное требование нарушено каждым ответчиком; при этом лечащего врача нельзя обязывать дублировать назначение другой организации без собственного обследования и установления диагноза, а взыскание убытков требует оценки противоправности, причинной связи и вины.

Названные дела разграничивают обязанность публичного образования финансировать показанное лечение и порядок оформления рецепта конкретным врачом. Пациент не должен терять право из-за ведомственной несогласованности, но суд не вправе возлагать на медицинскую организацию чужую функцию. Поэтому необходимо установить всю цепочку: обследование, решение врачебной комиссии, рецепт и закупку.

Исполнение судебных актов и новый резервный механизм

Даже правильно сформулированное решение не гарантирует своевременного получения препарата. В кассационном определении от 18 июня 2025 года № 88а-16137/2025 рассматривался исполнительский сбор за несвоевременное обеспечение двумя лекарствами. Суды установили отсутствие вины департамента: при объективных препятствиях он принимал закупочные, перераспределительные и бюджетные меры, поэтому был освобожден от сбора [12; 18]. Но исполнительное производство продолжалось, а оценка вины должника не означала своевременного восстановления права пациента.

Системный характер финансовой проблемы был признан Конституционным Судом Российской Федерации. В постановлении от 26 сентября 2024 года № 41-П Суд установил конституционно значимый пробел: региональная обязанность обеспечивать пациентов с орфанными заболеваниями не сопровождалась резервным механизмом на случай объективной невозможности исполнить ее надлежащим образом. Недостаточность ресурсов может затруднить исполнение, однако не освобождает публичную власть от обязанности и не допускает полного, хотя бы временного, прекращения обеспечения, от которого непосредственно зависят жизнь и здоровье [13].

Во исполнение постановления Конституционного Суда Федеральный закон № 252-ФЗ дополнил часть 9 статьи 83 Закона № 323-ФЗ дополнительным механизмом межбюджетных трансфертов, действующим с 1 января 2026 года [8]. Он предназначен для софинансирования обеспечения зарегистрированными в России препаратами граждан с заболеваниями из перечня орфанных заболеваний и не распространяется на заболевания, указанные в пункте 21 части 2 статьи 14 Закона № 323-ФЗ.

Постановление Правительства Российской Федерации № 1807 требует сочетания критериев: бюджетная обеспеченность региона до выравнивания — не выше 0,65; рост его ассигнований — не менее 10 процентов; дополнительно рост стоимости препаратов — не менее 20 процентов либо численности пациентов — не менее 15 процентов. Заявка подается ежегодно с 1 августа по 30 сентября, рассматривается Минздравом России до 10 рабочих дней, уведомление направляется в течение пяти рабочих дней после решения [9]. По постановлению № 2157 субсидия предоставляется после подтверждения невозможности и ограничивается уровнем софинансирования и федеральными ассигнованиями [10].

Предусмотренный Конституционным Судом резервный механизм формально создан. Однако на 16 августа 2026 года первый заявочный цикл еще не завершен, поэтому его фактическая достаточность практики не проверена. Кроме того, ежегодная бюджетная процедура не заменяет текущей обязанности субъекта перед конкретным пациентом, которому препарат требуется незамедлительно, и не исключает судебную защиту.

Основные проблемы правоприменения и предложения

Наиболее заметен разрыв между медицинским назначением и бюджетным решением. Если компетентная врачебная комиссия надлежаще обосновала назначение и его связь с диагнозом, орган власти не может ограничиться ссылкой на перечень, отсутствие закупки или бюджет. В региональных порядках целесообразно закрепить презумпцию достаточности такого решения: орган здравоохранения должен доказать наличие равноценной альтернативы либо утрату показаний.

Не менее существенно распыление ответственности между организацией, проводившей обследование, учреждением по месту прикрепления и органом закупки. Нужен единый электронный маршрут, показывающий решение врачебной комиссии, ответственного за рецепт, дату заявки и статус закупки. В суде следует привлекать всю цепочку исполнителей и разграничивать обязанности в резолютивной части, не возлагая общий результат на субъекта без необходимых полномочий.

Отдельный процессуальный риск создаёт несоответствие обычных сроков рассмотрения дела медицинской срочности. При угрозе перерыва в жизненно необходимой терапии суду следует решать вопрос об обеспе-

чении иска уже при принятии заявления и мотивировать немедленное исполнение. Верховному Суду Российской Федерации целесообразно обобщить критерии срочности: угроза необратимого ухудшения, отсутствие замены, исчерпание запаса и установленный врачом срок лечения.

Особую трудность создаёт несовпадение оценки вины должника и фактического восстановления права. Освобождение от исполнительского сбора не прекращает производство и не подтверждает непрерывность обеспечения. Для длящейся терапии предметом исполнения должно быть снабжение до отмены или изменения назначения, а не разовое количество упаковок. Следует учитывать продолжительность перерыва и своевременность закупок: реальная судебная защита зависит от исполнения акта и контроля за этой стадией [23, с. 51–75].

Наконец, отдельного решения требует резервное финансирование части орфанной терапии: годовой заявочный цикл не рассчитан на внезапное выявление пациента или изменение лечения. Нужен оперативный канал для случаев, когда врачебная комиссия подтверждает угрозу жизни и невозможность отсрочки. Такая мера развивала бы позицию Конституционного Суда, сохраняя основную финансовую ответственность региона.

Заключение

Практика 2022–2026 годов показывает три условия результативной защиты: медицинская потребность подтверждена компетентной комиссией, надлежащий ответчик определен по его полномочиям, а резолютивная часть устанавливает исполнимую длящуюся обязанность. Определение Первого КСОЮ № 88–2217/2025 показывает, что отсутствие назначенного по жизненным показаниям препарата в перечне закупок само по себе не освобождает региональный орган здравоохранения от обязанности обеспечить им льготополучателя при наличии решения врачебной комиссии. Верховный Суд одновременно требует устанавливать конкретное нарушение каждого ответчика, не подменяя порядок назначения лекарств судебным предписанием медицинской организации.

Дополнительное федеральное софинансирование формально создало резервный механизм, но не решило проблему срочной индивидуальной защиты. Необходимы раннее обеспечение иска, точное разграничение обязанностей, прозрачность назначения и закупки, контроль непрерывности терапии. В делах о здоровье своевременность исполнения является частью восстановленного права.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020.
2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 04.08.2026).
3. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ.
4. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ.
5. О государственной социальной помощи: Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ.
6. О государственной поддержке развития медицинской промышленности и улучшении обеспечения населения и учреждений здравоохранения лекарственными средствами и изделиями медицинского назначения: Постановление Правительства РФ от 30.07.1994 № 890.
7. О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов: Постановление Правительства РФ от 29.12.2025 № 2188.
8. Федеральный закон от 23.07.2025 № 252-ФЗ «О внесении изменений в статью 83 Федерального закона „Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации“».
9. Об утверждении Правил подтверждения невозможности исполнения субъектом Российской Федерации полномочий по обеспечению граждан зарегистрированными в установленном порядке на территории Российской Федерации лекарственными препаратами для лечения заболеваний, включенных в перечень жизнеугрожающих и хронических прогрессирующих редких (орфанных) заболеваний, приводящих к сокращению продолжительности жизни граждан или их инвалидности: Постановление Правительства РФ от 15.11.2025 № 1807.
10. Об утверждении Правил предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации в целях софинансирования расходных обязательств субъектов Российской Федерации, возникающих при реализации мероприятий по обеспечению граждан зарегистрированными в установленном порядке на территории Российской Федерации лекарственными препаратами для лечения заболеваний, включенных в перечень жизнеугрожающих и хронических прогрессирующих редких (орфанных) заболеваний, приводящих к сокращению продолжительности жизни граждан или их инвалидности: Постановление Правительства РФ от 26.12.2025 № 2157.
11. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ.
12. Об исполнительном производстве: Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ.

13. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.09.2024 № 41-П «По делу о проверке конституционности пункта 10 части 1 статьи 16 и части 9 статьи 83 Федерального закона „Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации“ в связи с запросом Государственного Совета Республики Татарстан».
14. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 30.10.2023 № 88–31946/2023.
15. Первый КСОЮ. Определение от 25.03.2025 № 88–8850/2025.
16. Первый КСОЮ. Определение от 11.02.2025 № 88–2217/2025.
17. Определение Первого КСОЮ от 25.05.2026 № 88–14678/2026.
18. Кассационное определение Первого КСОЮ от 18.06.2025 № 88а-16137/2025.
19. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 23.03.2026 № 4-КГ25–91-К1.
20. Савощикова Е. В. Ценность здоровья в аспекте его сохранения через право на здоровье и медицинскую помощь // Право и государство: теория и практика. 2024. № 10 (238). С. 233–235. DOI: 10.47643/1815–1337_2024_10_233.
21. Джупаров А. С., Ибрагимова Г. Я., Джупарова И. А. Анализ обеспечения лекарственными средствами льготных категорий граждан на территории Новосибирской области // Journal of Siberian Medical Sciences. 2022. Т. 6, № 4. С. 87–98. DOI: 10.31549/2542–1174–2022–6–4–87–98.
22. Авдеев С. Н., Линник С. А., Туменко Е. Е. Анализ лекарственного обеспечения пациентов с бронхообструктивными заболеваниями в Российской Федерации // Общественное здоровье. 2023. Т. 3, № 4. С. 25–36. DOI: 10.21045/2782–1676–2023–3–4–25–36.
23. Дёмина В. В. Принципы исполнительного производства и их практическое применение при пробелах в регулировании исполнительных правоотношений // Юридический аналитический журнал. 2022. Т. 17, № 2. С. 51–75. DOI: 10.18287/1810–4088–2022–17–2–51–75.

Совершенствование правового регулирования трансплантации роговицы в Российской Федерации: проблемы защиты прав врачей и пациентов

Малишава Анастасия Елизбаровна, студент магистратуры
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва)

Статья посвящена правовым проблемам трансплантации роговицы (кератопластики) в РФ. Актуальность обусловлена ростом числа операций, расширением показаний, сохранением риска отторжения и отсутствием в законодательстве специальных механизмов оценки неблагоприятных исходов. Анализируются объективные факторы риска (исследования МГОЦ ММНКЦ им. Боткина, НМИЦ Гельмгольца, МНТК «Микрохирургия глаза»). Обосновывается необходимость разграничения осложнения, объективного риска, врачебной ошибки и ненадлежащей помощи. Предлагается: специальная форма информированного согласия, фиксация индивидуального прогноза, нормативное закрепление категории «объективный медицинский риск» и совершенствование экспертной оценки.

Ключевые слова: трансплантация роговицы, кератопластика, медицинское право, права врача, права пациента, медицинская ответственность, медицинский риск, осложнение, информированное добровольное согласие, несовершеннолетний пациент, трансплантат роговицы, отторжение трансплантата.

Improving the legal regulation of corneal transplantation in the Russian Federation: issues regarding the protection of the rights of physicians and patients

The article addresses the legal issues surrounding corneal transplantation (keratoplasty) in the Russian Federation. The relevance of the study is driven by the growing number of surgical procedures, the expansion of indications, the persistent risk of graft rejection, and the absence of specific legal mechanisms in Russian legislation for assessing adverse outcomes. The analysis examines objective risk factors, drawing on research from the Botkin Municipal Clinical Hospital, the Helmholtz National Medical Research Centre for Eye Diseases, and the Fedorov Eye Microsurgery Federal State Institution. The article substantiates the need to distinguish between medical complications, objective medical risk, medical errors, and substandard medical care. The following improvements are proposed: a specific informed consent form for keratoplasty, mandatory recording of individual prognosis, the statutory definition of “objective medical risk,” and the enhancement of expert evaluation procedures.

Keywords: corneal transplantation, keratoplasty, medical law, physicians' rights, patients' rights, medical liability, medical risk, complication, informed voluntary consent, minor patient, corneal graft, graft rejection.

Кератопластика является одним из важнейших направлений современной офтальмохирургии, позволяющим восстановить анатомическую структуру роговицы и в значительной части случаев сохранить или восстановить зрительную функцию пациента. Современная кератопластика включает различные хирургические технологии, среди которых сквозная, передняя и задняя послойная, селективная кератопластика, а также иные методы реконструктивной хирургии роговицы. Развитие данного направления имеет существенное социальное значение: в 2024 году только хирургами МНТК «Микрохирургия глаза» было выполнено более 2000 операций по кератопластике [1]. При этом современная хирургия роговицы характеризуется не только увеличением количества операций, но и расширением показаний к их проведению, применением селективных методик и совершенствованием технологий подготовки и использования донорского материала.

Вместе с тем юридическая конструкция трансплантации роговицы значительно сложнее обычного хирургического вмешательства. Результат операции зависит не только от действий врача, но и от характера основного заболевания, состояния тканей пациента, наличия воспалительного процесса, васкуляризации роговицы, иммунологических особенностей, сопутствующей патологии, качества донорского материала, соблюдения послеоперационного режима и множества других обстоятельств. Именно эта особенность создает проблему для медицинского права. В правоприменительной практике существует риск упрощенного восприятия неблагоприятного результата лечения: если после операции трансплантат помутнел, возникло отторжение либо потребовалась повторная операция, возникает вопрос о том, не было ли допущено нарушение со стороны медицинского работника. Однако сам факт неблагоприятного результата не свидетельствует автоматически о ненадлежащем оказании медицинской помощи. Современная офтальмологическая наука демонстрирует наличие объективных факторов риска, способных привести к неблагоприятному исходу даже при правильном выборе хирургической тактики и соблюдении врачом всех необходимых требований.

Правовое регулирование трансплантации роговицы в России осуществляется на пересечении нескольких правовых массивов. К основным нормативным актам относятся Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2], Закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-I «О трансплантации органов и (или) тканей человека» [3], нормативные акты Министерства здравоохранения Российской Федерации, а также клинические рекомендации и иные документы, определяющие организацию и содержание медицинской помощи.

Особое значение имеет ст. 20 Федерального закона № 323-ФЗ, согласно которой предварительным условием медицинского вмешательства является информированное добровольное согласие гражданина или его законного представителя на основании предоставленной медицинским работником информации о целях и методах лечения, связанных с ним рисках, возможных вариантах медицинского вмешательства, его последствиях и предполагаемых результатах. Таким образом, законодатель уже признает медицинский риск юридически значимой категорией. Однако проблема заключается в том, что общего указания на необходимость информирования о риске недостаточно для специфических высокорисковых операций, к которым в определенных клинических ситуациях относится кератопластика. Роговица представляет собой иммунологически относительно привилегированную ткань, однако это не исключает риска воспалительных осложнений, эпителиальных дефектов, инфекции, помутнения трансплантата и его отторжения. Следовательно, информирование пациента должно носить не формальный, а индивидуализированный характер.

Особое значение для юридического анализа имеет исследование сотрудников Московского городского офтальмологического центра ММНКЦ им. С. П. Боткина — Г. Ш. Аржиматовой, Г. М. Чернаковой, Э. А. Салихова и М. Ю. Шемякина, опубликованное в журнале «Офтальмология» в 2024 году [4]. Авторы изучали факторы риска болезни трансплантата после сквозной кератопластики. В работе подчеркивается, что биологические результаты трансплантации зависят от множества обстоятельств, а пациенты высокого риска требуют особого подхода. Авторами были проанализированы различные клинические факторы, включая возраст, этиологию заболевания, наличие гипопиона, характеристики патологического процесса, васкуляризацию роговицы, сопутствующие заболевания и другие обстоятельства. Принципиальное юридическое значение данного исследования заключается в следующем: если вероятность осложнения может быть обусловлена объективными характеристиками пациента и исходного заболевания, то при оценке качества медицинской помощи нельзя ограничиваться исключительно анализом результата операции. Иными словами, результат лечения должен оцениваться с учетом исходного медицинского риска. Это особенно важно для судебной и внесудебной экспертизы.

В исследовании Боткинского центра была предложена система прогнозирования вероятности развития болезни трансплантата, авторы подчеркивают ее практическую применимость для оценки перспектив прозрачного приживления трансплантата у пациентов группы высокого риска. На соответствующий способ прогнозирования был получен патент Российской Федерации № 2023109334 от

13 апреля 2023 года. Для медицинского права это представляет особую ценность: современная медицина уже располагает инструментами оценки вероятности неблагоприятного исхода, однако российское законодательство пока недостаточно четко определяет, какое юридическое значение должен иметь зафиксированный до операции объективный риск.

Научные материалы МГОЦ ММНКЦ Боткинского центра позволяют рассмотреть проблему на конкретном клиническом примере. В опубликованном исследовании описан случай 33-летней пациентки, которая обратилась с отсутствием зрения, болью и слезотечением. У пациентки была диагностирована инфекционная язва роговицы, увеит и гипопион. При расчете прогноза учитывался комплекс факторов, в результате чего вероятность развития болезни трансплантата оценивалась как средняя — 35–37 %. При отсутствии положительной динамики консервативной терапии была выполнена сквозная кератопластика. Впоследствии было выявлено помутнение трансплантата. При этом клиническая ситуация не может быть сведена к простой формуле «операция — осложнение — ошибка врача». Напротив, пациентка изначально относилась к категории, характеризующейся рядом неблагоприятных факторов. В дальнейшем после лечения состояние трансплантата удалось стабилизировать, а через 24 месяца трансплантат сохранял прозрачность и обеспечивал остроту зрения 0,6. Данный пример демонстрирует важнейшее положение: наличие осложнения в послеоперационном периоде не тождественно ненадлежащему оказанию медицинской помощи. Юридическая оценка должна включать как минимум следующие вопросы: имелись ли медицинские показания к операции, была ли правильно выбрана методика, были ли учтены известные факторы риска, был ли пациент информирован о них, соответствовала ли операция профессиональным требованиям, имелись ли объективные обстоятельства, способные привести к осложнению, предпринимал ли врач необходимые меры профилактики и лечения осложнения, существовала ли причинно-следственная связь между конкретным действием врача и неблагоприятным исходом.

Отдельного внимания заслуживает научное наследие академика М. М. Краснова. Под его руководством был разработан и апробирован новый принцип пересадки роговицы, при котором удалялись пораженные слои стромы до десцеметовой мембраны, а дефект замещался донорским аллотрансплантатом. Эта методика полной стромопластики роговицы, разработанная в 1989 году, стала прототипом ряда современных вариантов селективной кератопластики [5]. Современные исследования, связанные с НИИ глазных болезней имени М. М. Краснова, также подчеркивают значение селективного подхода. В частности, отмечается, что биологические и функциональные результаты кератопластики зависят от этиологии заболевания, предшествующих операций и системных аутоиммунных заболеваний. Для права это означает, что

хирургический выбор становится индивидуализированным. Следовательно, нельзя выстраивать правовую оценку врача исключительно на основании того, что «идеальным» результатом считался бы другой способ хирургического вмешательства. Необходимо устанавливать, какая методика была обоснованной применительно к конкретному пациенту на момент принятия врачебного решения.

Значительный массив исследований в области кератопластики сформирован НМИЦ глазных болезней им. В. В. Гельмгольца. В частности, исследование по клинико-иммунологическим критериям прогнозирования и оптимизации иммуносупрессивного лечения при кератопластике высокого риска включало 106 пациентов с бельмами III–IV категории, возникшими вследствие перенесенного кератита. Отдельное направление исследований связано с лечением пациентов в условиях ургентной хирургии. Современные работы НМИЦ им. В. В. Гельмгольца рассматривают кератолизис, расплавление роговицы и необходимость экстренной кератопластики. В 2026 году опубликованы результаты исследования с участием пациентов после сквозной кератопластики по неотложным показаниям при перфорации роговицы и расплавлении кератотрансплантата [6]. Эти исследования важны для правового анализа еще по одной причине: у врача далеко не всегда имеется возможность выбрать наиболее благоприятные условия для операции. В ургентной хирургии необходимость вмешательства может быть обусловлена угрозой потери глаза, инфекционным процессом, перфорацией либо разрушением роговицы. Поэтому юридический стандарт оценки врача, работающего в условиях экстренности, не может быть идентичен стандарту плановой хирургии.

При проведении кератопластики взрослому пациенту основное значение имеет реализация его права на самостоятельное принятие решения. Согласно ст. 20 Федерального закона № 323-ФЗ пациент должен получить информацию о целях вмешательства, методе лечения, возможных рисках, альтернативных вариантах, возможных последствиях и предполагаемом результате. Однако применительно к трансплантации роговицы информирование должно быть более детальным. На наш взгляд, информированное согласие перед кератопластикой должно включать сведения как минимум о характере заболевания, цели трансплантации, выбранном виде кератопластики, наличии альтернатив, вероятности прозрачного приживления, вероятности отторжения, риске инфекции, вероятности повторного вмешательства, необходимости длительного послеоперационного наблюдения, необходимости соблюдения лекарственной терапии, возможных ограничениях после операции и индивидуальных факторах риска. Особое значение имеет фиксация индивидуального прогноза, если он может быть рассчитан.

Особую правовую проблему представляет трансплантация роговицы детям. В соответствии с Федеральным законом № 323-ФЗ информированное добровольное согласие за несовершеннолетних пациентов в предумыш-

тренных законом случаях дает родитель или иной законный представитель. Закон одновременно закрепляет право несовершеннолетних старше установленного возраста самостоятельно давать согласие на медицинское вмешательство или отказываться от него. Однако правовая модель согласия родителей не должна превращать ребенка исключительно в объект медицинского решения. В детской офтальмологии цена своевременного лечения может быть особенно высокой, поскольку нарушение формирования зрительной функции способно оказать долгосрочное влияние на дальнейшее развитие ребенка. Научные исследования показывают, что сквозная кератопластика применяется у детей при различных заболеваниях роговицы, а биологический и функциональный результат зависит от характера исходной патологии.

Отдельного внимания заслуживают ситуации, когда родители отказываются от рекомендованной ребенку операции. Статья 20 Федерального закона № 323-ФЗ предусматривает возможность медицинской организации обратиться в суд в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни ребенка. Однако не каждая кератопластика непосредственно направлена на спасение жизни. Она может быть направлена на сохранение глаза, восстановление зрения, предотвращение необратимых изменений, улучшение качества жизни, предупреждение дальнейшего разрушения роговицы. Отсюда возникает пробел: действующее законодательство недостаточно подробно регулирует ситуацию, когда отказ законного представителя создает угрозу не жизни ребенка, а его зрительной функции. Представляется целесообразным нормативно закрепить механизм действий медицинской организации в подобных случаях, включая обязательное рассмотрение ситуации врачебной комиссией и документирование медицинских показаний, прогноза без лечения, прогноза при проведении операции, рисков вмешательства, последствий отказа, позиции родителей и мнения самого ребенка с учетом его возраста и способности сформировать такое мнение.

Центральной проблемой правового регулирования является отсутствие четкого законодательного разграничения между медицинским осложнением, объективным медицинским риском, врачебной ошибкой, дефектом медицинской помощи и ненадлежащим оказанием медицинской помощи. Это принципиально разные категории. Медицинское осложнение представляет собой неблагоприятное состояние, которое может возникнуть в связи с медицинским вмешательством либо заболеванием пациента. Объективный медицинский риск представляет собой вероятность неблагоприятного результата, обусловленную индивидуальными особенностями пациента, характером заболевания и особенностями медицинской технологии. Врачебная ошибка не должна автоматически отождествляться с любым неблагоприятным исходом; для правовой ответственности необходимо установить конкретное нарушение профессиональных требований и его

причинную связь с последствиями. Ненадлежащее оказание медицинской помощи должно устанавливаться посредством сопоставления действий медицинского работника с применимыми нормативными требованиями, клиническими рекомендациями, медицинскими показаниями и фактическими обстоятельствами лечения. Именно такое разграничение необходимо закрепить и на уровне правоприменительной практики.

Современные клинические рекомендации Минздрава России уже учитывают возрастные категории пациентов. Например, актуальные клинические рекомендации «Кератит» имеют возрастные категории «Взрослые, Дети» и предусматривают разделы, посвященные диагностике, лечению, показаниям и противопоказаниям, организации медицинской помощи и критериям качества медицинской помощи. Следовательно, при проведении экспертизы нельзя оценивать действия врача исключительно с позиции конечного результата; необходимо учитывать медицинскую ситуацию на момент принятия врачебного решения. Это особенно важно при быстро развивающихся инфекционных заболеваниях роговицы и ургентной хирургии [7].

Международная практика также демонстрирует важность информированного согласия и документирования медицинского риска. В Великобритании General Medical Council рассматривает согласие пациента как фундаментальный правовой и этический принцип [8]. Медицинский работник должен убедиться в наличии действительного согласия перед лечением, а пациент должен быть вовлечен в принятие решений и получить информацию, необходимую для осознанного выбора. Интерес представляет и организация донорства роговицы. Исследования британской системы показывают, что дефицит донорской роговичной ткани остается существенной проблемой, причем Великобритания в этом отношении отличается от США и ряда европейских государств. Международный опыт позволяет сделать вывод, что правовое регулирование трансплантации должно охватывать не только отношения «врач — пациент», но и всю систему: донор — донорская ткань — медицинская организация — хирург — пациент — послеоперационное наблюдение [9].

Представляется целесообразным дополнить российское законодательство понятием «объективного медицинского риска». Под ним предлагается понимать вероятность наступления неблагоприятного исхода медицинского вмешательства, обусловленную индивидуальными особенностями состояния пациента, характером заболевания, особенностями медицинской технологии либо иными обстоятельствами, объективно не зависящими от воли медицинского работника, при условии соблюдения им установленных требований к оказанию медицинской помощи. Такое определение позволило бы создать правовую основу для разграничения неизбежного либо допустимого медицинского риска, предотвратимого осложнения и дефекта медицинской помощи. При этом наличие медицинского риска не должно освобождать врача от от-

ветственности автоматически. Врач обязан выявить известные факторы риска, принять обоснованное решение, информировать пациента, получить согласие, выбрать соответствующую методику, осуществлять необходимое наблюдение и своевременно реагировать на осложнения. Если указанные обязанности выполнены, а неблагоприятный исход наступил вследствие объективных факторов, оснований автоматически возлагать ответственность на врача не имеется.

На основании проведенного исследования предлагается сформировать следующий комплекс мер.

Во-первых, необходимо ввести специальную форму информированного согласия на кератопластику, поскольку общая форма недостаточна для высокотехнологичной трансплантации. Специальный раздел должен включать индивидуальные факторы риска, вероятность отторжения, возможные осложнения, необходимость повторной операции, прогноз функционального результата и необходимость соблюдения послеоперационного режима.

Во-вторых, следует закрепить обязательность документирования индивидуального риска: если врач выявил факторы, увеличивающие вероятность осложнения, они должны быть отражены в медицинской документации.

В-третьих, необходимо придать юридическое значение медицинскому прогнозу: если медицинской организацией используется валидированная методика прогнозирования осложнений, результаты ее применения должны фиксироваться в медицинской документации. Это осо-

бенно актуально с учетом разработанной специалистами Боткинского центра системы прогнозирования болезни трансплантата.

В-четвертых, следует закрепить принцип, согласно которому неблагоприятный исход не является самостоятельным доказательством ненадлежащего оказания помощи; при оценке действий врача должны исследоваться исходное состояние пациента, факторы риска, выбранная методика, медицинские показания, соблюдение клинических рекомендаций, информирование пациента, послеоперационное наблюдение и причинная связь.

В-пятых, необходимо разработать специальные правила детской кератопластики, нормативно определив содержание информирования родителей и участие самого несовершеннолетнего пациента в принятии решения.

В-шестых, следует установить специальные правила для ургентной кератопластики, учитывающие ограниченность времени для диагностики, выбора метода и получения дополнительной консультации.

В-седьмых, требуется совершенствовать судебно-медицинскую экспертизу, чтобы эксперт отвечал не только на вопрос «Каков результат лечения?», но и на вопросы: «Какова исходная степень медицинского риска?», «Какие факторы пациента могли повлиять на исход?», «Было ли осложнение прогнозируемым?», «Соответствовала ли выбранная врачом тактика медицинским показаниям?», «Существовала ли причинно-следственная связь между конкретным нарушением и неблагоприятным исходом?».

Литература:

1. МНТК — вчера, сегодня, завтра <https://mntk.ru/mntk-moscow/today/?ysclid=mszrejawuc566321386>
2. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс
3. Закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-I «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // СПС Консультант Плюс
4. Аржиматова Г. Ш., Чернакова Г. М., Салихов Э. А., Шемякин М. Ю. Статистический анализ факторов риска болезни сквозного трансплантата роговицы при проведении кератопластики высокого риска // Офтальмология. 2024. Т. 21. № 3. С. 509–516.
5. Аветисов С. Э., Еричев В. П., Емельянова Н. А. Вклад академика М. М. Краснова в офтальмологическую науку и практику. Вестник офтальмологии. 2023;139(32):710
6. Шамхалова Х. М. Разработка клинико-иммунологических критериев прогнозирования и оптимизация иммуносупрессивного лечения при кератопластике высокого риска автореферат дис.... кандидата медицинских наук: 14.01.07; 14.03.09
7. «Клинические рекомендации «Кератит» (одобрены Минздравом России) //
8. General Medical Council. Decision making and consent. (gmc-uk.org)
9. Why take the eye? A systematic review of corneal retrieval methods and donor consent: implications for the UK // BMJ Open Ophthalmology. 2025. (bmjophth.bmj.com)

Установление признаков неправомерного завладения автомобильным транспортом без цели хищения

Нуруллин Эльмир Рамилевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Сундуrowa Оксана Федоровна, кандидат юридических наук, доцент

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

В статье обобщены свойства (признаки) угона (неправомерного завладения автомобильным транспортом без цели хищения). Автор систематизировал важнейшие отличительные признаки угона, которые в числе прочих формируют объективные признаки состава соответствующего преступления, включают отраслевые признаки автомобиля как специального вида транспортного средства и правоприменительные признаки противоправных действий по угону автомобиля. На основании указанных признаков представлены дефиниции автомобиля и его угона.

Ключевые слова: признаки, уголовная ответственность, состав преступления, квалификация, угон автомобиля, транспортное средство.

Признаки любого преступления отражают его базовые характерные свойства, которые вместе с другими признаками формируют состав этого преступления, позволяют верно квалифицировать угон и отграничить его от смежных составов преступлений [1, с. 12].

Для обоснования основных признаков угона (неправомерного завладения автомобильным транспортом без цели хищения) следует систематизировать характерные свойства автомобиля, как предмета преступления, и отличительные особенности действий по его угону, как объективной стороны преступления. То есть, ключевые признаки угона охватываются признаками объекта и объективной стороны состава соответствующего преступления.

Рассматривая теоретико-правовые аспекты понятия автомобиля, следует отметить, что в диспозиции ч. 1 ст. 166 УК РФ автомобиль как предмет преступления обособлен от других видов транспортных средств, что подчеркивает приоритетный характер уголовной ответственности за угон автомобиля относительно других видов транспорта, определяет аналогичность в уголовно-правовом контексте понятий автомобиль, автотранспорт (в единственном числе), автотранспортное средство и относит автомобиль в отраслевую категорию транспортного средства.

Действительно, автомобиль является транспортным средством, которое отличается от других видов транспорта: наибольшим числом производства автомобилей и практического использования среди населения; наибольшими функциональными возможностями применения; простотой использования относительно воздушного, водного, железнодорожного транспорта [1, с. 12].

Несмотря на обозначенную важную роль автомобиля, отраженную в диспозиции ст. 166 УК РФ, и его общественную важность для человека, в современных уголовно-правовых исследованиях и нормах действующего законодательства отсутствует четкий перечень общих, частных признаков автомобиля как предмета преступного посяательства и соответствующее понятие [2, с. 379]. В этой связи стоит указать на детализацию свойств автомобиля

как транспортного средства в законодательстве, которая формирует отраслевые признаки автомобиля. В частности, в положениях п. 11 ст. 1 Федерального закона «О транспортной безопасности» [3] регламентировано, что транспортные средства — это устройства, которые предназначены для перевозки грузов, физических лиц, личных вещей, багажа, животных, ручной клади, оборудования, связанного с ним, согласно транспортным уставам, кодексам, и включают автомобильные транспортные средства, применяемые для регулярной доставки багажа, перевозки пассажиров, для перевозки багажа, пассажиров по условиям заказа, для доставки опасных грузов по специальному разрешению, выданному согласно закону [4].

Анализ указанных норм законодательства [5, 6] позволяет выделить отраслевые признаки транспортных средств в сферах автомобильного учета и обеспечения дорожной безопасности, которые включают: видовой признак наземного использования, технологическое свойство самоходного средства, учетно-регистрационный признак принадлежности к категории («N», «M», «L»), скоростно-мощностной признак, а также функциональный признак исполнения задач перевозки; целевой признак доставки грузов, пассажиров, оборудования.

Однако, наиболее важные для уголовно-правовой сферы правоприменительные признаки транспортного средства приводятся в судебной практике. По данному поводу в п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда России № 25 от 2008 г. [7] отмечено, что предусмотренные ст. 166 УК РФ «иные транспортные средства» представляют собой транспортные средства, для управления которыми согласно российскому законодательству требуется специальное право, включая автобусы, трамваи, троллейбусы, мопеды, мотоциклы, трактора, прочие самоходные машины, другие транспортные средства с электродвигателем, двигателем внутреннего сгорания, а также моторные лодки, маломерные катера, и прочие суда, кроме тех средств, неправомерное завладение которыми не включает признаков состава преступления, установленного ст. 211 УК РФ, и тех средств, относящихся к гужевому транспорту, гребным лодкам, велосипедам и т. п.

Обобщение обозначенных отраслевых и правоприменительных основных признаков автотранспортного средства позволяет сформулировать определение автомобиля в контексте применения ст. 166 УК РФ – это обособленная категория транспортного средства, которое: может исполнять задачи перевозки грузов, пассажиров, оборудования по автомобильным (безрельсовым) дорогам с применением электрического или иного двигателя; может управляться при наличии определенного законом удостоверения; не относится к предметам угона, установленным ст. 211 УК РФ и к простейшим механизмам гужевого транспорта, велосипедов и пр.

Детализация особенностей неправомерного завладения автомобилем приводится в п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 9 декабря 2008 г. [7], в котором разъясняется, что предусмотренные ст. 166 УК РФ действия по угону автомобиля составляют завладение виновным чужим автотранспортом и последующую поездку на этом автомобиле без корыстного намерения присвоения его в целом либо частями. Оконченным преступлением считается угон после начала движения автомобиля или перемещения его с места нахождения.

В этой связи стоит обратить внимание на цели неправомерного завладения автотранспортом, содержание которых отражено в нормах УК РФ и судебной практике. Во-первых, цель угона, как отмечено в наименовании

статьи и диспозиции ч. 1 ст. 166 УК РФ, не должна включать цель хищения путем присвоения автомобиля или его компонентов. Во-вторых, цель угона в использовании технологических свойств автотранспорта с его перемещением позволяет отграничить угон от иных составов преступлений [7]. В-третьих, цели угона могут включать иные цели корыстного и некорыстного содержания, включая использование автомашины в личных интересах без разрешения его владельца [8]. То есть, характерные ключевые признаки неправомерного завладения автомобилем определяются активными действиями по завладению чужим автотранспортом путем его передвижения с места, которые отличаются отсутствием цели хищения, но могут реализовывать другие противоправные цели корыстного, иного содержания.

Обобщение обозначенных признаков автомобиля и особенностей его угона позволяет сформулировать понятие неправомерного завладения автомобилем — это совокупность действий, обозначенных в ст. 166 УК РФ, по передвижению чужого автотранспорта с места его нахождения без цели корыстного присвоения целиком автомобиля или его частей, с усилением ответственности за угон с заведомо противоправной целью, если автомобиль отвечает характерным признакам автотранспортного средства функционального, формального, классификационного, ограничительного и исключительного содержания.

Литература:

1. Антонов А. Г. Об уголовно-правовой оценке неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения: имеет ли собственную нишу в уголовном законодательстве статья 166 УК РФ? // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2025. № 4(59). С. 11–15.
2. Фарахиева Г. Р. Проблемы уголовной ответственности за неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра. Материалы ежегодной международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2025. С. 378–380.
3. Федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О транспортной безопасности» // СЗ РФ. 2007. № 7. Ст. 837.
4. Федеральный закон от 08.11.2007 № 257-ФЗ (ред. 29.12.2025) «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 46. Ст. 5553.
5. Федеральный закон от 03.08.2018 г. № 283-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 32 Ст. 5076.
6. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 г. № 1090 (ред. от 16.07.2025) «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // СЗ РФ. 1993. № 47. Ст. 4531.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 г. № 25 (ред. от 25.06.2024) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2. февраль, 2009.
8. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.07.2024 г. № 78-УД24–9-А2. URL: <https://www.consultant.ru/>. (дата обращения 20.07.26).
9. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 30.01.2025 г. № 6-УД24–7-А1. URL: <https://www.consultant.ru/>. (дата обращения 20.07.26) URL: <https://www.consultant.ru/>. (дата обращения 20.07.26).

Перспективы повышения справедливости и устойчивости судебного решения путём внедрения института народных представителей: опыт Республики Узбекистан

Пирназаров Абдурашид Абдулхаевич, PhD, соискатель
Ташкентский государственный юридический университет (Узбекистан)

Исследуется правовая природа института народных представителей, внедряемого в уголовное судопроизводство Республики Узбекистан согласно Указу Президента от 16 февраля 2026 года № УП-22 и Стратегии «Правосудие — 2030». На основе сравнительно-правового анализа опыта Франции, Японии, Италии, КНР, Аргентины, России и Кыргызстана и критики действующего института народных заседателей предложена авторская мотивированно-коллегиальная модель: состав «два плюс пять», случайный автоматизированный отбор, расцеплённое голосование, правило мотивированного расхождения. Национальная идентичность предлагаемой модели оценивается по критериям генезиса, морфологической принадлежности и соответствия менталитету.

Ключевые слова: народные представители, устойчивость приговора, мотивированность приговора, национальная идентичность судопроизводства.

Введение

Указом Президента Республики Узбекистан от 16 февраля 2026 года № УП-22 предусмотрено рассмотрение дел об особо тяжких преступлениях с участием коллегии народных представителей; первый этап охватывает суды Ташкента и Ташкентской области [1]. Стратегия «Правосудие — 2030» требует довести число таких категорий дел как минимум до трёх к 2030 году [2]. В национальной доктрине вопрос уже поставлен: А.Хасанов предлагает дополнить статьи 13 и 19 УПК механизмом рассмотрения дел о тяжких и особо тяжких преступлениях с участием такой коллегии по ходатайству подсудимого [3]. Однако за пределами обсуждения остаётся вопрос о влиянии участия граждан не только на справедливость, но и на устойчивость приговора.

Именно здесь научная проблема. Российский опыт показывает, что основной системной трудностью выступает дисбаланс пересмотра: большинство оправдательных вердиктов отменяется в апелляции, тогда как обвинительные устойчивы даже при процессуальных нарушениях [4]; А. В. Ламтева указывает, что фундаментальной проблемой является не отсутствие оправдательных приговоров, а их неустойчивость при судебном контроле [5]. Параллельно сфера применения сокращается: 988 дел в 2022 году, 961 — в 2023-м, 832 — в 2024-м. Отсюда гипотеза: участие народных представителей повышает справедливость и легитимность приговора, но повышает устойчивость лишь при обязательном изложении коллегиального решения по вопросам факта в приговоре и процессуальной формализации взаимодействия с судьёй, нарушение которой образует основание к отмене. Национальная идентичность модели оценивается по трём критериям С. А. Насонова — генезису, морфологической принадлежности и соответствию менталитету [6].

Основная часть

Участие граждан в правосудии выполняет три задачи. Первая — познавательная: она состоит в том, чтобы доказательства оценивал более широкий круг лиц. Исследо-

вание Г. Калвена и Г. Цайзеля зафиксировало совпадение позиций судьи и коллегии непрофессионалов примерно в четырёх случаях из пяти, причём расхождения складывались преимущественно в пользу подсудимого [7]. Существенна современная поправка: наблюдение за работой смешанных судов провинции Кордова и опросы их непрофессиональных членов показали, что граждане относятся к требованиям закона о строгом соблюдении процедуры серьезнее, чем сами юристы, и добиваются не смягчения закона, а более точного его применения; наибольшее недоумение вызывает у них та свобода, с которой профессионалы обращаются с правовыми нормами. Тем самым привычное противопоставление «здорового смысла» непрофессионалов и «объективности» юристов практикой не подтверждается. Вторая задача — обеспечение доверия к суду. Третья — общественный контроль: присутствие в составе суда лиц, не подчинённых по службе, затрудняет постороннее воздействие на суд, оказываемое вне процессуальных форм.

Выбор конструкции предопределён морфологическим типом процесса: большинство правопорядков — около 160 государств и 30 зависимых территорий предусматривают участие народа в правосудии — реализуют комбинированные варианты, а в иерархической системе коллегия с немотивированным вердиктом лишает вышестоящую инстанцию предмета проверки [8]. Предлагается авторское определение к понятию: народный представитель — привлекаемый по случайному отбору к рассмотрению конкретного дела гражданин без статуса судьи, не образующий обособленной коллегии, с ограниченной, но юридически обязывающей компетенцией по вопросам факта и наказания, решение которого подлежит обязательному мотивированию в приговоре.

Разграничение с народными заседателями (избираемыми на срок с полным объёмом прав судьи), присяжными (решающими вопрос о виновности без мотивов) проводится по пяти критериям: способ формирования, объём компетенции, форма совещания, мотивированность, встроенность в судебную иерархию. Народные

заседатели избираются на срок и формально имеют все права судьи, присяжные заседают отдельно и решают вопрос о виновности без объяснения причин, а в Германии заседатели решают вместе с судьями и вопросы права, что критикуют из-за отсутствия у них юридической подготовки. Главный признак — пятый: именно несвязанность с судебным аппаратом отличает народного представителя от народного заседателя, подчинённого председателю суда.

Зарубежный опыт и пределы его применимости. Континентальные смешанные модели различны. Во Франции коллегия отбирается жеребьёвкой из департаментских списков при цензе не ниже тридцати лет, мнения излагаются письменно и скрытно, а разглашение сведений о составе коллегии и о закрытом совещании влечёт уголовную ответственность [9]. Японская модель сайбан-ин предусматривает трёх судей и шесть граждан, совместно большинством разрешающих вопросы права, факта и наказания; в Италии — шесть присяжных и два судьи, в Дании — три судьи и двенадцать присяжных, в Финляндии — один судья и три присяжных [10].

Прямо релевантны узбекскому эксперименту два решения. Закон КНР «О народных заседателях» 2018 года предусматривает автоматизированный подбор заседателей компьютерной программой, а в расширенном составе (три судьи и от четырёх до семи заседателей) наделяет их равными с судьями полномочиями только при установлении фактов, исключая из решения вопроса о применимом праве [11]. В трибунале провинции Кордова (три судьи и восемь граждан) голоса профессиональных и непрофессиональных членов состава публикуются вместе с мотивировкой, составляемой председательствующим. Таким образом, оба ключевых элемента — расщепление компетенции и мотивированность — уже апробированы. Российская практика даёт каталог рисков: четыре канала влияния председательствующего (вопросный лист, разъяснение норм, процессуальное руководство, предварительная оценка доказательств) и возврат коллегии на дополнительное совещание как инструмент давления [5]; «опосредованность» участия, при которой вопросы присяжных могут быть переформулированы или отведены [12]; повышенная опасность исследования неотносимых доказательств; игнорирование судебного вызова в девяти случаях из десяти. Международный стандарт задан делом *Tahquet v. Belgium*: немотивированный вердикт допустим лишь при точных вопросах и инструкциях [13], а Узбекистан связан статьёй 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Опыт Кыргызстана, где закон о присяжных приостановлен из-за отсутствия финансирования, показывает: главная опасность — не отказ от института, а его имитация.

Современное состояние судебно-правовой системы Республики Узбекистан. Конституция устанавливает, что правосудие осуществляется только судом и никакие иные органы и лица не вправе присваивать полномочия судебной власти (статья 132), гарантируя каждому судебную защиту (статья 55); прямой нормы о праве граждан уча-

ствовать в осуществлении правосудия Основной Закон не содержит. Согласно статье 59 Закона «О судах» от 28 июля 2021 года № ЗРУ-703 народным заседателем может быть гражданин не моложе тридцати пяти лет, избранный открытым голосованием на собрании граждан по месту жительства или работы на два с половиной года, пользующийся правами судьи и призываемый в порядке очереди не более чем на две недели в году. Коллегиальный состав первой инстанции образуют судья и два народных заседателя с равными председательствующему правами (статьи 13 и 30 УПК Республики Узбекистан); после изменений, вступивших в силу 1 апреля 2018 года, коллегиально рассматриваются лишь дела об особо тяжких преступлениях (часть пятая статьи 15 Уголовного кодекса Республики Узбекистан) [14], [15].

У этой конструкции четыре недостатка: открытое голосование на собрании не даёт случайности отбора и открывает путь влиянию местной администрации; срок полномочий и привязка заседателя к суду создают зависимость; равные права не подкреплены участием в составлении мотивировочной части приговора; разногласие внутри состава не влечёт последствий и не проверяется извне.

Круг дел, переданных эксперименту, совпадает с тем, где коллегиальный состав уже предусмотрен, поэтому решает не название института, а способ отбора, объём полномочий и обязанность мотивировать решение. Потребность в реформе подтверждает статистика: за январь—октябрь 2024 года оправданы 603 человека, а с более чем 5,6 тысячи граждан обвинение снято в суде. Проверка по трём признакам даёт такой результат: по происхождению институт не является чистым заимствованием, поскольку традиция привлечения граждан к правосудию есть и в институте народных заседателей, и в работе органов самоуправления; по типу судопроизводства Узбекистан относится к странам с кодифицированным правом и многоступенчатой проверкой приговора, что исключает решение без мотивов; по складу общества коллегиальное обсуждение привычно там, где велика роль махалли, но та же плотность связей делает территориальный принцип отбора источником риска.

Авторская модель института народных представителей. Народные представители не являются судьями и не образуют самостоятельной коллегии; они входят в состав суда с ограниченной компетенцией, что не колеблет требование статьи 130 Конституции. Единый электронный реестр кандидатов формируется на основе государственных информационных систем, отбор для конкретного дела производится автоматизированно и случайно — по образцу решения, реализованного в КНР; выборы на собраниях граждан исключаются. Требования: гражданство, возраст не менее тридцати лет (как во французской модели [9]), дееспособность, отсутствие судимости. Несовместимость установлена для судей, прокуроров, следователей, адвокатов, сотрудников правоохранительных органов и их близких родственников, депутатов, служащих хокимиятов и руководителей органов самоуправления граждан; обязателен территориальный отвод.

Состав суда — два профессиональных судьи и пять народных представителей. Нечётная численность принципиальна: она исключает равенство голосов, за что высказались 65 % опрошенных российских судей, а расчёты А. Джелфана и Г. Соломона показывают, что сокращение состава до шести человек вдвое повышает вероятность ошибочного оправдания и увеличивает вероятность осуждения невиновного [10]. Подсудность на первом этапе — особо тяжкие преступления, кроме преступлений против мира и безопасности человечества и дел с государственными секретами; состав формируется по ходатайству подсудимого, отказ не влечёт неблагоприятных последствий, что развивает предложение о праве выбора состава суда [3]. Совещание совместное, голосование расщеплено: доказанность деяния и виновность — пять голосов из семи, включая голос не менее чем одного судьи; вопросы права, квалификации и допустимости доказательств — профессиональные судьи. Решение опирается на китайскую конструкцию, на данные о непонимании юридической терминологии более чем 70 % кандидатов и на предостережение о снижении качества правосудия при полном уравнивании компетенции. Наказание определяется простым большинством, пожизненное лишение свободы — единогласно.

Ядро модели — правило мотивированного расхождения: мотивировочная часть приговора должна содержать изложение коллегиального решения по вопросам факта, при расхождении позиций судей и представителей мотивы подлежат обязательному изложению, а немотивированное отклонение коллегиального решения признаётся существенным нарушением закона и самостоятельным основанием к отмене приговора.

Аргентинский опыт доказывает осуществимость такой мотивировки [16]; авторское добавление состоит в придании расхождению самостоятельного процессуального последствия, чего не знает ни одна из рассмотренных моделей. Именно это превращает участие граждан из непроверяемого обстоятельства в предмет инстанционного контроля. Инструкции председательствующего обязательны, письменны и фиксируются аудиозаписью; при исследовании доказательств, способных вызвать убеждение, суд разъясняет коллегии цель и пределы их использования.

Гарантии: неприкосновенность на период участия, ответственность за воздействие и за разглашение тайны совещания, анонимизация данных, урегулирование «цифрового наблюдения» за представителями, компенсация не ниже среднего заработка. Судья выступает процессуальным модератором: ему запрещено высказывать мнение о виновности до совещания, представители высказываются первыми. Этапы: 2026–2029 годы — пилот с мониторингом доли отмен, сроков, доли оправданий и частоты мотивированных расхождений; 2029–2030 годы — расширение до трёх категорий дел; институт народных заседателей упраздняется.

Влияние института на справедливость и устойчивость судебного решения. Следует разграничить спра-

ведливость как соответствие критериям должного, обоснованность как соответствие выводов доказательствам и устойчивость как низкую вероятность отмены приговора в совокупности с социальной приемлемостью решения. Их смешение — методологическая ошибка: институт способен повышать справедливость и одновременно снижать устойчивость, что подтверждает российский дисбаланс пересмотра. Вероятность ошибок снижается повышением доказательственного порога через квалифицированное большинство, необходимостью объяснить обвинение непрофессиональному составу, диверсификацией оценки доказательств и асимметрией расхождений в пользу подсудимого [7].

Устойчивость повышают иные механизмы: мотивированное расхождение создаёт предмет проверки там, где ранее было непроверяемое единство состава; формализованная инструкция вместе с изъятием вопросов права из компетенции представителей сокращает отмены по мотивам нарушения пределов разбирательства; процедурная легитимность снижает число жалоб, поданных не по правовым мотивам. Риски требуют контрмер: конформизм — порядок выступлений; неравенство возможностей содержательного участия — обязательное вводное инструктирование; воздействие через социальные связи — анонимизация и территориальный отвод; низкая явка — защищённое финансирование; сжатие подсудности по российскому сценарию — запрет ухудшения положения подсудимого при выборе такого состава суда. В первые два-три года вероятен рост сроков и числа отмен как эффект обучения: результативность нельзя оценивать ранее трёх лет и нельзя измерять числом рассмотренных дел.

Заключение

Внедрение института народных представителей способно повысить справедливость и устойчивость судебных решений, но не в силу самого факта участия граждан, а исключительно при определённой конструкции: участие граждан — необходимое, но недостаточное условие. Решающим признаком модели выступает не численность непрофессионального элемента и не объём его прав, а мотивированность коллегиального решения, связывающая справедливость с устойчивостью. Оба ключевых элемента предлагаемой конструкции апробированы порознь — расщепление компетенции в КНР и публикуемая мотивировка голосов непрофессиональных членов состава в Аргентине; научная задача состоит в их соединении и в придании расхождению мнений процессуального последствия.

Опыт узбекского института народных заседателей доказывает, что формальное наделение непрофессионалов правами судьи без случайного отбора, институциональной невстроенности и процессуальных последствий расхождения мнений ведёт к вырождению института в правовую фикцию; вывод применим ко всем государствам, реформирующим унаследованные от советской модели формы участия граждан. Оценка по критериям

генезиса, морфологии и менталитета показывает, что национально идентичной для Узбекистана является мотивированно-коллегияльная модель, ближайшим аналогом которой выступает система сайбан-ин. Главный риск реформы — институциональная имитация и последующее сжатие подсудности; критерием успеха является не количество рассмотренных дел, а наличие в приговорах мотивированных расхождений и динамика отмен.

Предложения. Первое: принять Закон «О народных представителях в уголовном судопроизводстве» (реестр кандидатов, автоматизированный отбор, требования и несовместимости, гарантии, компенсации, ответственность, пределы сбора сведений о представителях). Второе: дополнить УПК главой об особенностях разбирательства

с участием народных представителей, закрепив состав «два плюс пять», расщеплённое голосование, большинство пять из семи по вопросам виновности, единогласие для пожизненного лишения свободы и обязательные письменные инструкции. Третье: изложить в новой редакции статью 13 УПК, дополнить статью 19 правом подсудимого ходатайствовать о таком составе суда, исключить статью 30 в части народных заседателей и упразднить статью 59 Закона «О судах» с корреспондирующими нормами статей 32, 39, 44, 64 и 80. Четвертое: дополнить основания к отмене приговора немотивированным отклонением коллегиального решения по вопросам факта и существенным нарушением порядка отбора, отвода либо инструктирования представителей.

Литература:

1. Указ Президента Республики Узбекистан, от 16.02.2026 г. № УП-22 // lex.uz/docs/8050787.
2. Указ Президента Республики Узбекистан, от 14.08.2026 г. № УП-160 // <https://lex.uz/ru/docs/8407362>
3. Hasanov A. Jinoyat protsessida adolatli sud muhokamasiga bo'lgan huquqni amalga oshirishda xalq vakillari hay'ati va oqilona muddatlarda ishni ko'rib chiqish ahamiyati // *Sociology and law*. B. 56–60.
4. Гаврилова Т. А., Тебряев А. А. О целесообразности повышения максимально допустимого возраста кандидата в присяжные заседатели до 70 лет // *Ленинградский юридический журнал*. 2026. № 1 (83). С. 8–22. DOI: 10.35231/18136230_2026_1_8.
5. Гребнева Н. Н., Максимовских А. В. Современные проблемы суда присяжных в России: процессуальные и социальные аспекты // *Вестник Сургутского государственного университета*. 2026. Т. 14, № 1. С. 95–101. DOI: 10.35266/2949–3455–2026–1–9.
6. Насонов С. А. Национальная идентичность российской модели производства в суде с участием присяжных заседателей // *Правовое государство: теория и практика*. 2026. № 1 (83). С. 83–91. DOI: 10.33184/prav-gos-2026.1.9.
7. Kalven H., Zeisel H. *The American Jury*. Boston: Little, Brown and Company, 1966. 559 p.
8. Руденко В. Н. Участие граждан в отправлении правосудия в современном мире. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 644 с.
9. Танечник Ю. С. Сравнительный анализ правового института присяжных заседателей // *Крымский научный вестник*. 2019. № 2 (23). DOI: 10.24411/2412–1657–2018–10044.
10. Ильяхов А. А. Характерные черты зарубежных моделей производства в суде с участием присяжных заседателей: опыт становления и развития. 2023. № 2. С. 37–45. DOI: 10.47629/2074–9201_2023_2_37_45.
11. Модебадзе М. И. Суд присяжных за пределами уголовной юстиции: мировой опыт // *Теоретическая и прикладная юриспруденция*. 2022. № 3 (13). С. 38–46. DOI: 10.22394/2686–7834–2022–3–38–46.
12. Воробьева А. А. Некоторые особенности судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей // *Форум молодых учёных*. 2026. № 4 (116). С. 160–163.
13. *Taquet v. Belgium* [GC], no. 926/05, ECHR, 16 November 2010
14. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994 г. № 2013-XII // lex.uz/acts/111463.
15. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994 г. № 2012-XII // lex.uz/acts/111457.
16. Amietta S. A. Making legal sense: on jurors' discovery of objectivity in Argentina's experience of lay participation in criminal trials // *Frontiers in Sociology*. 2025. Vol. 10. Art. 1435354. DOI: 10.3389/fsoc.2025.1435354.

Роль и правовое значение судебного приговора в законодательстве отдельных государств

Пирназаров Абдурашид Абдулхаевич, PhD, соискатель
Ташкентский государственный юридический университет (Узбекистан)

В статье проводится сравнительно-правовое исследование роли и правового значения вступившего в законную силу приговора в законодательстве Германии, Франции, Англии и Уэльса, США, Российской Федерации, Республики Казах-

стан и Республики Беларусь. Сопоставление выполнено по пяти унифицированным критериям: момент вступления приговора в законную силу; содержание свойств законной силы (исключительность, преюдициальность, неопровержимость, обязательность); основания и сроки пересмотра окончательного приговора; допустимость поворота к худшему; круг субъектов, инициирующих пересмотр. Показано, что различие романо-германской и англо-американской моделей проявляется не в признании ценности окончательности приговора, а в способах её нормативного обеспечения: континентальные правовые порядки конституционализируют запрет повторного преследования и строят исчерпывающие перечни оснований возобновления, тогда как общее право опирается на процессуальные возражения и институциональные фильтры допуска к пересмотру. Сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства Республики Узбекистан, направленные на ограничение бессрочной ревизуемости приговора при сохранении механизма исправления судебной ошибки.

Ключевые слова: приговор, законная сила приговора, пересмотр судебных решений.

Введение

Стабильность вступившего в законную силу приговора образует одну из несущих конструкций уголовного судопроизводства: без неё процессуальная деятельность лишается завершённости, а осуждённый и оправданный — определённости своего правового положения. Ни один правовой порядок, однако, не признаёт окончательность приговора абсолютной ценностью: возможность исправления судебной ошибки сохраняется как конкурирующее начало.

Актуальность обращения к зарубежному опыту определяется тем, что Концепция совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства предусматривает пересмотр системы проверки судебных решений, а Стратегия «Узбекистан — 2030» относит повышение доверия к судебной власти к числу приоритетов [1], [2]. Учение о законной силе приговора разрабатывалось И. Я. Фойницким, М. С. Строговичем, В. И. Каминской; в узбекской доктрине зарубежный материал привлекается преимущественно иллюстративно, вне единой системы критериев сопоставления.

Приговор как акт правосудия: доктринальные подходы к его законной силе. Континентальная доктрина различает формальную и материальную законную силу приговора. Формальная (*formelle Rechtskraft*) означает невозможность обжалования обычными процессуальными средствами и определяет момент исполнимости приговора; материальная (*materielle Rechtskraft*) — исчерпание государственного притязания на наказание за данное деяние и, соответственно, пределы запрета повторного преследования [3].

Французская традиция оперирует единой категорией *autorité de la chose jugée*, действующей как процессуальное препятствие: судебное решение погашает публичный иск, а законно оправданное лицо не может быть вновь привлечено к ответственности за те же факты [4]. Общее право учения о законной силе приговора не знало: сходный результат достигался возражениями *autrefois acquit* (запрета повторного привлечения к ответственности за одно и то же преступление) и идеей *finality*. Различие существенно для рецепции: континентальная модель охраняет объективное состояние правовой определённости, англо-американская — субъективное право лица не подвергаться повторному преследованию.

В отечественной традиции законная сила раскрывается через совокупность свойств: неопровержимость (недопустимость пересмотра в обычном порядке), исключительность (недопустимость нового дела по тому же обвинению), преюдициальность (обязательность установленных фактов для иных органов) и обязательность (необходимость исполнения приговора). Стабильность приговора есть, следовательно, не отдельное свойство, а результирующее состояние, обеспечиваемое нормативными ограничениями пересмотра.

Романо-германская модель: Германия и Франция. В Германии приговор приобретает формальную законную силу по истечении недельного срока на подачу апелляции либо заявления о ревизии [5]. Материальная законная сила опирается на конституционную норму, запрещающую повторное наказание за одно и то же деяние на основании общих уголовных законов; тем самым запрет выведен за пределы усмотрения законодателя.

Основания возобновления производства разделены по вектору воздействия. В пользу осуждённого возобновление допускается при подложности документа, заведомо ложных показаниях, нарушении судьёй служебных обязанностей, отмене положенного в основу приговора решения иного суда, новых фактах или доказательствах. Во вред осуждённому или оправданному возобновление допускается лишь при трёх «фальсификационных» основаниях и достоверном признании оправданного; новые доказательства виновности к их числу не отнесены.

Устойчивость этой асимметрии подтверждена конституционной практикой: введённое в 2021 г. дополнительное основание возобновления во вред при появлении новых доказательств по особо тяжким преступлениям признано Федеральным конституционным судом противоречащим конституционному запрету повторного наказания. Исключение составляет производство, завершённое приказом о наказании: поскольку он выносится без судебного разбирательства, возобновление во вред допускается при наличии оснований для обвинения в преступлении. Объём защиты окончательности поставлен тем самым в зависимость от полноты предшествовавшей судебной проверки.

Во Франции приговор становится окончательным после исчерпания апелляции и кассационной жалобы,

для которых установлены краткие сроки. Чрезвычайные средства сводятся к двум процедурам: *révision* (рассмотрение по вновь открывшимся обстоятельствам) допускается по закрытому перечню оснований и исключительно в интересах осуждённого, причём законом 2014 г. соответствующие полномочия сосредоточены в единой *Cour de révision et de réexamen* (специализированный судебный орган во Франции, созданный для исправления судебных ошибок и пересмотра окончательных уголовных приговоров); *réexamen* (повторное рассмотрение) открывает возможность нового рассмотрения дела после постановления Европейского Суда. Пересмотр окончательного приговора в сторону ухудшения положения лица французскому праву неизвестен. В обоих правопорядках поворот к худшему либо исключён, либо сведён к дефектам самого процесса, а инициатива пересмотра принадлежит сторонам и прокуратуре, но не носителям административной власти в судебной системе.

Англо-американская модель: Англия и Уэльс, США. В Англии и Уэльсе окончательность оправдательного приговора обеспечивалась абсолютным характером запрета на повторное привлечение к ответственности как после оправдания, так и после осуждения. Пересмотр этого положения был подготовлен докладом Правовой комиссии о двойной подсудимости и апелляциях со стороны обвинения. [6]. Criminal Justice Act 2003 допустил повторное разбирательство после оправдания по ограниченному перечню тяжких преступлений при наличии новых и убедительных доказательств и соответствии разбирательства интересам правосудия; требуются согласие Директора публичных преследований и разрешение Апелляционного суда [7]. Допуск построен, таким образом, как двухступенчатый фильтр — прокурорский и судебный.

Исправление ошибочного осуждения институционализировано иначе: Criminal Cases Review Commission, учреждённая в 1995 г., является внесудебным органом, наделённым правом передавать дело в Апелляционный суд при наличии реальной возможности того, что осуждение не будет оставлено в силе; критерием отмены выступает «небезопасность» осуждения [8]. Бремя выявления судебной ошибки после исчерпания обжалования возложено тем самым на специализированный публичный орган, а не на осуждённого.

В США окончательность приговора опирается на конституционный запрет двойной ответственности, действие которого ограничено доктриной двойного суверенитета, допускающей преследование за одно деяние федерацией и штатом [9]. Коллатеральный пересмотр приговоров судов штатов осуществляется федеральными судами в порядке *habeas corpus*, однако законодательство 1996 г. сузило эту возможность: установлены годичный срок обращения, запрет повторных ходатайств без разрешения апелляционного суда и стандарт почтения к решениям судов штатов, при котором отмена допускается лишь при неразумном применении ясно установленного федерального права. Утверждение о фактической невинности само по себе, вне связи с нарушением

конституционных норм в ходе процесса, самостоятельного основания *habeas corpus* не образует.

Американская модель достигает стабильности приговора процедурными фильтрами — сроками, запретом повторных обращений и стандартом проверки, английская — институциональным распределением полномочий по инициированию пересмотра под судебным контролем.

Государства СНГ: Российская Федерация, Казахстан, Беларусь

В Российской Федерации момент вступления приговора в законную силу и его обязательность определены прямыми нормами УПК. Наибольший интерес представляет норма, ограничивающая поворот к худшему: пересмотр в кассационном порядке по основаниям, ухудшающим положение осуждённого или оправданного, допускается не позднее одного года со дня вступления приговора в законную силу и лишь при фундаментальном нарушении закона, повлиявшем на исход дела; эта конструкция распространена и на надзорное производство. Возобновление ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств образует самостоятельный порядок, в котором пересмотр оправдательного приговора ограничен сроками давности и годичным сроком со дня открытия таких обстоятельств.

Историко-правовой аспект здесь существен: указанные ограничения появились как реакция на критику надзорного производства, при котором вступивший в законную силу приговор мог быть отменён неопределённо долго по инициативе должностных лиц.

Республика Казахстан отказалась от классического надзорного производства: с принятием УПК 2014 г. проверка вступивших в законную силу приговоров сосредоточена в кассационной инстанции Верховного Суда, инициатива принадлежит сторонам, а для пересмотра по ухудшающим основаниям предусмотрен пресекательный срок. Республика Беларусь сохранила надзорный порядок, иницируемый протестами должностных лиц судебной системы и прокуратуры, с ограничением поворота к худшему по времени. Общая тенденция группы — вытеснение должностного инициирования инициативой сторон и введение пресекательных сроков для ухудшающего пересмотра.

Влияние международных стандартов. Международный пакт о гражданских и политических правах закрепляет одновременно право осуждённого на пересмотр приговора вышестоящей судебной инстанцией и запрет повторного осуждения за преступление, за которое лицо уже было окончательно осуждено или оправдано, не определяя процессуальных форм реализации этих гарантий. Более детализированный стандарт содержится в ст. 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, допускающей возобновление производства при новых или вновь открывшихся обстоятельствах либо существенном недостатке предыдущего разбирательства; эта формула стала источником критерия «фун-

даментального нарушения», воспринятого рядом постсоветских правовых порядков [10], [11].

Практика Европейского Суда по правам человека вывела принцип правовой определённости из ст. 6 Конвенции: отмена окончательного судебного решения по инициативе должностного лица вне процедурных ограничений признавалась несовместимой с этим принципом. Применительно к уголовному процессу Суд указал, что сама возможность возобновления производства, предусмотренная п. 2 ст. 4 Протокола № 7, Конвенции не противоречит, однако пересмотр не должен использоваться как скрытая форма обычного обжалования. Большая Палата впоследствии подтвердила, что Конвенция не гарантирует права на возобновление производства после постановления Суда, но существующая в национальном праве процедура должна отвечать требованиям справедливого судебного разбирательства.

Для Республики Узбекистан, не участвующей в Конвенции, эти позиции обязательств не создают; их значение в том, что они показывают, какие параметры пересмотра — срок, критерий существенности нарушения, круг инициаторов — признаются решающими для совместимости с правовой определённой. Обязательным остаётся стандарт ст. 14 Пакта в толковании Комитета по правам человека.

Сопоставление с законодательством Республики Узбекистан. Действующий УПК Республики Узбекистан предусматривает апелляционный, кассационный и ревизионный порядки проверки приговоров. Особенность национальной модели в том, что кассационное производство направлено на проверку приговоров, уже вступивших в законную силу, что сближает его с экстраординарными процедурами континентального типа, тогда как во французской и российской системах кассация имеет иное назначение. Ревизионное производство инициируется протестами должностных лиц органов прокуратуры.

По моменту вступления приговора в законную силу и по перечню свойств законной силы узбекское регулирование принципиально не отличается от рассмотренных правовых порядков; расхождения проявляются по трём остальным критериям. Во-первых, отсутствует единый пресекающий срок для пересмотра приговора в сторону ухудшения положения осуждённого или оправданного, что создаёт возможность неопределённо долгой ревизируемости. Во-вторых, отсутствует нормативный критерий существенности нарушения, при котором такое ухудшение допустимо, — функцию отбора выполняет усмотрение должностного лица, приносящего протест. В-третьих, инициатива пересмотра смещена к должностным лицам, тогда как сравниваемые правовые порядки передают её сторонам под судебным контролем допуска.

Пригодной к рецепции представляется конструкция ограничения поворота к худшему пресекающим сроком

в сочетании с критерием фундаментального нарушения: она не требует создания новых органов, встраивается в существующие кассационный и надзорный порядки и соответствует формуле п. 2 ст. 4 Протокола № 7. Пригодна и германская асимметрия оснований, при которой новые доказательства служат основанием пересмотра лишь в пользу осуждённого.

Напротив, английская модель повторного разбирательства после оправдания непригодна: она предполагает сложившуюся систему предварительных фильтров и узкий перечень преступлений, в отсутствие которых заимствование возможности повторного суда над оправданным ослабило бы стабильность приговора. Непригоден и американский habeas corpus, производный от федеративного устройства. Создание отдельного суда по образцу Cour de révision et de réexamen избыточно, а воспроизведение Criminal Cases Review Commission потребовало бы учреждения органа с полномочиями по расследованию.

Заключение

Стабильность приговора обеспечивается не запретом пересмотра, а сочетанием четырёх регуляторов: пресекающего срока, критерия существенности нарушения, асимметрии оснований по вектору воздействия и судебного контроля за допуском к пересмотру. В узбекском законодательстве первые три выражены слабо. Номера статей УПК Республики Узбекистан подлежат уточнению по действующей редакции; ниже указаны институты, к которым относятся предлагаемые изменения.

1. Дополнить нормы об основаниях пересмотра вступившего в законную силу приговора правилом о том, что пересмотр по основаниям, влекущим ухудшение положения осуждённого или оправданного, допускается не позднее одного года со дня вступления приговора в законную силу. Ожидаемый эффект: устранение неопределённо долгой ревизируемости приговора (сопоставимо со ст. 401.6 УПК РФ).

2. Закрепить в той же норме определение существенного (фундаментального) нарушения закона: нарушение, повлиявшее на исход дела и искажающее саму суть правосудия. Ожидаемый эффект: замена усмотрения должностного лица нормативным критерием.

3. Установить, что вновь открывшиеся доказательства виновности не могут служить основанием пересмотра оправдательного приговора, тогда как новые доказательства невиновности являются основанием пересмотра без ограничения сроком.

4. Перейти от протестного порядка ревизионного пересмотра к рассмотрению жалоб сторон с предварительным судебным фильтром приемлемости.

Литература:

1. Указ Президента Республики Узбекистан от 14 мая 2018 г. № УП-5723 «О мерах по кардинальному совершенствованию системы уголовного и уголовно-процессуального законодательства».

2. Указ Президента Республики Узбекистан от 12 сентября 2023 г. № УП-158 О стратегии «Узбекистан — 2030».
3. Roxin C., Schünemann B. Strafverfahrensrecht: Ein Studienbuch. — München: C. H. Beck.
4. Code de procédure pénale (CPP); Art. 6; Art. 368 CPP;
5. Уголовно-процессуальный кодекс Германии. §§ 314, 341 Strafprozessordnung (StPO)
6. Law Commission. Double Jeopardy and Prosecution Appeals. Law Com No 267. — London: TSO, 2001.
7. Criminal Justice Act 2003, Part 10, ss. 75–79 и Schedule 5.
8. Criminal Appeal Act 1995, ss. 8, 13 (учреждение и полномочия Criminal Cases Review Commission);
9. Criminal Appeal Act 1968, s. 2(1).
10. U. S. Const., amend. V; Gamble v. United States (2019)
11. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.;
12. Комитет по правам человека. Замечание общего порядка № 32 (2007), CCPR/C/GC/32.
13. Протокол № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод

Особенности реализации права на участие в управлении акционерным обществом

Ризванова Диана Дмитриевна, студент магистратуры
Сибирский юридический университет (г. Омск)

Актуальность исследования обусловлена развитием корпоративного законодательства и сохранением проблемы обеспечения баланса интересов всех акционеров. Законодательство предусматривает широкий комплекс прав акционеров, но практика демонстрирует наличие случаев ограничения возможности их реализации. Особую значимость приобретает защита миноритарных акционеров, поскольку формальное наличие корпоративного права не всегда обеспечивает возможность фактического влияния на принятие корпоративных решений. В связи с этим исследование содержания права на участие в управлении обществом, механизмов его реализации и защиты представляет научный и практический интерес.

Право участия в управлении акционерным обществом предоставляет акционеру ряд правомочий, с помощью которых он может влиять на принятие Обществом решений по самым важным вопросам.

Цель исследования — выявить особенности реализации права акционера на участие в управлении акционерным обществом.

Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении права акционера на участие в управлении обществом как совокупности взаимосвязанных правомочий, реализация которых на практике сталкивается с рядом проблем.

Субъективное право — основанная на нормах объективного права мера возможного поведения. Корпоративные права — это вытекающие из участия в корпоративной организации субъективные права особого характера, которые классифицируются на неимущественные (организационно-управленческие), имущественные и преимущественные права участника [1, с. 300].

Ломакин Д. В. рассматривает корпоративные права как права участника, возникающие из факта участия в юридическом лице [2, с. 63].

Право на участие в управлении акционерным обществом является комплексным корпоративным правом, которое включает совокупность самостоятельных юридических возможностей, а именно: участие в общем собрании, голосование, получение информации, выдвижение кан-

дидатов, внесение предложений в повестку дня. Акционеры участвуют в управлении обществом через общее собрание [3, с. 43].

При этом интересно, что не все авторы относят возможность получить информацию именно к праву на участие в управлении. Шиткина И. С. и Дедов Д. И. относят права, связанные с участием в управлении делами общества и право на получение информации о деятельности общества к разным группам организационно-управленческих прав участников корпораций [4, с. 212].

Правом принять участие в заседании общего собрания либо в заочном голосовании обладают лица, включенные в соответствующий список, составленный на основании данных реестра акционеров общества. На практике возникает вопрос: может ли наследник осуществлять корпоративные права до внесения сведений о нем в систему учета прав на акции?

Судебная практика исходит из того, что корпоративные права переходят вместе с правом собственности на акции. В рассмотренном Арбитражным судом Центрального округа деле № А84–2609/2022 суд указал, что право собственности наследника на акции возникает со дня открытия наследства. Следовательно, с этого момента наследник приобретает и связанные с акциями корпоративные права. Акционера не уведомили о проведении заседания общего собрания. Суд отметил, что наследник должен был иметь возможность участвовать в общем со-

брании, поскольку право на ценные бумаги у него возникло с момента смерти наследодателя. Данная позиция подтверждает: отсутствие оформления корпоративного статуса не должно автоматически исключать лицо из процесса управления обществом [5].

Участие акционера в принятии решений общим собранием является механизмом, позволяющим оказывать реальное воздействие на ведение бизнеса или как минимум быть осведомленным о ней. В ином случае права акционера бы преимущественно к имущественным правам.

Рассмотрим подробнее основные правомочия.

Одним из основных элементов права на участие в управлении обществом является возможность акционера участвовать в заседании общего собрания либо в заочном голосовании. Нарушением этого права может являться не только прямое недопущение акционера к участию, но и создание условий, фактически лишаящих его возможности сформировать и выразить позицию по вопросам повестки дня.

Так, существенное нарушение процедуры подготовки и проведения заседания общего собрания или заочного голосования может являться основанием для признания решения недействительным. В п. 5 «Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах», утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019, указано, решение подлежит признанию недействительным независимо от количества акций истца, если существенное нарушение процедуры созыва воспрепятствовало реализации его права на управление обществом [6]. В рассмотренном споре акционер не был извещен о заседании собрания и не получил бюллетень для голосования. Дополнительно в Определении СКЭС Верховного Суда РФ от 23.12.2024 № 305-ЭС24-15879 по делу № А40-162510/2023 Суд указал на необходимость оценивать, могло ли участие акционера повлиять на решение, а также влекло ли решение существенные неблагоприятные последствия для акционеров или общества в целом [7].

Второй элемент — право голоса. Оно является основным способом участия акционера в формировании воли общества. Согласно п. 1 ст. 49 Закона об АО голосование осуществляется по принципу «одна голосующая акция общества — один голос», кроме случаев кумулятивного голосования, предусмотренных законом или уставом непубличного общества [8].

Характеризуя право на управление Тарасов И. Т. отмечал, что «право участия акционера в управлении осуществляется главным образом посредством пользования правом голоса» [9, с. 425].

В рамках споров суды исследуют состав лиц, имеющих право голоса, порядок подсчета голосов, влияние выявленных нарушений на итоговое решение. В Постановлении Арбитражного суда Центрального округа от 12.09.2022 № Ф10-2079/22 по делу № А48-735/2021 суд проверял порядок учета голосов одного из акционеров [10]. Кассационный суд указал на необходимость уста-

новить надлежащие правовые основания такого ограничения и оценить обстоятельства приобретения акций. Следовательно, ограничение права голоса требует конкретного нормативного и фактического обоснования.

Третьим элементом является право требовать проведения внеочередного заседания общего собрания акционеров или заочного голосования. Это один из механизмов защиты интересов акционеров, включая миноритарных. Согласно п. 1 ст. 55 Закона об АО соответствующее требование может быть заявлено акционерами, владеющими в совокупности не менее чем 10 процентами голосующих акций общества на дату предъявления требования.

То есть для реализации данного права необязательно единолично владеть 10 процентами голосующих акций. Требуемый порог может быть достигнут несколькими акционерами в совокупности.

Данное правомочие позволяет акционерам воздействовать на органы управления в случаях: нарушения интересов общества, необходимости рассмотрения неотложных вопросов, бездействия совета директоров и т. д. Если совет директоров не принимает решение либо отказывается в проведении, заинтересованные лица вправе обратиться в суд с требованием о понуждении общества в порядке п. 9 ст. 55 Закона об АО.

Например, Арбитражный суд Поволжского округа в постановлении от 19.05.2025 № Ф06-1832/2025 по делу № А55-26730/2024 признал обоснованным понуждение общества провести внеочередное заседание общего собрания. Суды установили уклонение общества от рассмотрения требований акционеров, каждый из которых владел более чем 10 процентами голосующих акций. Полномочия по подготовке и проведению заседания собрания были возложены на определенных судом лиц [11].

Четвертым элементом является право вносить предложения в повестку дня и выдвигать кандидатов в органы общества. В соответствии с п. 1 ст. 53 Закона об АО таким правом применительно к годовому заседанию обладают акционеры, владеющие в совокупности не менее чем 2 процентами голосующих акций. При разрешении споров суды оценивают соблюдение процедуры рассмотрения предложений, наличие законного основания для отказа и соответствие действий органов общества принципам добросовестности.

Показательно Определение СКЭС Верховного Суда РФ от 23.11.2023 № 301-ЭС23-9794 по делу № А28-5615/2021. Верховный Суд признал, что альтернативная формулировка решения по вопросу о распределении прибыли сама по себе не противоречит закону. Представление обществом данных об отсутствии прибыли также не могло автоматически оправдывать отказ во включении предложения акционера в повестку дня [12].

Если обобщить все препятствия, возникающие в процессе реализации прав акционера, то можно выделить основные проблемы.

Одной из проблем является злоупотребление корпоративными правами. Часть акционеров лишь формально

участвуют в управлении обществом. Акционер может юридически обладать возможностью участвовать в управлении, но его фактическое влияние на управление зависит от количества принадлежащих акций, поведения мажоритарных акционеров, действий органов управления и некоторых иных факторов. Все это перерастает в проблему миноритарных акционеров. Само по себе преобладание голосов мажоритарного акционера не является злоупотреблением: оно обусловлено структурой корпоративного контроля. Злоупотребление возникает, когда контролирующее лицо использует свои полномочия исключительно в собственной выгоде, вопреки разумному корпоративному интересу и с существенным ущемлением прав меньшинства.

Актуальная позиция сформулирована в Определении СКЭС Верховного Суда РФ от 03.06.2026 № 301-ЭС26-1201 по делу № А17-75/2023. Спор касался дополнительной эмиссии, которая могла снизить долю акционера с 25,14 до 5,36 процента. Верховный Суд указал, что решения, затрагивающие существо корпоративных прав, требуют тщательного судебного контроля даже при формальном соблюдении процедуры. Решение об увеличении уставного капитала может быть признано недействительным, если отсутствовали разумные экономические причины для его принятия, а уменьшение доли миноритария являлось единственной или преобладающей целью решения [13].

Другой проблемой является ограничение права участвовать в принятии решений общим собранием. Оно может проявляться в отсутствии надлежащего уведомления, неправильном формировании списка лиц, имеющих право голоса, непредоставлении материалов либо нарушении установленной процедуры проведения заседания или заочного голосования.

Акционеры вправе обращаться в суд за защитой корпоративных прав. Согласно статье 65.2 ГК РФ участники корпорации вправе требовать защиты нарушенных кор-

поративных прав [14]. Акционеры могут оспаривать решения общего собрания, понуждать общество к совершению определенных действий и при наличии оснований взыскивать убытки по правилам ст. 53.1 ГК РФ.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что право акционера на участие в управлении акционерным обществом представляет собой комплексное корпоративное право. Оно включает взаимосвязанные правомочия: участие в принятии решений общим собранием, голосование, внесение предложений в повестку дня, выдвижение кандидатов и требование проведения внеочередного заседания или заочного голосования и т. д. Данные правомочия обеспечивают возможность участия акционера в формировании воли юридического лица и являются необходимым элементом корпоративного управления.

Несмотря на закрепление в законодательстве широкого комплекса правомочий, составляющих право акционера на участие в управлении обществом, практика показывает наличие разрыва между юридическим закреплением данных возможностей и их фактической реализацией.

Основными проблемами являются фактические ограничения участия акционеров в принятии корпоративных решений и злоупотребление корпоративным контролем. Для решения этих проблем законодательство предусматривает механизмы, позволяющие оспаривать корпоративные решения и понуждать общества к совершению определенных действий.

В результате право участия акционера в управлении следует рассматривать не только как совокупность закрепленных законом юридических возможностей, но и как гарантированный механизм влияния участника на деятельность общества. Эффективная реализация этих правомочий необходима для соблюдения баланса интересов общества, мажоритарных и миноритарных акционеров.

Литература:

1. Шиткина И. С. Корпоративное право в таблицах и схемах: учебно-методическое пособие. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Юстицинформ, 2025. — 726 с. — Текст: непосредственный.
2. Ломакин Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. — М.: Статут, 2008. — 511 с. — Текст: непосредственный.
3. Ломакин Д. В. Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений: учебное пособие. — М.: Статут, 2020. — 85 с. — Текст: непосредственный.
4. Афанасьева Е. Г., Бакшинская В. Ю., Губин Е. П. и др.; отв. ред. И. С. Шиткина. Корпоративное право: учебник. — Второе издание, переработанное и дополненное. — М.: КНОРУС, 2015. — 500 с. — Текст: непосредственный.
5. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 09.02.2026 по делу № А84-2609/2022. — Текст: электронный // Картоoteca арбитражных дел: [сайт]. — URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/10fc8c0d-d17c-4c94-897c-a89cb39e1ba7/129419fd-7168-42c1-bd99-a2d68d5e8eeb/A84-2609-2022_20260209_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 13.08.2026).
6. «Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) (ред. от 25.04.2025). — Текст: электронный // Консультант-Плюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_341476/ (дата обращения: 13.08.2026).
7. Определение СКЭС Верховного Суда РФ от 23.12.2024 № 305-ЭС24-15879 по делу № А40-162510/2023. — Текст: электронный // ЮИС Легалакт: [сайт]. — URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomi>

- cheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-23122024-n-305-es24-15879-po-delu-n-a40-1625102023/ (дата обращения: 13.08.2026).
8. Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1. ст. 1.
 9. Тарасов И. Т. Учение об акционерных компаниях. — по изд. 1878 г. —: Статут, 2000. — 665 с. — Текст: непосредственный.
 10. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 12.09.2022 № Ф10-2079/22 по делу № А48-735/2021. — Текст: электронный // Картотека арбитражных дел: [сайт]. — URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/56668d5b-2563-4f7c-9ef8-6c96e0fb8643/f9302b54-d16e-4a3d-9fdd-6ad0dc424cac/A48-735-2021_20220912_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 13.08.2026).
 11. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 19.05.2025 № Ф06-1832/2025 по делу № А55-26730/2024. — Текст: электронный // Картотека арбитражных дел: [сайт]. — URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b039fc56-bddb-4d61-99fb-84ea6b65d4f1/ce80ac63-8575-4d0c-aa6f-710232ece9d2/A55-26730-2024_20250519_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 13.08.2026).
 12. Определение СКЭС Верховного Суда РФ от 23.11.2023 № 301-ЭС23-9794 по делу № А28-5615/2021. — Текст: электронный // Гарант.ру: [сайт]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407974453/> (дата обращения: 16.08.2026).
 13. Определении СКЭС Верховного Суда РФ от 03.06.2026 № 301-ЭС26-1201 по делу № А17-75/2023. — Текст: электронный // Гарант.ру: [сайт]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/414244797/> (дата обращения: 16.08.2026).
 14. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. ст. 3301.

Контроль и надзор в системе государственного управления: теоретико-правовой анализ

Сацкевич Никита Андреевич, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируются доктринальные подходы к определению государственного контроля и административного надзора, их функциональная специфика и критерии разграничения. Рассматриваются этимология термина «контроль», классификации видов и соотношение целей институтов. На основе анализа позиций ведущих учёных выделены ключевые признаки административного надзора. Обосновано, что контроль и надзор — самостоятельные, но взаимодополняющие элементы управленческого цикла, различающиеся по правовой природе, методам и целевой направленности.

Ключевые слова: государственный контроль, административный надзор, функции контроля, принудительные меры, публичное управление, классификация видов контроля, юрисдикционные процедуры.

Control and supervision in the system of public administration: a theoretical and legal analysis

Satskevich Nikita Andreevich, student
Moscow University of Finance and Law

The article analyzes doctrinal approaches to the definition of state control and administrative supervision, their functional specifics and criteria for differentiation. The etymology of the term «control», classifications of types, and the relationship between the objectives of the institutions are examined. Based on the analysis of the positions of leading scholars, the key features of administrative supervision are identified. It is substantiated that control and supervision are independent but complementary elements of the management cycle, differing in their legal nature, methods, and target orientation.

Keywords: state control, administrative supervision, control functions, coercive measures, public administration, classification of control types, jurisdictional procedures.

В современной административно-правовой доктрине контроль и надзор исследуются в рамках множества подходов ввиду их функциональной значимости. Научные работы дифференцируют данные явления, однако

преобладает тенденция к их единству через контрольно-надзорную деятельность. Многоаспектность проявляется в трактовке контроля и надзора как стадии управленческого процесса, формы государственной деятельности, метода регулирования и функции управления [1]. В литературе сформировались четыре подхода: отрицание универсальных дефиниций; признание определения лишь в отраслевом контексте; доктринальное обоснование единого понятийного аппарата; трактовка надзора как специализированной формы контроля. Актуален синтез доктринального и отраслевого подходов: первое должно отражать сущностные характеристики, второе — специфику субъектов и их компетенцию.

Этимологический анализ термина «контроль» (лат. *contra + rotulus*) в романских языках сводится к проверке документов, в германских — к управлению процессами. Семантика охватывает наблюдение за соответствием стандартам, выявление отклонений и формирование корректирующих мер. В административно-правовой науке выделяются концепции: функционально-управленческая (Ю. М. Козлов, В. М. Горшенев), деятельностная (Ю. А. Тихомиров, В. П. Беляев) и институциональная (Г. А. Туманов, С. В. Пузырев). Обобщая подходы, государственный контроль — это вид деятельности уполномоченных субъектов в правовых формах, источник управленческих решений и функция обратной связи. Его ключевые функции — превентивная, корректирующая, обеспечительная и информационная — реализуются через механизмы надзора, экспертизы и аудита [2].

Государственный контроль как инструмент управления неотделим от деятельности субъекта. Закреплённый в нормах, он выступает нормативной моделью и проявляется в практической реализации полномочий. По концепции В. А. Юсупова, правовое воздействие охватывает прогнозирование, принятие решений, организацию, регулирование и контроль. В. Б. Аверьянов дополняет её пространственным и временным аспектами. Контроль служит основой для новых управленческих решений [3]. Контрольная деятельность генерирует данные о ходе процессов, выступая источником корректировки решений. Ключевые требования к информации — достоверность, своевременность и достаточность. Системный подход предполагает рассмотрение контроля в функциональном, деятельностном, стадийном и информационном аспектах. Его реализация требует определения объема, объекта и правовой формы, а непрерывность подтверждает роль контроля как стадии управленческого процесса.

Сущность государственного контроля раскрывается через проверку, наблюдение, анализ отклонений и разработку мер по их устранению. Государственный надзор реализуется в административной, прокурорской и судебной формах. А. В. Мартынов определяет административный надзор как форму публичного управления для профилактики правонарушений. С. М. Зырянов выделяет масштабность, внешневластное воздействие и связь с ответственностью. В. М. Савицкий акцентирует на-

блюдение за законностью, М. С. Студеникина — надзор как суженный контроль с надведомственными полномочиями, а С. Н. Назаров — его роль в поддержании режима правообеспечения.

Анализ определений позволяет выделить ключевые признаки административного надзора: ориентация на соблюдение общеобязательных правил; отсутствие административной подчиненности между надзорным органом и объектом; применение мер принуждения при нарушениях; профилактическая и правоохранительная направленность; осуществление через специализированные процедуры. Обобщая подходы, административный надзор — это деятельность уполномоченных органов по наблюдению за соблюдением норм не подчиненными субъектами с применением мер воздействия. Его специфика — в сочетании профилактических, контрольных и юрисдикционных функций.

Государственный контроль и административный надзор регламентируются Указом Президента РФ от 12 мая 2008 г. № 724, закрепляющим надзорные функции за федеральными службами. Аналогичные полномочия возложены на органы исполнительной власти субъектов РФ, тогда как муниципальные структуры исключены из сферы надзора. Целеполагание контроля определяется его функциональной ролью: он направлен на повышение эффективности управления и обеспечивает правомерность применения юридических инструментов. Как стадийный элемент он пронизывает все этапы управления — от прогнозирования до оценки результатов.

Соотношение целей контроля и надзора дискуссионно. Если обеспечение законности — общая задача, то надзор предполагает не только соблюдение предписаний, но и применение мер принуждения. Отличия проявляются в правовой природе, методах воздействия (надзор сопряжён с принудительными мерами) и целевой направленности (контроль ориентирован на оптимизацию, надзор — на правопорядок).

Классификация видов контроля и надзора строится на критериях сферы применения, субъектного состава и правовых последствий. По функциональному признаку выделяют экономический, социальный, экологический контроль. Субъектная классификация разделяет государственные формы (парламентский, управленческий, судебный) и общественные механизмы.

Таким образом, государственный контроль и административный надзор, являясь самостоятельными правовыми институтами, выполняют взаимодополняющие функции в системе публичного управления. Критериями их разграничения выступают правовая природа (внутрисистемность контроля против внешнего характера надзора), методы воздействия (преимущественно организационные у контроля и принудительные у надзора) и целевая направленность (оптимизация управления против обеспечения правопорядка). Эффективность контрольно-надзорной деятельности напрямую зависит от чёткого нормативного закрепления полномочий субъектов и процедур их реализации, что требует дальнейшего

совершенствования законодательства в данной сфере. Синтез доктринального и отраслевого подходов к определению исследуемых институтов позволит устранить суще-

ствующие терминологические неопределённости и повысить результативность государственного регулирования в социально значимых областях.

Литература:

1. Административное право России: учебник / Под ред. Ю. М. Козлова, Л. Л. Попова. — М.: Проспект, 2022. — 768 с.
2. Марченко М. Н. Теория государства и права: учебник. — М.: Проспект, 2022. — 640 с.
3. Лебедев В. А. Контроль и надзор: соотношение понятий // Юридический мир. — 2007. — № 1–2.

Правовой статус банка — эскроу-агента и пределы его ответственности по договору счета эскроу

Соколова Анна Андреевна, студент магистратуры
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

В статье рассматривается правовой статус банка-эскроу-агента и особенности его участия в договоре счета эскроу. Рассматриваются его основные права и обязанности, порядок блокирования и перечисления денежных средств, а также пределы ответственности за нарушение условий договора.

Цель данной работы — проанализировать роль банка как эскроу-агента, а также рассмотреть проблемные аспекты контроля за раскрытием счета и ответственности кредитной организации.

Ключевые слова: счет эскроу, договор счета эскроу, банк-эскроу-агент, депонент, бенефициар, денежные средства, блокирование денежных средств, банковский счет, банковская ответственность, раскрытие счета эскроу.

The legal status of a bank acting as an escrow agent and the limits of its liability under an escrow account agreement

The article examines the legal status of the bank acting as an escrow agent and the specifics of its participation in an escrow account agreement. It discusses its main rights and obligations, the procedure for blocking and transferring funds, as well as the limits of liability for breach of the agreement terms. The aim of this work is to analyze the role of the bank as an escrow agent, as well as to examine the problematic aspects of monitoring the disclosure of the account and the liability of the credit institution.

Keywords: escrow account, escrow account agreement, escrow agent bank, depositor, beneficiary, funds, blocking of funds, bank account, bank liability, disclosure of the escrow account.

В условиях развития современного гражданского оборота возрастает потребность в механизмах, обеспечивающих баланс интересов участников сделки. Ключевой задачей является минимизация рисков: продавец стремится гарантировать получение оплаты, а покупатель — обезопасить себя, перечисляя средства лишь по факту исполнения обязательств контрагентом. Эффективным инструментом решения данной задачи выступает счет эскроу.

Согласно ст. 860.7 Гражданского Кодекса РФ по договору счета эскроу банк (эскроу-агент) открывает специальный счет эскроу для учета и блокирования денежных средств, полученных им от владельца счета (депонента) в целях их передачи другому лицу (бенефициару) при возникновении оснований, предусмотренных договором счета эскроу. Права на денежные средства, находящиеся на счете эскроу, принадлежат депоненту до даты возникновения оснований для передачи денежных средств бене-

фициару, а после указанной даты — бенефициару. Распоряжение денежными средствами, находящимися на счете эскроу, осуществляется в порядке, предусмотренном настоящим параграфом.

Обязательства по договору счета эскроу могут содержаться наряду с договором счета эскроу в ином договоре, по которому эскроу-агентом является банк.

Вознаграждение банка как эскроу-агента не может взиматься из денежных средств, находящихся на счете эскроу, если иное не предусмотрено договором. [1]

Эскроу-счёт — это инструмент обеспечения безопасности сделки, при котором банк выступает посредником между покупателем и продавцом. При покупке строящегося жилья средства депонента (покупателя) хранятся на счете эскроу-агента (банка) и передаются бенефициару (застройщику) только после выполнения обязательств по сдаче объекта. [3]

Такой механизм исключает риск потери денег: если застройщик не завершает строительство, банк возвращает средства покупателю. Таким образом, банк берет на себя роль гаранта, контролируя соблюдение условий договора всеми участниками.

Таким образом, банк занимает центральное место в договоре счета-эскроу и выступает гарантом сохранности средств, строго следуя регламенту договора эскроу.

Специфика правового положения банка выражается в трех аспектах:

Отсутствие права собственности — банк не владеет размещенными средствами, а лишь обеспечивает их целевое хранение и блокировку до момента выполнения условий сделки. [5]

Строгое следование договору — банк лишен права произвольно менять порядок раскрытия счета. Он действует исключительно на основании представленных документов и не уполномочен разрешать споры между сторонами сделки, подменяя собой судебные органы.

Независимость и алгоритм — банк выступает как нейтральный участник расчетов, чья деятельность ограничена четким алгоритмом: прием и блокировка средств, проверка документального подтверждения и последующее перечисление или возврат денег.

Правовой статус банка неразрывно связан с его имущественной ответственностью. Ключевыми основаниями для привлечения кредитной организации к ответственности выступают нарушения при проведении расчетных операций: нарушение сроков зачисления, несанкционированное списание средств, необоснованный

отказ в проведении платежа или несоблюдение процедуры возврата.

Согласно нормам гражданского права, банк обязан возместить убытки и уплатить проценты при ненадлежащем исполнении обязательств по счету. Особого внимания заслуживает ситуация неправомерного раскрытия счета (перечисление средств при несоблюдении условий договора), где размер ответственности рассчитывается исходя из суммы платежа, срока нарушения и фактически понесенного ущерба.

Также банк несет риски при ошибочном отказе в перечислении средств, если представленные документы соответствовали условиям сделки. При этом важно разграничивать вину банка и риски сторон основной сделки: если банк действовал строго в рамках договора и представленной документации, он не отвечает за неисполнение обязательств между депонентом и бенефициаром. Таким образом, ответственность банка ограничена рамками его собственных действий и не распространяется на внешние обстоятельства, находящиеся вне его контроля.

Вознаграждение банка как эскроу-агента не может взиматься из денежных средств, находящихся на счете эскроу, если иное не предусмотрено договором. К отношениям сторон применяются общие положения ГК РФ о банковском счете и договоре эскроу. [4]

Таким образом, на сегодняшний день счета эскроу привлекательны для многих клиентов. Не случайно в последнее время на них стали размещать денежные средства участников долевого строительства, привлекаемые застройщиками в соответствии со ст. 15.4 Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ. [2]

Литература:

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть вторая) / Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (с изм. от 16 декабря 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1996 — № 5 — Ст. 410; 2025 — № 26 (часть 1) — Ст. 3508.
2. Зенин, И. А. Гражданское право. Особенная часть / И. А. Зенин. — 20-е изд. — Москва: Юрайт, 2026. — С. 166–171.
3. Разумовская, Е. В. Гражданское право. Особенная часть / Е. В. Разумовская. 8-е изд. — Москва: Юрайт, 2026. — С. 208.
4. Горбунова А. А. Текст научной статьи по специальности «Право» / А. А. Горбунова. — Киров: М., 2022. — С.10.
5. Алсынбаева Э. М. Договор счета эскроу в российской федерации: правовые особенности и проблемы / Э. М. Алсынбаева. — Уфа:, М., 2024. — С.3.
6. Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. (с изм. от 09 апреля 2026 г.) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2005. — № 1 (часть 1). Ст. — 40; 2026. — № 15. — Ст. 1853.

Вопросы обеспечения допустимости и достоверности доказательств в уголовном судопроизводстве

Стрелков Валерий Петрович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются проблемы обеспечения допустимости и достоверности доказательств на разных стадиях уголовного процесса. Автор анализирует типичные процессуальные ошибки, с которыми сталкиваются следователи и суды, и показывает, как эти ошибки влияют на судьбу доказательств. Особое внимание уделено практическим

механизмам проверки доказательственной информации, а также предложениям по совершенствованию нормативной базы и организации работы участников процесса.

Ключевые слова: доказательства, допустимость, достоверность, уголовное судопроизводство, процессуальные нарушения, оценка доказательств, следственные действия, судебная практика.

Введение

На практике нередко складывается парадоксальная ситуация: материалов по делу собрано много, а доказательственная база оказывается слабой. Причина зачастую не в нехватке информации, а в том, что отдельные доказательства признаются недопустимыми либо вызывают сомнения в своей достоверности. Как показывает анализ практики районных судов, именно из-за дефектов фиксации и нарушений процедуры отдельные доказательства исключаются из процесса, а обвинение теряет опору. В связи с этим вопросы допустимости и достоверности приобретают не только теоретическое, но и сугубо прикладное значение: от них напрямую зависит обоснованность итогового судебного акта. Цель статьи — показать, на каких этапах чаще всего возникают риски, и предложить меры, способные повысить надёжность доказывания.

1. Допустимость доказательств: типичные дефекты и их последствия

Допустимость — это не просто формальность, а гарантия того, что доказательство получено законным путём и может быть использовано для установления истины. На уровне закона допустимость обеспечивается совокупностью требований: доказательство должно исходить из предусмотренного источника, быть получено уполномоченным субъектом и в строгом соответствии с установленной процедурой [1].

На деле соблюдение этих условий далеко не всегда оказывается безупречным. По наблюдениям, в практике следственных подразделений нередко доминирует установка на «оперативность»: следственные действия стремятся провести максимально быстро, из-за чего отдельные процессуальные шаги выполняются формально. В результате в протоколах появляются неточности, противоречия и пробелы. Например, в практике районных судов г. Саратова встречаются дела, где протокол осмотра места происшествия содержит расхождения между описанием изъятых предметов и приложенной описью: в тексте указано «коробка из картона», а в описи — «полиэтиленовый пакет». Такие несоответствия служат основанием для признания доказательства недопустимым [2].

К числу распространённых дефектов относятся:

- отсутствие обязательных участников (понятых, специалистов) либо привлечение лиц, заинтересованных в исходе дела;
- нарушения при изъятии и упаковке вещественных доказательств — в частности, отсутствие мотивировки

изъятия, несоблюдение правил опечатывания, расхождения между фактическими действиями и их документальным отражением;

- дефекты оформления процессуальных документов — ошибки, противоречия, неполнота сведений;
- ограничение прав участников процесса, в том числе права на защиту и права на заявление ходатайств [3] [4].

Важно учитывать, что последствия таких нарушений могут быть серьёзными: доказательство признаётся недопустимым и исключается из процесса доказывания [1]. На практике это нередко приводит к ослаблению позиции обвинения, затягиванию процесса и, в отдельных случаях, к оправдательному приговору или возвращению дела прокурору.

2. Достоверность доказательств: критерии и практические сложности

Достоверность — это характеристика доказательства, отражающая его соответствие действительности. При этом важно понимать, что абсолютная объективность в доказывании — скорее идеал: на практике достоверность всегда оценивается в совокупности. Суд должен убедиться, что сведения объективны, проверяемы и не противоречат другим доказательствам по делу [5].

В реальной работе установление достоверности сопряжено с рядом трудностей. Впервых, показания участников нередко противоречат друг другу, и выявить, где именно кроется искажение, бывает непросто. Вовторых, существует риск утраты или повреждения доказательств, особенно если речь идёт о скоропортящихся следах или электронных носителях. Втретьих, отдельные виды доказательств объективно сложны для проверки: например, экспертное заключение требует не только анализа методики, но и понимания специфики исследования [6].

Для минимизации рисков на практике используют комплекс мер:

- сопоставление доказательств между собой и выявление противоречий;
- проведение дополнительных следственных действий, направленных на проверку спорных сведений;
- назначение экспертиз, в том числе повторных или комиссионных;
- оглашение ранее данных показаний и их сравнение с новыми данными;
- детальный осмотр и исследование вещественных доказательств и документов [7].

Как показывает судебная практика, наиболее эффективным оказывается именно комплексный подход: отдельное доказательство редко бывает «железобетонным»,

и его ценность проявляется в совокупности с другими материалами дела. При этом ключевым этапом оценки становится выявление и объяснение противоречий: если противоречия не устранены, суд вправе отнестись к доказательству критически.

3. Пути повышения надёжности доказывания

С учётом выявленных проблем необходимы меры, направленные на снижение числа процессуальных ошибок и повышение качества работы с доказательствами.

Прежде всего, требуется более чёткая регламентация отдельных процедур. Например, порядок фиксации и упаковки вещественных доказательств целесообразно закрепить в методических рекомендациях с обязательным указанием перечня обязательных реквизитов и типовых формулировок. Это позволит снизить количество ошибок, связанных с ненадлежащим оформлением [8].

Не менее важно развитие профессиональных компетенций. Практика показывает, что регулярные курсы повышения квалификации, ориентированные на разбор типичных ошибок и анализ судебной практики, существенно снижают число нарушений. Особенно полезны тренинги, где следователи отрабатывают оформление протоколов и работу с вещественными доказательствами на реальных кейсах [9].

Перспективным направлением остаётся цифровизация: использование средств аудио и видеозаписи при

проведении следственных действий, внедрение электронного документооборота и специализированных систем учёта доказательств. Такие инструменты позволяют не только фиксировать процесс, но и обеспечивать сохранность доказательственной базы, а также упрощать проверку соблюдения процедуры.

Наконец, значимую роль играет усиление контрольных механизмов. Эффективной мерой может стать введение обязательной предварительной проверки ключевых доказательств на этапе утверждения обвинительного заключения: прокурор должен убедиться не только в наличии доказательств, но и в отсутствии процессуальных дефектов, способных привести к их исключению в суде.

Заключение

Обеспечение допустимости и достоверности доказательств — это не разовая задача, а непрерывный процесс, требующий внимания на всех стадиях уголовного судопроизводства. На практике именно дефекты фиксации, нарушения процедуры и недостаточная проверка источников чаще всего становятся причиной утраты доказательственной силы. Снизить эти риски можно за счёт сочетания нормативной определённости, повышения квалификации участников процесса и внедрения современных технологий. Комплексный подход к обеспечению надёжности доказательств способен укрепить законность и обоснованность итоговых решений и повысить доверие к правосудию.

Литература:

1. Уголовнопроцессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // Российская газета. — 2016. — № 280.
3. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. — М.: Статут, 2023. — 1120 с.
4. Рыжаков А. П. Следственные действия и иные способы собирания доказательств: учебное пособие. — М.: Дело и сервис, 2023. — 224 с.
5. Лазарева В. А. Теория и практика использования доказательств в уголовном процессе: монография. — М.: Юрлитинформ, 2023. — 208 с.
6. Доля Е. А. Оценка доказательств в уголовном процессе: монография. — М.: Проспект, 2023. — 192 с.
7. Зинатуллин З. З. Уголовнопроцессуальное доказывание: учебное пособие. — Ижевск: Удмуртский университет, 2023. — 148 с.
8. Гаврилов Б. Я. Доказательства в уголовном процессе: понятие и виды // Российская юстиция. — 2023. — № 8. — С. 12–17.
9. Орлов Ю. К. Проблемы оценки доказательств в уголовном процессе // Государство и право. — 2024. — № 7. — С. 56–63.
10. Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. — М.: Норма, 2023. — 528 с.

Аспекты формирования и оценки доказательственной базы в уголовном процессе

Стрелков Валерий Петрович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В работе исследуются проблемные аспекты формирования и оценки доказательственной базы в уголовном процессе. Особое внимание уделено разграничению и сопряжению категорий допустимости и достоверности — двух ключевых критериев, определяющих пригодность сведений для установления обстоятельств дела. На базе норм УПК РФ и материалов правоприменительной деятельности выявлены распространённые дефекты собирания и проверки доказательств. Предложен комплекс мер, направленных на укрепление надёжности доказательственного материала, в том числе за счёт цифровизации процессуальных процедур и совершенствования нормативной регламентации.

Ключевые слова: доказательственная деятельность, допустимость доказательств, достоверность сведений, оценка доказательств, уголовный процесс, цифровые доказательства, верификация данных.

Введение

Достижение объективной истины по уголовному делу невозможно без надлежащей системы доказывания, центральным элементом которой выступает строгая оценка каждого доказательства по критериям допустимости и достоверности. Эти свойства не только определяют юридическую силу сведений, но и служат важнейшими гарантиями соблюдения прав участников процесса. Согласно ст. 6 УПК РФ, назначение уголовного судопроизводства включает защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, что напрямую связано с качеством и надёжностью используемых доказательств [2].

Цель статьи — раскрыть содержание и соотношение понятий «допустимость» и «достоверность» доказательств, продемонстрировать их практическую значимость, выявить типичные нарушения и пробелы в правоприменении, а также сформулировать предложения по повышению надёжности доказательственной деятельности.

В качестве исследовательских методов использованы анализ нормативноправовой базы, обобщение судебной практики, формальноюридический и сравнительноправовой подходы, а также методы логического сопоставления и системного анализа.

Допустимость как процессуальный критерий пригодности доказательств

Допустимость отражает соответствие доказательства установленным процессуальным правилам: оно должно быть получено уполномоченным субъектом, в надлежащей форме и с соблюдением закреплённого порядка. Юридическим основанием признания доказательств недопустимыми служит ст. 75 УПК РФ: сведения, собранные с нарушением закона, не имеют доказательственного значения и не могут использоваться для обоснования выводов по делу [2].

На практике чаще всего основаниями для исключения доказательств становятся:

- несоблюдение процессуального порядка проведения следственных действий;

- дефекты оформления процессуальных документов (протоколов, постановлений);

- получение показаний без участия защитника в случаях, когда его присутствие обязательно;

- ненадлежащее закрепление результатов оперативно-розыскной деятельности в материалах дела.

Важно учитывать, что допустимость — это не синоним законности в широком смысле, а строго формализованный критерий, призванный обеспечить прозрачность и контролируемость процесса доказывания. Именно формальные требования позволяют минимизировать риски злоупотреблений и гарантировать соблюдение конституционных прав участников [1].

Достоверность как критерий соответствия действительности

Достоверность характеризует содержательную сторону доказательства: она показывает, насколько отражённые в нём сведения соответствуют реальным обстоятельствам. В отличие от допустимости, достоверность не имеет прямого нормативного определения, что порождает сложности в её оценке и интерпретации.

Согласно ст. 17 УПК РФ, оценка доказательств осуществляется по внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств дела [2]. Для установления достоверности применяются следующие приёмы:

- сопоставление сведений из разных источников;
- проверка условий формирования доказательства (например, обстоятельств восприятия события свидетелем);
- установление надёжности источника информации;
- анализ полноты и обоснованности экспертных выводов.

Так, на достоверность свидетельских показаний существенно влияют субъективные факторы — особенности восприятия, памяти, эмоциональное состояние, а на надёжность экспертного заключения — методология исследования, квалификация специалиста и полнота представленных материалов. Выводы эксперта, имеющие вероятностный характер, требуют дополнительной про-

верки и не могут рассматриваться как достаточные сами по себе [7].

Сопряжение допустимости и достоверности: взаимное влияние критериев

Между допустимостью и достоверностью существует тесная взаимосвязь, хотя они отражают разные стороны одного и того же доказательства. Нарушение процессуальных норм зачастую ставит под сомнение и содержательную надёжность сведений. Например, показания, полученные без участия защитника, не только признаются недопустимыми, но и вызывают обоснованные сомнения в их объективности, поскольку условия их формирования не обеспечивали должных гарантий [2].

Вместе с тем формально безупречное доказательство может оказаться недостоверным. Так, протокол следственного действия, составленный с соблюдением всех требований, может отражать искажённую картину из-за ошибок или предвзятости участников. Поэтому оценка доказательств должна носить комплексный характер: необходимо учитывать как формальные, так и содержательные параметры, сопоставляя их между собой и проверяя в совокупности [5].

Типичные дефекты правоприменительной практики

Анализ судебной и следственной практики позволяет выделить ряд устойчивых проблем, снижающих надёжность доказательственной базы:

- формальный подход к проверке доказательств, когда суды ограничиваются констатацией соблюдения процессуальных формальностей, не углубляясь в содержание;
- недостаточная мотивированность решений о признании доказательств допустимыми либо недопустимыми;
- игнорирование противоречий между отдельными доказательствами либо поверхностная их интерпретация.

Такие дефекты приводят к снижению качества правосудия и повышают риск судебных ошибок. Нередко суды не проводят детальный анализ условий формирования доказательств, что ослабляет обоснованность итоговых выводов [3] [6].

Цифровые технологии как инструмент повышения надёжности доказывания

Активное внедрение цифровых технологий меняет характер доказательственной деятельности и создаёт дополнительные возможности для обеспечения её прозрачности. Применение аудио и видеозаписи при проведении следственных действий позволяет зафиксировать не только результат, но и сам процесс получения сведений, что существенно повышает объективность фиксации.

Одновременно цифровизация порождает новые риски и требует дополнительных гарантий:

- обеспечение неизменности электронных данных и защита от несанкционированной модификации;

- разработка единых стандартов фиксации, хранения и передачи цифровых доказательств;
- внедрение механизмов верификации — например, электронной подписи, криптографической защиты, распределённых реестров.

Перспективными направлениями являются стандартизация работы с цифровыми следами, развитие методик криминалистического исследования электронных носителей, а также обучение участников процесса современным инструментам работы с цифровой информацией [8] [9].

Пути совершенствования нормативного и практического регулирования

Для повышения надёжности доказательственной деятельности целесообразно реализовать следующие меры:

1. Закрепить в УПК РФ развёрнутые критерии оценки достоверности доказательств, чтобы снизить уровень субъективности при принятии решений [2].
2. Разработать методические рекомендации для следователей, дознавателей и судей по проверке и оценке доказательств, включая алгоритмы выявления противоречий и типичных ошибок [5].
3. Регламентировать порядок обращения с цифровыми доказательствами — от фиксации до представления в суд, установив единые требования к их сохранности и неизменности [8].
4. Усилить надзорные полномочия прокурора в части контроля за соблюдением процессуальных норм при собирании доказательств.
5. Повысить уровень профессиональной подготовки участников процесса за счёт регулярного обучения, анализа типичных ошибок и обобщения судебной практики [6].
6. Развивать институт судебной экспертизы: расширять перечень специальностей, внедрять современные методики и повышать требования к квалификации экспертов [7].

Реализация этих мер позволит сформировать более устойчивую и прозрачную систему доказывания, снизить количество процессуальных ошибок и повысить доверие к правосудию.

Заключение

Обеспечение допустимости и достоверности доказательств — многоаспектная задача, требующая согласованных усилий законодателя, правоприменителей и научного сообщества. Комплексный подход, сочетающий совершенствование нормативной базы, внедрение современных технологий и повышение квалификации участников процесса, способен существенно укрепить надёжность доказательственной базы. Только при условии системного решения этих вопросов возможно достижение справедливого и обоснованного разрешения уголовных дел, а также обеспечение гарантий прав и свобод участников судопроизводства [2] [4].

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернетпортал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.08.2026).
2. Уголовнопроцессуальный кодекс Российской Федерации: от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // Собрание законодательства РФ. — 24.12.2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
3. О судебной практике по вопросам оценки доказательств: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2017. — № 1.
4. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва: Статут, 2021. — 1280 с. — ISBN 9785835417106.
5. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для вузов. — 7-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2023. — 444 с. — (Высшее образование). — ISBN 9785534147799.
6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2022): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.12.2022 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2023. — № 2.
7. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. — Москва: Проспект, 2020. — 464 с. — ISBN 9785392304664.
8. Цифровые технологии в уголовном судопроизводстве: учебное пособие / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский [и др.]; под общ. ред. А. В. Смирнова. — Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2022. — 320 с. — ISBN 9785942018417.
9. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2021–2023 гг. // Официальный сайт Судебного департамента. — URL: <https://cdep.sudrf.ru> (дата обращения: 12.08.2026).

Утверждение изменений в положение о порядке, условиях и о сроках реализации имущества гражданина-банкрота

Татарникова Марина Романовна, кандидат исторических наук, преподаватель
Колледж Гжельского государственного университета (г. Раменское)

В статье исследуется банкротное законодательство и судебная практика, посвящённая вопросу утверждения изменений в положение о порядке, условиях и о сроках реализации имущества гражданина — банкрота. Зачастую участники дела о банкротстве сталкиваются с проблемой внесения изменений и дополнений в уже утвержденное арбитражным судом положение о порядке, условиях и о сроках реализации имущества гражданина — банкрота, которые диктуют обстоятельства рассмотрения дела о банкротстве и иные взаимосвязанные споры, в судах общей юрисдикции. Конкурсные кредиторы, заинтересованные в наиболее быстром погашении собственных требований, могут препятствовать утверждению изменений в положение о порядке, условиях и о сроках реализации имущества гражданина — банкрота, а такая позиция лишает должника или лица, участвующего в деле о банкротстве отстаивать свои права и интересы, такие как исключение иного жилья, в качестве единственного или выдел долей в натуре, из состава конкурсной массы и иное. В других случаях, сам финансовый управляющий, который наделен правом обращения в суд с заявлением об утверждении изменений в положение о порядке, условиях и о сроках реализации имущества банкрота, заинтересован в утверждении изменений в положение о порядке, условиях и о сроках реализации имущества гражданина — банкрота. Таким образом, часто лица, участвующие в деле не осведомлены о своем праве вносить изменения в уже вступившее в силу положение о порядке, условиях и о сроках реализации имущества гражданина — банкрота.

Ключевые слова: банкротство физического лица, положение о порядке, условиях и о сроках реализации имущества гражданина-банкрота, утверждение изменений и дополнений в положение, состав конкурсной массы, инвентаризационная опись.

Approval of amendments to the regulations on the procedure, conditions, and timeframes for the sale of a bankrupt individual's property

Tatarnikova Marina Romanovna, candidate of historical sciences, lecturer
Gzhel State University College (Ramenskoye)

This article examines bankruptcy legislation and judicial practice regarding the approval of amendments to regulations on the procedure, conditions, and timeframes for the sale of a bankrupt individual's property. Participants in bankruptcy cases often face the

challenge of amending and supplementing regulations already approved by the arbitration court on the procedure, conditions, and timeframes for the sale of a bankrupt individual's property, which are dictated by the circumstances of the bankruptcy case and other related disputes in courts of general jurisdiction. Bankruptcy creditors, interested in the fastest possible settlement of their claims, may obstruct the approval of amendments to the regulations governing the procedure, conditions, and deadlines for the sale of a bankrupt individual's property. This stance deprives the debtor or other party to the bankruptcy case of the right to assert their rights and interests, such as excluding other housing as the sole property or allocating shares from the bankruptcy estate, and other matters. In other cases, the financial manager, who is authorized to petition for approval of amendments to the regulations governing the procedure, conditions, and deadlines for the sale of a bankrupt individual's property, has an interest in approving these amendments. Therefore, parties to the case are often unaware of their right to amend the regulations governing the procedure, conditions, and deadlines for the sale of a bankrupt individual's property that have already been entered into force.

Keywords: *bankruptcy of an individual, regulations on the procedure, conditions and terms for the sale of the property of a bankrupt citizen, approval of amendments and additions, composition of the bankruptcy estate, inventory list.*

Проект положения о порядке, условиях и сроках реализации выявленного к торгам имущества должника (далее — положение о торгах) разрабатывает финансовый управляющий в течение месяца после окончания описи и оценки в процедуре реализации имущества гражданина.

После разработки проекта положения финансовый управляющий направляет его на согласование собранию кредиторов должника или его комитету.

Уже на собрание кредиторов должника или его комитете проект положения о торгах утверждается большинством голосов конкурсных кредиторов.

В случае, если конкурсные кредиторы не являются (не направляют свои бюллетени финансовому управляющему в случае проведения заочного собрания кредиторов) на собрание кредиторов, или отсутствует кворум (достаточное число конкурсных кредиторов, включенных в реестр), то согласно ст. 15 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) финансовый управляющий извещает лиц, участвующих в деле о банкротстве о разработанном проекте положения о торгах и о их праве в течение двух месяцев обратиться в арбитражный суд, рассматривающий дело о банкротстве должника с заявлением о разногласиях в рамках ст. 60 Закона о банкротстве [1].

При возникновении разногласий от лиц, участвующих в деле о банкротстве с разработанным финансовым управляющим положением о торгах, арбитражный суд с учетом всех обстоятельств дела, выносит определение об утверждении положения о порядке, условиях и сроках продажи имущества должника, которое стороны могут обжаловать в следующих инстанциях.

После обжалования или истечения срока на обжалование определение об утверждении положения о порядке, условиях и сроках продажи имущества должника вступает в законную силу, а имущество переходит к этапу торгов на электронной площадке.

Соответственно, вся процедура согласования и утверждения положения о торгах должника полностью отрегулирована Законом о банкротстве и судебной практикой.

Но несмотря на многочисленную судебную практику, возникает достаточное количество сложностей, если лицам, участвующим в деле о банкротстве, необходимо

внести изменения в уже утвержденное судом положение о торгах, которое вступило в законную силу.

После всех стадий обжалования определения арбитражного суда об утверждении положения о торгах и вступления его в законную силу имущество должно быть передано к реализации на электронных торгах, но при этом могут возникать объективные или субъективные обстоятельства, которые вносят изменения в уже вступившее в законную силу положение о торгах. Также лица, участвующие в деле могут быть не согласны с переходом к стадии торгов, несмотря на исчерпание стадий обжалования, они могут настаивать на приостановке торгов и на внесение изменений в положение о торгах.

Так, согласно Закону о банкротстве, изменения в утвержденное судом положение о торгах должника требует с одной стороны обращения в арбитражный суд с заявлением о внесении изменений в утвержденное положение о торгах или проведения собрания конкурсных кредиторов или его комитета.

В силу п. 1 ст. 213.26 Закона о банкротстве утвержденное судом положение о порядке, условиях и сроках реализации имущества гражданина должно соответствовать правилам продажи имущества должника, установленным статьями 110, 111, 112 и 139 Закона о банкротстве.

По п. 2 ст. 139 Закона о банкротстве в случае возникновения в ходе конкурсного производства обстоятельств, в связи с которыми требуется изменение порядка, сроков и (или) условий продажи имущества должника, конкурсный управляющий обязан представить собранию кредиторов или в комитет кредиторов для утверждения соответствующие предложения относительно таких изменений.

Далее по п. 3 ст. 213.26 Закона о банкротстве имущество гражданина, часть этого имущества подлежат реализации на торгах в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, если иное не предусмотрено решением собрания кредиторов или определением арбитражного суда.

Само дело о банкротстве гражданина — должника в процедуре реализации имущества гражданина может рассматриваться много лет и продлеваться арбитражным судом неоднократно, за этот период времени могут быть,

как оспорены сторонами недействительные сделки, выявленные в процедуре банкротства должника, так и само банкротное дело может сопровождаться параллельными взаимосвязанными спорами с имуществом и правами на него в судах общей юрисдикции, что может напрямую влиять и пересматривать состав конкурсной массы должника в утверждённом судом положение о торгах.

В рамках п. 2 ст. 139 Закона о банкротстве предполагается, что собрание кредиторов (комитете кредиторов) должно решать вопросы изменений порядка, сроков и (или) условий продажи имущества должника.

Следовательно, если возникает необходимость внесения изменений в положение о торгах, то необходимо обратиться к собранию кредиторов должника или его комитету.

Но как следует из п. 40 постановления Пленума ВС РФ от 13.10.2015 № 45 (ред. от 17.12.2024) «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан», в соответствии с п. 1 ст. 213.26 Закона о банкротстве положение о порядке, об условиях и о сроках реализации имущества должника — гражданина, не являющегося индивидуальным предпринимателем и не имевшего этого статуса ранее, утверждается судом, рассматривающим дело о банкротстве, на основании соответствующего ходатайства финансового управляющего. Данное положение должно соответствовать правилам продажи имущества должника, установленным статьями 110, 111, 112, 139 и 140 Закона о банкротстве. Имущество должников — индивидуальных предпринимателей и утративших этот статус граждан, предназначенное для осуществления ими предпринимательской деятельности, подлежит продаже в порядке, установленном Законом о банкротстве в отношении продажи имущества юридических лиц (пункт 4 статьи 213.1 Закона о банкротстве) [2].

В связи с этим общие правила п. 1.1 ст. 139 Закона о банкротстве об одобрении порядка, условий и сроков продажи имущества собранием (комитетом) кредиторов применяются при рассмотрении дел о банкротстве индивидуальных предпринимателей и утративших этот статус граждан в случае продажи имущества, предназначенного для осуществления ими предпринимательской деятельности. Эти правила не применяются при продаже имущества, не предназначенного для осуществления должником предпринимательской деятельности, и при рассмотрении дел о банкротстве граждан — не индивидуальных предпринимателей и не имевших этого статуса ранее.

В рамках ст. 213.9 Закона о банкротстве на финансовым управляющим лежит обязанность обращаться в суд с заявлением о внесении изменений в положение о торгах, в случае изменений состава имущества или конкурсной массы гражданина — должника, с указанием причин и оснований заявления.

Таким образом, при банкротстве физического лица без статуса индивидуального предпринимателя не нужно созывать собрание кредиторов или его комитета для обсу-

ждения и утверждения изменений в положение о торгах, а надлежит финансовому управляющему сразу обратиться в арбитражный суд с заявлением об утверждении изменений в положение о торгах.

Обстоятельства, которые требуют внесения изменений в положение о торгах, в основном связаны с формированием конкурсной массы в деле о банкротстве граждан, находящихся (или находившихся ранее) в браке.

Так, в силу п. 7 ст. 213.26 Закона о банкротстве в конкурсную массу включается не только личное имущество гражданина, но и то имущество, которое принадлежит ему на праве общей собственности с супругом (бывшим супругом).

При этом в п. 7 постановления Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» указано о реализации в деле о банкротстве гражданина-должника имущества, принадлежащее ему и супругу (бывшему супругу) на праве общей собственности [3].

Но в определении ВС РФ от 31.01.2025 № 304-ЭС19-2037(2) по делу № А46-16345/2016 «... вопреки толкованию судов абзац второй пункта 7 Постановления № 48 применяется только к случаям раздела имущества в натуре, поскольку после такого раздела утрачивается признак общности в праве собственности на это имущество, разделённое в натуре имущество становится личной собственностью каждого из супругов, что исключает такие случаи из сферы применения пункта 7 статьи 213.26 Закона о банкротстве, а в рассматриваемом случае доли супругов в натуре не выделены, иных сосособственников объекта, кроме должника и его бывшей супруги, не имеется»... [4].

Следовательно, раздел имущества между должником и его супругой на равноценные доли в рамках ст. 37, 38 СК РФ не приведет к пересмотру утвержденного положения о торгах, но в случае возможности выдела доли в натуре, уже будет являться личной собственностью супруга (бывшего супруга), а соответственно должно быть исключено из конкурсной массы и требует изменений утвержденного положения о торгах.

Далее, должник, как супруга (бывшая супруга) несмотря на то, что они должны «переносить тяготы» нахождения в процедуре банкротства, которая подразумевает под собой серьёзные ограничения, нуждаются в единственном жилье, которое исключается из состава конкурсной массы должника.

По п. 1 ст. 20 ГК РФ местом жительства гражданина признается место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает.

Далее, в ст. 2 Закона РФ «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» устанавливает, что под местом жительства гражданина понимается жилой дом, квартира, комната, жилое помещение специализированного жилищного фонда либо

иное жилое помещение, в которых гражданин постоянно или преимущественно проживает в качестве собственника, по договору найма (поднайма), договору найма специализированного жилого помещения либо на иных основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, и в которых он зарегистрирован по месту жительства.

В силу с п. 2 ст. 213.25 Закона о банкротстве по мотивированному ходатайству гражданина и иных лиц, участвующих в деле о банкротстве гражданина, арбитражный суд вправе исключить из конкурсной массы имущество гражданина, на которое в соответствии с федеральным законом может быть обращено взыскание по исполнительным документам и доход от реализации которого существенно не повлияет на удовлетворение требований кредиторов.

Перечень имущества гражданина, которое исключается из конкурсной массы в соответствии с положениями настоящего пункта, утверждается арбитражным судом, о чем выносится определение, которое может быть обжаловано.

Право каждого на жилище, как оно закреплено Конституцией Российской Федерации и предусмотрено нормами международного права, опирается на выраженный в предписаниях статей 2, 17–19 и 21 Конституции Российской Федерации принцип, в силу которого человек является высшей ценностью и ничто не может служить основанием для умаления его достоинства как субъекта гражданского общества, чьи права и свободы во всей их полноте находятся под защитой Конституции Российской Федерации, а, следовательно, исключается отношение к нему лишь как к объекту внешнего воздействия.

Отсюда следует, что, как и должник, так и бывшая супруга может не согласиться с выбором финансового управляющего об исключении определенного объекта недвижимости (при условии нескольких объектов недвижимости в инвентаризационной описи финансового управляющего) и обратиться с заявлением об исключении иного объекта недвижимости в качестве единственного жилья, что будет напрямую влиять на утвержденное положение о торгах.

Например, в рамках дела № А40–134229/22 определением Арбитражного суда города Москвы от 18.10.2023 было утверждено положение о порядке, об условиях и сроках реализации имущества, в редакции, предложенной финансовым управляющим. Финансовым управляющим было установлено наличие у должника имущества в виде жилой комнаты в коммунальной квартире [5].

Но должник не согласился с утвержденным судом положением о торгах в редакции финансового управляющего, и в дальнейшем оно было отменено определением ВС РФ от 19.02.2024 № 305-ЭС23–19331. Должник доказал, что «... длительное время зарегистрирован и постоянно проживает в комнате вместе с супругой, которая не имеет в собственности другого жилого помещения. Проживание в комнате позволяет ему быть трудоустроенным

в Москве и обеспечивать себя и членов семьи необходимым минимумом благ»..., что привело к исключению комнаты в качестве единственного жилья из состава конкурсной массы, а суду первой инстанции пришлось утверждать совершенно новое положение о торгах с другим составом лотов [6].

В иных случаях, изменения, как и дополнения к положению о торгах могут быть инициативой самого финансового управляющего, который выявил имущество должника, не включенное в инвентаризационную опись.

В деле № А40–23541/17 финансовый управляющий просил утвердить изменения и дополнения к положению о порядке, условиях и сроках реализации имущества должника, к уже утвержденному определением Арбитражного суда г. Москвы суда от 17.08.2018. Причиной утверждения изменений стало дополнение к описи от 11.07.2018 выявленного имущества должника, в виде дополнительного имущества должника (выявлена дебиторская задолженность). При этом должника, так и лица, участвующие в деле пытались обжаловать вынесенное определение об утверждении изменений и дополнений в положении о торгах апеллируя тем, что дебиторская задолженность взысканная на основании решения районного суда не вступила в законную силу, но суд апелляционной инстанции с ними не согласился [7].

Иногда утверждение изменений в положение о торгах необходимо для продажи неликвидного имущества, в отсутствие споров между лицами, участвующими в деле о банкротстве.

В деле № А12–38230/2021 от финансового управляющего Шляхова А. В. поступило ходатайство о внесении изменений в Положение о порядке, сроках, условиях реализации имущества должника, согласно которому просит внести изменения, добавить пункт 9.9 в раздел 9 утвержденного Положения о порядке, об условиях и о сроках реализации имущества следующего содержания: «В случае если торги посредством публичного предложения по продаже имущества должника признаны несостоявшимися или договор купли-продажи не был заключен с их единственным участником, а также в случае не заключения договора купли-продажи по результатам торгов путем публичного предложения, продаваемое на торгах имущество должника подлежит продаже на торгах посредством повторного публичного предложения, которые проводятся в порядке, установленном п. 4 ст. 139 Закона о банкротстве, а также разделом 9 настоящего Положения, которое затем было утверждено определением суда [8].

По сути без утверждения арбитражным судом изменений в положение о торгах, продать имущество согласно ранее утвержденному положению о торгах было невозможно, по причине того, что с момента его утверждения прошёл значительный промежуток времени и рынок недвижимости изменился в сторону падения спроса на недвижимость.

Таким образом, можно сделать обоснованный вывод о том, что даже вступившее в законную силу определение

арбитражного суда, которым было утверждено положение о торгах не является гарантией для конкурсных кредиторов того, что имущество в самое ближайшее время будет передано на торги, так как у лиц, участвующих в деле достаточно много инструментов направленных на внесение изменений в состав лотов: исключение единственного жилья, выдел имущества, оспаривание сделок и т. д.

Здесь, с одной стороны необходимо понимать о разнообразии судебной практике, и о том доводе, что часто банкротство физического лица влияет на общее совместное имущество лиц, которые не являются банкротами и несут на себе риск последствий продажи общего совместного имущества, которое не может быть выделено в натуре, со-

ответственно они могут быть не согласны и требовать изменений в уже утвержденное положение о торгах.

Так и для финансового управляющего, который с другой стороны, как лицо, сохраняющее конкурсную массу должника, обязан инициировать и участвовать в спорах в судах общей юрисдикции, которые взаимосвязаны с банкротством физического лица, управляющем которого он является.

По итогу можно отметить, что вопросы, связанные с утверждением изменений в положение о порядке, условиях и сроках реализации имущества должника дальше будут аккумулировать судебную практику в банкротстве физических лиц.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».
2. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 13.10.2015 № 45 (ред. от 17.12.2024) «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан».
3. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан».
4. Определение Верховного суда Российской Федерации от 31.01.2025 № 304-ЭС19-2037(2) по делу № А46-16345/2016.
5. Определение Арбитражного суда города Москвы от 18.10.2023 по делу № А40-134229/22.
6. Определение Верховного суда Российской Федерации от 26.07.2021 № № 303-ЭС20-18761 по делу № А73-12816/2019.
7. Определение Арбитражного суда города Москвы от 18.10.2023 по делу № А40-134229/22.
8. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28.03.2019 по делу № А40-23541/17.

Направления совершенствования правового регулирования и практики прохождения государственной службы в органах Федеральной службы судебных приставов (на примере УФССП России по Калужской области)

Шавырин Иван Борисович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования и организации прохождения службы в органах принудительного исполнения Российской Федерации. На примере УФССП России по Калужской области проанализированы наиболее актуальные проблемы, связанные с кадровым обеспечением, профессиональной подготовкой, цифровизацией служебной деятельности и социальной защитой сотрудников. Предложены меры по совершенствованию законодательства и практики прохождения службы, направленные на повышение эффективности деятельности территориальных органов ФССП России.

Ключевые слова: Федеральная служба судебных приставов, органы принудительного исполнения, государственная служба, правовое регулирование, кадровая политика, цифровизация.

Directions for improving legal regulation and the practice of service in the Federal Bailiff Service of Russia (on the example of the Kaluga region)

The article examines the problems of legal regulation and organization of service in the enforcement authorities of the Russian Federation. Using the example of the Directorate of the Federal Bailiff Service for the Kaluga Region, the author analyzes the most rele-

vant issues related to personnel support, professional training, digitalization and social protection of employees. The paper proposes measures aimed at improving legislation and the practice of service in the territorial bodies of the Federal Bailiff Service of Russia.

Keywords: Federal Bailiff Service, enforcement authorities, public service, legal regulation, personnel policy, digitalization.

Реформирование института судебных приставов привело к существенным изменениям в организации служебной деятельности. После вступления в силу Федерального закона от 1 октября 2019 года № 328-ФЗ служба в органах принудительного исполнения была выделена в самостоятельный вид государственной службы. Законодатель определил порядок поступления на службу, присвоения специальных званий, прохождения аттестации, заключения контрактов и предоставления социальных гарантий сотрудникам. При этом сама реформа была направлена прежде всего на повышение эффективности деятельности органов принудительного исполнения и сохранение кадрового потенциала службы. Эти изменения продолжают оставаться предметом научной дискуссии и судебного анализа. В частности, отдельные положения закона стали предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации в 2026 году, что свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования.

Правовую основу прохождения службы в органах принудительного исполнения составляют Федеральный закон от 21 июля 1997 года № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации», Федеральный закон от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» и Федеральный закон от 1 октября 2019 года № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Исследование деятельности УФССП России по Калужской области позволяет сделать вывод о том, что большинство проблем, характерных для системы органов принудительного исполнения, имеют не только федеральный, но и региональный характер. Несмотря на модернизацию законодательства, территориальные подразделения продолжают сталкиваться с трудностями, связанными с организацией служебной деятельности.

Одной из наиболее серьезных проблем остается кадровое обеспечение. Сотрудники УФССП одновременно выполняют большое количество функций, связанных с исполнением судебных решений, обеспечением установленного порядка деятельности судов, применением мер принудительного исполнения, рассмотрением обращений граждан и взаимодействием с различными государственными органами.

Следствием высокой нагрузки становится увеличение текучести кадров. Молодые специалисты часто сталкиваются со сложностями уже на начальном этапе службы. Адаптация новых сотрудников осложняется необходимостью изучения большого объема нормативных правовых актов, освоения специализированных информационных систем и приобретения практических навыков.

По мнению исследователей, одной из причин кадровых проблем является недостаточное внимание к вопросам мотивации сотрудников. Эффективность деятельности службы зависит не только от качества законодательства, но и от уровня профессиональной подготовки, материального стимулирования и системы карьерного роста. Современные исследования показывают, что совершенствование правового статуса судебных приставов должно рассматриваться как одно из приоритетных направлений развития службы.

Еще одной проблемой является необходимость совершенствования системы профессиональной подготовки. Деятельность современного судебного пристава требует наличия не только юридических знаний, но и навыков работы с цифровыми технологиями, умения анализировать большие объемы информации и эффективно взаимодействовать с гражданами.

Показательно, что современные научные исследования все чаще рассматривают деятельность сотрудников ФССП через призму расширения их полномочий и усложнения выполняемых функций. Особое внимание уделяется вопросам организации дознания, совершенствования исполнительного производства и повышения качества правоприменительной деятельности.

По нашему мнению, совершенствование практики прохождения службы должно осуществляться по нескольким направлениям.

Во-первых, необходимо совершенствовать систему профессионального отбора кандидатов. Помимо проверки уровня образования и соответствия квалификационным требованиям, следует уделять больше внимания оценке психологической готовности кандидатов к служебной деятельности.

Во-вторых, необходимо развивать институт наставничества. Закрепление опытных сотрудников за молодыми специалистами позволит сократить период профессиональной адаптации и повысить качество выполнения должностных обязанностей.

В-третьих, следует пересмотреть подходы к материальному стимулированию сотрудников. Современные исследования показывают, что эффективность работы территориальных подразделений напрямую связана с качеством кадровой политики и системой оценки деятельности сотрудников. Разработка объективных критериев оценки эффективности позволит повысить мотивацию работников и сократить текучесть кадров.

Отдельного внимания заслуживает цифровизация деятельности органов принудительного исполнения. В настоящее время активно внедряются электронный документооборот, автоматизированные информационные системы и межведомственное взаимодействие. Однако потенциал цифровых технологий остается реализованным не полностью.

Представляется перспективным внедрение интеллектуальных систем обработки данных, позволяющих автоматизировать часть рутинных операций. Это позволит сократить временные затраты сотрудников и повысить качество исполнения судебных решений.

Кроме того, необходимо совершенствовать систему социальной защиты сотрудников. В 2024 году были внесены изменения в законодательство, регулирующие отдельные вопросы прохождения службы в органах принудительного исполнения, что подтверждает продолжающийся процесс совершенствования правового регулирования.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что совершенствование пра-

вового регулирования и практики прохождения службы в УФССП России по Калужской области должно носить комплексный характер. Основными направлениями модернизации являются совершенствование кадровой политики, развитие системы профессиональной подготовки, внедрение современных цифровых технологий, расширение социальных гарантий и совершенствование механизмов профессиональной адаптации сотрудников.

Реализация указанных мер позволит повысить эффективность деятельности территориальных органов принудительного исполнения, укрепить кадровый потенциал службы и обеспечить более качественное исполнение судебных решений.

Литература:

1. Федеральный закон от 21.07.1997 № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации». — Текст: непосредственный // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 30. — С. Ст. 3590).
2. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве». — Текст: непосредственный // Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 41. — С. 4849.
3. Федеральный закон от 01.10.2019 № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». — Текст: непосредственный // Собрание законодательства РФ. — 2019. — № 40. — С. 5488.
4. Аликулова, Д. М. Организация дознания в системе органов принудительного исполнения Российской Федерации: особенности правового регулирования и правоприменительной практики / Д. М. Аликулова. — Текст: непосредственный // Социальное управление. — 2025. — № 6. — С. 376–380.
5. Иванова, В. М. Согласование публичных и частных интересов в деятельности службы судебных приставов: ключевые направления развития / В. М. Иванова. — Текст: непосредственный // Российское право: образование, практика, наука. — 2024. — № 5. — С. 40–48.
6. Керамова, С. Н. Федеральная служба судебных приставов как орган принудительного исполнения решений: проблемы реализации полномочий / С. Н. Керамова. — Текст: непосредственный // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. — 2024. — № 3. — С. 72–77.
7. Круглов, Н. А. Служебное право и тенденции реформирования служебно-правовых отношений в Российской Федерации / Н. А. Круглов. — Текст: непосредственный // Вестник Поволжского института управления. — 2024. — № 3. — С. 70–74.
8. Николаев, Д. О. Институт возмещения вреда, причиненного Федеральной службой судебных приставов России / Д. О. Николаев. — Текст: непосредственный // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2024. — № 3. — С. 110–121.
9. Свидский, Н. С. Оспаривание действий судебных приставов при реализации движимого имущества должника / Н. С. Свидский. — Текст: непосредственный // Пробелы в российском законодательстве. — 2026. — № 2. — С. 140–148.
10. Шишарин, И. А. Особенности правового регулирования деятельности органов принудительного исполнения Российской Федерации / И. А. Шишарин. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 14 (513). — С. 181–184.

Договор бытового подряда и его основные особенности

Шишмаков Алексей Евгеньевич, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье автор исследует основные особенности при заключении договоров бытового подряда.

Договор бытового подряда является одним из наиболее распространенных типов договоров в гра-

жданском обороте. Он широко используется как в коммерческой, так и в бытовой сфере. По договору бытового

подряда одна сторона (подрядчик) обязуется выполнить определенную работу или оказать определенные услуги, а другая сторона (заказчик) обязуется оплатить их.

Подробно рассмотрим следующие вопросы:

- виды договоров бытового подряда и их правовое регулирование;
- существенные условия договора бытового подряда;
- права и обязанности сторон договора бытового подряда;
- порядок заключения, изменения и расторжения договора подряда;
- ответственность сторон за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора бытового подряда.

Договор бытового подряда — это соглашение, по которому одна сторона (подрядчик) обязуется выполнить определенные работы по заданию другой стороны (заказчика) и передать результат этих работ заказчику, а заказчик обязуется оплатить выполненные работы.

Основные положения:

- Статья 702 Гражданского кодекса РФ: определяет, что по договору подряда подрядчик обязуется выполнить работу, а заказчик — оплатить её.
- Статья 703: Устанавливает, что подрядчик должен выполнить работу в соответствии с требованиями, установленными договором и стандартами.
- Статья 704: Подрядчик обязан передать заказчику результат работы, а заказчик — принять его и оплатить.

Договор подряда в Гражданском кодексе Российской Федерации регулируется главой 37, которая охватывает основные положения и условия, касающиеся этого вида обязательств.

Особенности договора подряда в Гражданском кодексе РФ:

1. Возмездный или безвозмездный характер:

Договор подряда может быть как возмездным (с оплатой за выполненные работы), так и безвозмездным (когда работы выполняются без оплаты, например, по благотворительным мотивам).

При безвозмездном договоре исполнителю не выплачивается вознаграждение, но он имеет право на возмещение необходимых расходов.

2. Существенные условия:

Предмет договора (работы, которые должны быть выполнены).

Срок выполнения работ.

Цена договора (в случае возмездного договора).

3. Права и обязанности сторон:

Подрядчик: выполнить работы в соответствии с условиями договора, обеспечить надлежащее качество выполненных работ, сдать результат работ заказчику в установленный срок, предоставить гарантии на выполненные работы.

Заказчик: принять результат работ и оплатить их стоимость (в случае возмездного договора), предоставить подрядчику необходимые материалы, оборудование и документацию, обеспечить условия для выполнения работ.

4. Приемка выполненных работ:

Заказчик обязан принять выполненные работы в течение установленного срока.

Если заказчик обнаруживает недостатки в выполненных работах, он имеет право потребовать их устранения или возмещения убытков.

5. Ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств:

- стороны несут ответственность за ненадлежащее исполнение или неисполнение своих обязательств по договору;
- ответственность может выражаться в уплате штрафов, пени, возмещении убытков, а в некоторых случаях и в расторжении договора.

Пример: договор бытового подряда (разработка нового продукта).

Предмет договора: Разработка и создание нового продукта.

Подрядчик: (наименование подрядной организации)

Заказчик: (наименование заказчика)

Срок выполнения работ: С (дата начала) по (дата окончания)

Цена договора: (сумма договора) рублей

Условия оплаты: Поэтапная оплата по мере достижения согласованных результатов.

Права и обязанности сторон:

Подрядчик обязан:

- разработать и создать новый продукт в соответствии с техническим заданием заказчика;
- предоставить заказчику отчеты о ходе выполнения работ;
- передать заказчику исключительные права на разработанный продукт.

Заказчик обязан:

- принять разработанный продукт и оплатить работы в соответствии с условиями договора;
- предоставить подрядчику техническое задание и необходимые материалы.

Ответственность сторон: стороны несут ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по договору в соответствии с действующим законодательством РФ.

Заказчик:

- обязан принять выполненную работу или услуги и оплатить их;
- имеет право на надлежащее исполнение договора;
- может отказаться от договора в случае существенного нарушения договора подрядчиком.

Цена договора должна быть твердой.

В случае приблизительной цены подрядчик имеет право на дополнительную оплату, если фактические расходы превысили первоначальную смету.

Сроки выполнения работ: Договор должен содержать сроки выполнения работ. Подрядчик несет ответственность за просрочку выполнения работ.

Приемка выполненных работ: Заказчик обязан принять выполненные работы или услуги в течение разум-

ного срока после их завершения. Если заказчик обнаруживает недостатки в выполненных работах, он может потребовать их устранения или возмещения убытков.

Мы рассмотрели все основные вопросы, связанные с договором подряда, подробно изучили виды договоров подряда, их существенные условия, права и обязанности

сторон, порядок заключения, исполнения и расторжения договора, а также ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договору.

В заключение хочу отметить, что договор подряда является одним из наиболее распространенных типов договоров в гражданском обороте.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ — М.: Высшая школа, 2025.
2. Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» — М.: Высшая школа, 2025.

К вопросу о конституционном праве на благоприятную окружающую среду в условиях техногенной деградации Арктики (на примере пос. Амдерма)

Шищенко Павел Сергеевич, студент

Научный руководитель: Ежевский Дмитрий Олегович, кандидат юридических наук, доцент
МИРЭА — Российский технологический университет (г. Москва)

В работе рассматривается проблема реализации права на благоприятную окружающую среду (ст. 42 Конституции РФ) на примере техногенно-деградированного поселка Амдерма. Анализируется правовой статус заброшенных объектов инфраструктуры, оставшихся от закрытого морского порта и спецпоселений, а также пробелы в законодательстве, не позволяющие эффективно рекультивировать земли в условиях Крайнего Севера.

Ключевые слова: конституционное право, экологическое право, Арктика, экология, волонтерство.

Конституционно-правовое регулирование экологических правоотношений закреплено в ст. 42 Конституции Российской Федерации, закрепляющей субъектное право каждого гражданина РФ на благоприятную окружающую среду. В системной взаимосвязи с конституционными обязанностями и принципами публичного права, данная норма порождает базу благоприятных обязательств государства перед её гражданами, направленных на обеспечение национальной экологической безопасности, сохранение природно-ресурсного богатства, а также реализацию по сдерживанию и применению превентивных мер, призванных минимизировать риски техногенных катастроф и антропогенных воздействий на окружающую среду, способных нанести угрожающую меру жизни и здоровья населения, исходя из совместного принципа взаимной ответственности личности и государства перед возникающими обязанностями за сохранением благоприятной окружающей среды, актуализируя проблематику не только публично-правовых гарантий, но и субъективной роли граждан как активных участников правоотношений в сфере охраны окружающей среды.

Так, исходя из постановления администрации Ненецкого Автономного Округа от 30 марта 2021 года N 93-п «О внесении изменений в государственную программу Ненецкого автономного округа «Охрана окружающей среды, воспроизводство и использование природных ресурсов»» в соответствии с ч. 2 ст. 179 БК РФ, п.33 Порядка

разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Ненецкого автономного округа, утверждённого постановлением Администрации Ненецкого автономного округа от 23.07.2014 N 267-п, администрация НАО постановляет ликвидировать накопленный вред на указанных объектах постановления.

К таким объектам относится территория и акватория посёлка Амдерма, включённые в 2018 году в государственный реестр. Сметная стоимость подлежащих к выполнению работ составляет 2,1 млрд. руб., из которых 702,2 млн. руб. являются расходным обязательством субъекта Российской Федерации и должны быть предусмотрены в окружном бюджете [1]. Ответственным по организации работ по ликвидации накопленного вреда окружающей среде был назначен окружной департамент природных ресурсов, экологии и агропромышленного комплекса, которым в 2019 году была разработана проектная документация по устранению экологических несоответствий Конституционного права на благоприятную окружающую среду [2].

Несмотря на утверждение сметной документации, неисполнение публичных обязательств свидетельствует о нарушении ст. 80.2 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», Правил организации работ по ликвидации накопленного вреда окружающей среде, утверждённым постановлением Правительства РФ от 04.05.2018 № 542. Вопреки нормативно

установленным срокам и плановым показателям, фактическое выполнение работ отсутствует, при том что общий бюджет запланированных ассигнований превышал 2 млрд. руб., из которых 702,2 млн. руб. Отнесены к расходным обязательствам непосредственно субъекта РФ.

Реагируя на бездействие публичных органов власти, прокуратура НАО инициировала судебный порядок принуждения обратившись в Нарьян-Марский городской суд с требованием об организации ликвидации накопленного экологического вреда в границах посёлка Амдерма. Судом первой инстанции иск удовлетворён, однако юридический казус заключается в установлении лишь отдалённого срока исполнения до 31.12.2027. Данный временный срез детерминирован объективными публично-правовыми ограничениями: необходимостью поэтапного выделения бюджетных средств и соблюдения регламентных процедур государственных закупок, что в свою очередь, ставит под сомнение оперативность проводимых конституционных прав граждан на благоприятную среду в условиях длящегося негативного воздействия на окружающую среду.

В развитии конституционной модели взаимодействия государства и личности С. А. Тулаева и Е. С. Сёмушкина в своём исследовании обосновывают возрастающую роль рядовых граждан в системе экологических правоотношений. Авторы, анализируя практику экологической мобилизации в субъектах РФ, вводят категорию «экзистенциального экоактивизма», который обособляется негативным воздействием на среду обитания и отражает субъектное восприятие экологического неблагополучия. Примечательно, что выводы исследователей свидетельствуют о мотивационном векторе волонтерской активности с возникающими экологическими вызовами, а формы такой самоорганизации граждан вариативны в зависимости от региональной специфики экологического бедствия и имеющихся публично-правовых механизмов участия граждан в принятии экологически значимых решений [3, с. 47–75]. Данные эмпирические наблюдения актуализируют проблему исполнения конституционной обязанности каждого гражданина сохранять природу согласно ст. 58 Конституции РФ, что особенно важно в условиях дефицита государственного финансирования природоохранных мероприятий.

Дополнительную аргументацию в пользу мнения вышеупомянутых авторов, можно привести исследование С. Д. Кагировой посвящённое интеграции гражданских инициатив в систему охраны окружающей среды [4]. Констатируя возрастание ответственности и сплочённости граждан в современных региональных условиях, автор фиксирует важный управленческий эффект — добровольческой деятельности на заповедных территориях, равно как и в зонах экологического бедствия, включая п. Амдерма. Это позволяет не только привлекать дополнительные трудовые ресурсы, но и критически снижает нагрузку на штатный персонал, который объективно не справляется с масштабом природоохранных и восстановительных работ. С нормативной точки зрения, данная гипотеза ставит вопрос о необходимости формализации

статуса экологических волонтеров как полноправных участников отношений по сохранению природного богатства России, особенно в случаях, когда государственные механизмы действуют с существенным временным промежутком запланированных работ.

Конкретным воплощением гражданской инициативы в поднятой проблеме выступает студенческий экспедиционный корпус «Команда Арктики», организационно функционирующий на базе «МИРЭА — Российский Технологический Университет» с 14 марта 2024 года. Декларируемая цель проекта заключается в подготовке профильных кадров для работы в условиях Крайнего Севера и формирования потенциала арктических территорий. В сложившихся обстоятельствах добровольцы корпуса приняли на себя функцию оперативного регулирования исполнения конституционной обязанности в сохранении благоприятной окружающей среды путём уборки техногенного загрязнения, проводя при этом мониторинговые исследования состояния природных объектов и приведения в надлежащее состояние инфраструктуры местной метеостанции. Данный пример иллюстрирует, что в условиях длящегося административного бездействия и отсроченного судебного исполнения именно общественные организации принимают на себя бремя сохранения природного богатства России, фактически компенсируя отсутствие своевременных государственных мер [5].

Наряду с проектами вузовского уровня, в арктических регионах функционируют самостоятельно инициированные общественные формирования. В качестве такого примера следуют выделить архангельское региональное молодёжное общественное экологическое движение «Чистый Север — чистая страна», нормативно появившиеся в 2019 году. Данная организация охватывает непосредственную природоохранную работу, так и смежные направления по арктическому направлению: научные экспедиции в Арктику, развитие устойчивого туризма и экологического просвещения населения. Такая многопрофильность позволяет региональному движению выступить связующим звеном между гражданским и научным сообществом, и региональной властью, создавая прецеденты публично-частного партнёрства в сфере охраны окружающей среды на территориях с высокой природоохранной ценностью Российской Федерации.

В доктрине экологического права сложился ряд классификаций способов защиты конституционного права на благоприятную окружающую среду, дифференцируемых по различным основаниям. Однако основополагающим критерием, признаваемых в науке, выступает разделение всех природоохранных мер на две основополагающие группы: государственные и негосударственные меры регулирования [6].

Данная бинарная модель позволяет не только систематизировать имеющиеся механизмы охраны окружающей среды, но и служит теоретической основой для анализа конкретных гражданских инициатив. Именно ко второй группе, к негосударственным мерам и относятся опи-

санные выше общественные формирования. Их деятельность представляет собой практическую реализацию конституционной обязанности каждого гражданина сохранять природу в формах, не охватываемых прямым государственным регулированием, что подчёркивает возрастающую роль гражданского общества в системе экологических правоотношений.

Важно не относить на второй план имеющиеся публично-правовые гарантии экологической безопасности, где ведущую роль занимают государственные меры, которые реализуются путём нормотворческой детальности федеральных и региональных органов власти.

Результатом такой деятельности выступает закрепление в законодательстве специализированных правовых режимов, придающим отдельным территориям особого юридического статуса. Данный правовой режим территорий предопределяет объём и полноту полномочий и обязанностей субъекта РФ, за которым закреплена соответствующая территория. Исходя из сложившихся нормативно-правовых критериев природоохранной ценности и степени уязвимости экосистем, в российском законодательстве сложилась следующая система правовых режимов земель:

1. Заповедные зоны, которые предназначены для сохранения природной среды в естественном состоянии и в границах которой запрещается осуществление любой экономической деятельности;
2. Особо охраняемые зоны, которые предназначены для сохранения природной среды в естественном состоянии и в границах которой допускается ее посещение в целях туризма;
3. Рекреационной зоны, которые предназначены для обеспечения и осуществления рекреационной деятельности (прим. реакционная деятельность — это использование природных территорий для отдыха, туризма, спорта, санаторно-курортного лечения);
4. Зоны охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, которые предназначены для сохранения указанных объектов и в границах которой допускается осуществление необходимой для их сохранения деятельности, а также рекреационной деятельности;
5. Зоны хозяйственного назначения, в границах которой допускается осуществление деятельности, направленной на обеспечение функционирования федерального государственного бюджетного учреждения, осуществляющего управление национальным парком, и жизнедеятельности граждан, проживающих на территории национального парка, а также осуществление рекреационной деятельности;
6. Зоны традиционного экстенсивного природопользования, которая предназначена для обеспечения жизнедеятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и в границах которой допускается осуществление традиционной хозяйственной деятельности и связанных с ней видов неистощительного природопользования.

Кроме того, к таким режимам относятся и механизмы мониторинга состояния окружающей природной среды, а также процедуры оценки воздействия на окружающую среду планируемых хозяйственных и строительных проектов, лицензирование и разрешительная деятельность в области экологии и защиты природы [7].

Таким образом, следует подчеркнуть, что конституционное право на благоприятную окружающую среду не исчерпывается экологическим благополучием в объективном измерении — чистотой водных объектов, атмосферного воздуха и почв. В содержании ст. 42 Конституции РФ, а также действующих доктрин экологического права и международно-правовых подходов, выделяются также процедурные элементы, обеспечивающие реальную возможность реализации охранительной функции такого права. К числу таковых относятся: право на доступ к экологически значимой информации, включая оперативное информирование о загрязнениях, право на участие граждан и их объединений в подготовке и принятии экологически значимых решений, а также право на судебную и внесудебную защиту, включая возмещение вреда, причинённого жизни и здоровью или имущества в следствии экологических правонарушений.

Проведённый анализ поднятой проблемы позволяет констатировать, что существующие механизмы национальной охраны арктических территорий, не обеспечивают должной оперативности и полноты реагирования на угрозы техногенной деградации Арктики. Указанные пробелы проявляются в отсутствии кодифицированных стандартов ответственности для субъекта хозяйственной деятельности в высокоширотных регионах РФ, разрозненности процедур общественного контроля, а также несинхронизированности бюджетных механизмов федерального и регионального уровней. В связи с чем обоснованным представляется инициирование разработки и имплементации Международного кодекса защиты Арктики, специализированного акта, устанавливающего унифицированные экологические стандарты для приарктических государств. Соблюдение закреплённых в нём норм позволит минимизировать потенциальный вред уникальным экосистемам за счёт введения обязательных превентивных и восстановительных процедур, а также создать дополнительные правовые основания для привлечения внебюджетных источников финансирования и целевых ассигнаций, направленных на ликвидацию накопленного вреда и предотвращению дальнейшей деградации арктических территорий.

Литература:

1. По административному иску прокуратуры Ненецкого автономного округа...: [Электронный ресурс] // Прокуратура Архангельской области и Ненецкого автономного округа: официальный сайт. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_29/mass-media/news/archive/e7062486/ (дата обращения: 02.08.2026).

2. Перечень нормативных правовых актов (их отдельных положений), содержащих обязательные требования, оценка соблюдения которых осуществляется в рамках федерального государственного геологического контроля (надзора), привлечения к административной ответственности, предоставления лицензий, иных разрешений, аккредитации: утв. Минприроды России 23.12.2022. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 02.08.2026).
3. Тулаева С. А. Экологическая мобилизация в российских регионах: общие тенденции и региональные особенности / С. А. Тулаева, Е. С. Семушкина // Мир России. — 2026. — Т. 35, № 3. — С. 47–75. — DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2026-35-3-47-75>.
4. Кагирова С. Д. Экологическое волонтерство в особо охраняемых природных территориях // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — № 2–1 (89). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskoe-volonterstvo-v-osobo-ohranyaemyh-prirodnih-territoriyah> (дата обращения: 30.07.2026). — Текст: электронный.
5. Команда Арктики [Электронный ресурс]: студенческий экспедиционный корпус: [сайт]. — URL: <https://teamarctic.ru/> (дата обращения: 20.08.2026).
6. Высторобец Е. А. Право на благоприятную окружающую среду // Министерство экологии и природных ресурсов Республики Татарстан: [сайт]. — URL: <https://eco.tatarstan.ru/pravo-na-blagopriyatnuyu-okruzhayushchuyu-sredu.htm> (дата обращения: 02.08.2026). — Текст: электронный.
7. Об особо охраняемых природных территориях: Федеральный закон № 33-ФЗ: [принят Государственной Думой 15 февраля 1995 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1995. — № 12. — Ст. 1024.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 34 (637) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 02.09.2026. Дата выхода в свет: 09.09.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.